

Архитектура колониальной Америки

Гарольд Дональдсон Эберлайн

THE ARCHITECTURE OF COLONIAL AMERICA

BY

HAROLD DONALDSON EBERLEIN

Содержание

АРХИТЕКТУРА КОЛОНИАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

АРХИТЕКТУРА КОЛОНИАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

ГЛАВА I ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА II ГОЛЛАНДСКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТИП 1613-1820

ГЛАВА III КОЛОНИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НОВОЙ АНГЛИИ

ГЛАВА IV ПРЕДГЕОРГИАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА В СРЕДНИХ КОЛОНИЯХ Английское, валлийское, шведское и немецкое влияние

ГЛАВА V КОЛОНИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА

ГЛАВА VI ГЕОРГИАНСКИЙ СТИЛЬ В НОВОЙ АНГЛИИ

ГЛАВА VII ГЕОРГИАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА В НЬЮ-ЙОРКЕ

ГЛАВА VIII ПЕНСИЛЬВАНИЯ, НЬЮ-ДЖЕРСИ И ДЕЛАВЕР В ГЕОРГИАНСКОМ СТИЛЕ 1720-1805

ГЛАВА IX ГЕОРГИАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА

ГЛАВА X ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД И РЕВИВАЛЬНЫЙ СТИЛЬ

ГЛАВА XI ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДОВ

ГЛАВА XII ЦЕРКВИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

ГЛАВА XIII МАТЕРИАЛЫ И ТЕКСТУРЫ

ГЛАВА XIV РАННИЕ АМЕРИКАНСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ И ИХ РЕСУРСЫ

УКАЗАТЕЛЬ

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга проекта Гутенберга «Архитектура колониальной Америки»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Архитектура колониальной Америки

Автор: Гарольд Дональдсон Эберлайн

Фотограф: Мэри Харрод Нортенд

Дата выпуска: 24 марта 2019 г. [электронная книга № 59120]

Последнее обновление: 24 января 2021 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, доступных в Интернет-архиве)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «АРХИТЕКТУРА КОЛОНИАЛЬНОЙ АМЕРИКИ» ***

[СОДЕРЖАНИЕ.](#)

[УКАЗАТЕЛЬ.](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

(примечание переписчика электронного текста)

АРХИТЕКТУРА
КОЛОНИАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

ДВЕРНОЙ ПРОЕМ ВЫКА, ГЕРМАНТАУН, ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

Прекрасный образец колониального стиля Пенсильвании. Построен в 1690 году.

Фронτισпис.

АРХИТЕКТУРА КОЛОНИАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

ХАРОЛД ДОНАЛЬДСОН ЭБЕРЛЕЙН

ИЛЛЮСТРИРОВАНО ФОТОГРАФИЯМИ

МЭРИ Х. НОРТЭНД

И ДРУГИМИ

BOSTON
LITTLE, BROWN, AND COMPANY

1915

Авторское право, 1915 г.,
Литтл, Браун и Компания

—
Все права защищены

Опубликовано в октябре 1915 года

Norwood Press

Набор и электротипия: J. S. Cushing Co., Норвуд, Массачусетс, США

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель данного издания — кратко изложить историю и проанализировать архитектуру колониальной Америки таким образом, чтобы оно было интересно и полезно как для широкого круга читателей, так и для архитекторов.

Тема будет рассматриваться с учетом тесной связи между архитектурой и социально-экономическими условиями того периода, что позволит пролить дополнительный свет на повседневную жизнь наших предков. В то же время будет проведен тщательный критический анализ происхождения и развития нескольких стилей XVII и XVIII веков, которые оставили нам такое богатое архитектурное наследие, основанное на традициях, привезенных через Атлантический океан первыми мастерами и ремесленниками.

Мы надеемся, что такой анализ внесет существенный вклад в более широкое признание наших ценностей и будет полезен при интерпретации современных зданий, в которых сохранились традиции прошлого. Возможно, не будет чрезмерным надеяться, что более точное знание ранних достижений может даже послужить источником вдохновения и руководством для тех, кто намеревается построить себе дом.

Благодаря тем, кто так любезно помог в подготовке этой книги, в первую очередь следует выразить признательность мисс Мэри Харрод Нортенд, по чьему предложению и была реализована эта затея, и чьи иллюстрации в значительной степени сделали ее возможной. Автор также выражает благодарность компании J. B. Lippincott Company из Филадельфии за разрешение использовать ряд иллюстраций домов Пенсильвании, которые появились в книге «Колониальные дома Филадельфии и ее окрестностей» (The Colonial Homes of Philadelphia and its Neighbourhood) авторов Х. Д. Эберлейна и Х. М. Липпинкотта, а также за разрешение воспроизвести иллюстрацию дома Адама Торгуда из книги «Исторические дома и церкви Вирджинии» Роберта А. Ланкастера-младшего; компании *Architectural Record* за разрешение включить в главы IV, VIII и XI части статей, предоставленных этому журналу; доктору Джорджу В. Нэшу из Олд Херли за щедрую помощь в предоставлении множества иллюстраций, взятых из широкого географического региона; Х. Л. Дурингу-младшему из Филадельфии за предложения, которые принесли важные плоды в ходе работы над книгой « » и за иллюстрацию зала в Эфрате; господам Р. А. Ланкастеру-младшему, Г. К. Каллахану и Джозефу Эверетту Чандлеру за разнообразную помощь; библиотекарю и сотрудникам Библиотечной компании Филадельфии, а также библиотекарю и сотрудникам Исторического общества Пенсильвании за постоянную любезность во время подготовки следующих страниц « »; компании *Brickbuilder*, г-ну Эдмунду С. Эвансу и, наконец, г-дам Хорасу Мазеру Липпинкотту и Филипу Б. Уоллесу за ценную помощь в вопросах фотографий.

Филадельфия, август 1915 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. ВВЕДЕНИЕ	1
II. ГОЛЛАНДСКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТИП ^{1613–1820}	14
III. КОЛОНИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НОВОЙ АНГЛИИ	38
IV. АРХИТЕКТУРА СРЕДНИХ КОЛОНИЙ ДО ГЕОРГИАНСКОГО ПЕРИОДА	57
V. КОЛОНИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА	77
VI. ГРУЗИНСКИЙ СТИЛЬ В НОВОЙ АНГЛИИ	99
VII. ГРУЗИНСКАЯ АРХИТЕКТУРА В НЬЮ-ЙОРКЕ	113
VIII. ПЕНСИЛЬВАНИЯ, НЬЮ-ДЖЕРСИ И ДЕЛАВЭР В ГЕОРГИАНСКОМ СТИЛЕ ^{1720–1805}	120
IX. ГРУЗИНСКАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА	156
X. ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД И ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССИЦИЗМА	166
XI. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДОВ	182
XII. ЦЕРКВИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА	205
XIII. МАТЕРИАЛЫ И ТЕКСТУРЫ	236
XIV. РАННИЕ АМЕРИКАНСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ И ИХ РЕСУРСЫ	252
УКАЗАТЕЛЬ : A B C D E F⁽ⁱ⁾ G H I J K^{L()} M() N() O() P() Q() R() S() T() U() V() W() Y()	275

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Дверной проем в Уике, Джермантаун, Филадельфия. 1690	Фронтиспис
	НАПРОТИВ
	СТРАНИЦЫ
Здание Сената, Кингстон-он-Хадсон, Нью-Йорк. 1676	4
Дом Уорда, недалеко от Салема, Массачусетс.	4
Дом в Йорктауне, Вирджиния.	5
Внешний вид дома Ли, Марблхед, Массачусетс. 1768	5
Лорел-Хилл, Фэрмонт-парк, Филадельфия. 1762	10
Пингри или Белый портик, Салем, Массачусетс.	10
Типичные дома, Старый Херли, Нью-Йорк.	11
Дом Элмендорф, Старый Херли, Нью-Йорк.	11
Дом Ван Деузена, Старый Херли, штат Нью-Йорк.	16
Прихожая, дом Ван Деузена	16

<u>Дом Хоффмана, Кингстон-он-Хадсон, штат Нью-Йорк</u>	<u>17</u>
<u>Характерный старинный голландский дом, Кингстон-он-Хадсон, штат Нью-Йорк.</u>	<u>17</u>
<u>Дом Акермана (Бринкерхоффа), Хакенсак, Нью-Джерси, 1704 г.</u>	<u>24</u>
<u>Дом Верпланка, недалеко от Фишкилл-Лэндинг, штат Нью-Йорк.</u>	<u>24</u>
<u>Холл, дом Боуна, Флашинг, Лонг-Айленд, Нью-Йорк.</u>	<u>25</u>
<u>Столовая, особняк Ван Кортландт, Кротон-он-Хадсон, Нью-Йорк.</u>	<u>25</u>
<u>Дом семи фронтонов, Сейлем, Массачусетс, 1669 г.</u>	<u>40</u>
<u>Дом Фэрбенкс, Дедхэм, Массачусетс. 1636</u>	<u>40</u>
<u>Дом Уиппл, Ипсвич, Массачусетс.</u>	<u>41</u>
<u>Дом Уиппл, Ипсвич, Массачусетс.</u>	<u>41</u>
<u>Дом Пола Ревера, фасад, после реставрации. 1676</u>	<u>46</u>
<u>Дом Пола Ревера. Большая комната, первый этаж</u>	<u>47</u>
<u>Дом Дотена, Плимут, Массачусетс. 1640</u>	<u>52</u>
<u>Дом Нарбон, Салем, Массачусетс.</u>	<u>52</u>
<u>Уиннестей, Филадельфия. 1689</u>	<u>53</u>
<u>Южный фасад дома Уайк, Джермантаун, Филадельфия. 1690</u>	<u>53</u>
<u>Маленькая таверна на пересечении улиц Ионик и Американ, Филадельфия. 1692 г.</u>	<u>60</u>
<u>Дом Уильяма Пенна, Фэрмонт-парк, Филадельфия</u>	<u>60</u>
<u>Дом Глория Дей Глебе</u>	<u>61</u>
<u>Самый старый дом в Довере, Делавэр.</u>	<u>61</u>
<u>Квакерский приют, Филадельфия</u>	<u>66</u>
<u>Лондонская (Брэдфордская) кофейня, Филадельфия. 1702</u>	<u>66</u>
<u>Старое здание суда Филадельфии. 1707</u>	<u>67</u>
<u>Дом собраний Мерион, Пенсильвания. 1695</u>	<u>74</u>
<u>Дом сестер-моравских, Вифлеем, Пенсильвания. ок. 1748</u>	<u>75</u>
<u>Зал, Эфрата, Пенсильвания.</u>	<u>75</u>
<u>Дом Адама Торгуда, округ Принцесса Энн, Вирджиния, ок. 1740 г.</u>	<u>88</u>
<u>Дом губернатора Идена, Эдентон, Северная Каролина.</u>	<u>88</u>
<u>Дом в Йорктауне, Вирджиния.</u>	<u>89</u>
<u>«Больничный» дом, Йорктаун, Вирджиния.</u>	<u>89</u>
<u>Дом почтенного Джона Блэра, Вильямсбург, Вирджиния.</u>	<u>98</u>
<u>Дом Кэри, Вильямсбург, Вирджиния.</u>	<u>98</u>
<u>Дом Роялла, Медфорд, Массачусетс. 1732</u>	<u>99</u>
<u>Дом Ли, Марблхед, Массачусетс. 1768</u>	<u>99</u>
<u>Дом Ройалл. Западный вход</u>	<u>100</u>
<u>Дом Ройалл. Дверной проем в западной гостиной</u>	<u>100</u>

<u>Дом Ли. Банкетный зал</u>	<u>101</u>
<u>Дом Ли. Лестница</u>	<u>101</u>
<u>Ли Хаус. Камин</u>	<u>104</u>
<u>Дом Ли. Обои</u>	<u>104</u>
<u>Дом Макфедрис-Уорнер, Портсмут, Нью-Гэмпшир, 1723 г.</u>	<u>105</u>
<u>Особняк Даммера, Байфилд, Массачусетс, ок. 1715 г.</u>	<u>105</u>
<u>Дверной проем, дом Даммера</u>	<u>108</u>
<u>Липены. Лестница и холл. Около 1770 г.</u>	<u>109</u>
<u>Дом Вентвортов. Холл и лестница</u>	<u>109</u>
<u>Дом Парсона Уильямса, Дирфилд, Массачусетс. 1707</u>	<u>112</u>
<u>Дом Ван Кортланда, Ван Кортландт Парк, Нью-Йорк</u>	<u>113</u>
<u>Дом Филиппа, Йонкерс, Нью-Йорк. 1683</u>	<u>116</u>
<u>Таверна Фраунса, Брод-стрит, Нью-Йорк</u>	<u>117</u>
<u>Деталь окна, дом Ван Кортланда</u>	<u>118</u>
<u>Дом Филиппа, недалеко от Тарритауна, штат Нью-Йорк</u>	<u>118</u>
<u>Уэйнсборо, Паоли, Пенсильвания, 1724 г.</u>	<u>119</u>
<u>Грэм-парк, Хоршем, Пенсильвания. 1721</u>	<u>119</u>
<u>Грэм Парк, Саут Фронт</u>	<u>120</u>
<u>Хоуп Лодж, Уайтмарш Вэлли. 1723</u>	<u>120</u>
<u>Большой салон, Грэм Парк</u>	<u>121</u>
<u>Прихожая, Хоуп Лодж</u>	<u>121</u>
<u>Уитби-холл, северный фасад, Кингссессинг, Филадельфия. 1754 г.</u>	<u>128</u>
<u>Лестница, Уитби-Холл</u>	<u>128</u>
<u>Уитби-холл, южный фасад</u>	<u>129</u>
<u>Деталь камина, Уитби-Холл</u>	<u>129</u>
<u>Клайвден, Джермантаун, Филадельфия. 1761</u>	<u>140</u>
<u>Каминная полка в гостиной, Маунт Плезант, Филадельфия. 1761 г.</u>	<u>141</u>
<u>Вудлендс, южный фасад. Филадельфия, ок. 1770</u>	<u>141</u>
<u>Вудлендс, северный фасад</u>	<u>146</u>
<u>Хайлендс, долина Уайтмарш, Пенсильвания. 1796</u>	<u>146</u>
<u>Хомвуд, недалеко от Балтимора</u>	<u>147</u>
<u>Харвуд, Аннаполис. 1774</u>	<u>160</u>
<u>Брайс-Хаус, Аннаполис. 1740</u>	<u>160</u>
<u>Ширли, Джеймс-Ривер, Вирджиния.</u>	<u>161</u>
<u>Вестовер, река Джеймс, Вирджиния.</u>	<u>161</u>
<u>Картерс-Гроув, Вирджиния. 1728</u>	<u>164</u>
<u>Андалусия на Делавэре, Пенсильвания. 1794-1832</u>	<u>165</u>

<u>Старая морская биржа, Филадельфия</u>	<u>165</u>
<u>Эндрю Саффорд Порч, Салем, Массачусетс.</u>	<u>176</u>
<u>Внутренний дверной проем, дом Николса, Сейлем, Массачусетс</u>	<u>176</u>
<u>Капитолий в Вашингтоне</u>	<u>177</u>
<u>Колледж Жирар, Филадельфия</u>	<u>177</u>
<u>Деталь окна, дом в Филадельфии</u>	<u>180</u>
<u>Деталь двери, дом в Филадельфии</u>	<u>180</u>
<u>Здание Государственного Капитолия, Филадельфия, южный фасад. 1733</u>	<u>181</u>
<u>Прихожая, Государственный дом, Филадельфия</u>	<u>181</u>
<u>Фэнуэйл-холл, Бостон. 1741</u>	<u>18</u>
<u>Зал Независимости, Государственный дом, Филадельфия</u>	<u>18</u>
<u>Старый Государственный дом, Бостон</u>	<u>18</u>
<u>Булфинч Стейт-Хаус, Бостон</u>	<u>194</u>
<u>Мэрия Нью-Йорка</u>	<u>194</u>
<u>Старый рынок Пайн-стрит, Филадельфия</u>	<u>195</u>
<u>Карпентерс-холл, Филадельфия</u>	<u>195</u>
<u>Пенсильванская больница, Филадельфия</u>	<u>204</u>
<u>Двор гостиницы «Блэк Хорс», Филадельфия</u>	<u>204</u>
<u>Приходская церковь Брутона, Вильямсбург, Вирджиния, 1714 г.</u>	<u>205</u>
<u>Церковь Олд Саут, Бостон. 1730</u>	<u>210</u>
<u>Королевская капелла, Бостон</u>	<u>210</u>
<u>Церковь Христа, Филадельфия. 1727</u>	<u>211</u>
<u>Церковь Святого Петра, Филадельфия. 1761</u>	<u>211</u>
<u>Глория Дей (Старые шведы), Филадельфия. 1700</u>	<u>220</u>
<u>Церковь Святого Луки, Смитфилд, Вирджиния. 1632</u>	<u>220</u>
<u>Церковь Старого корабля, Хингам, Массачусетс.</u>	<u>221</u>
<u>Церковь Сонная лощина, Ирвингтон, Нью-Йорк</u>	<u>221</u>

АРХИТЕКТУРА КОЛОНИАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

АРХИТЕКТУРА — это кристаллизованная история. Она не только представляет жизнь прошлого в видимой и долговечной форме, но и отражает одну из самых приятных сторон творческой деятельности человека. Кроме того, если мы немного прочитаем между строк, здания прошлых дней расскажут нам, какие мужчины и женщины в них жили. Действительно, некоторые древние сооружения настолько пропитаны личностью своих бывших обитателей, что практически невозможно отделить одно от другого.

Но в данный момент нас интересует история архитектуры колониальной Америки скорее как раскрытие социальных и бытовых привычек наших предков. Так же как натуралист может воссоздать облик вымершего животного по горстке костей или определить возраст и внешний вид морского существа, которое когда-то обитало в теперь пустой раковине, так и историк архитектуры может многое узнать о качестве и образе жизни тех, кто когда-то жил в домах, составляющих предмет его исследования. Неоспоримые доказательства этого находятся в кирпичках и камнях, в бревнах и растворе, и мы можем их прочесть, если захотим.

Что может быть более убедительным, чем ранняя кухня Новой Англии, в широком камине которой до сих пор висят краны и трамели, и где сохранился весь набор кухонных принадлежностей, необходимых для приготовления пищи на открытом огне? Форма печи свидетельствует о способе выпечки хлеба. Один взгляд на эти вещи вызывает верную и яркую картину важного аспекта домашней жизни. Или, перевернув еще одну страницу в этой книге прошлого, мы читаем другую историю в застекленных смотровых куполах — «капитанских прогулках», как их называли, — на вершинах великолепных особняков с солидным и процветающим видом в старых портовых городах. Туда купцы-принцы и судовладельцы былых дней привыкли подниматься, чтобы осматривать море в поисках парусов своих возвращающихся торговых судов, груженных богатствами Индии или сырой продукцией из Ямайки или Барбадоса.

Старые голландские дома в городах на реке Гудзон отражают совершенно иной образ жизни. Во многих случаях гостиные были расположены на первом этаже (), а низкие, темные чердаки без окон свидетельствуют о традиции хранить там богатые запасы зерна и других продуктов своих плодородных ферм. В том же регионе усадьбы и другие большие дома свидетельствуют о стиле жизни, который не может быть превзойден по живописности в анналах колониальной Америки.

Просторные загородные дома в окрестностях Филадельфии с их величественными садами и обширными территориями свидетельствуют о беззаботном богатстве и открытом гостеприимстве их строителей, чей стиль жизни часто соперничал по элегантности, а иногда и превосходил стиль жизни английской загородной знати. В городских домах были те же несомненные свидетельства придворной светской жизни, которая царила в столице колоний. Вокруг города и по всей провинции Пенсильвания стояли солидные каменные и кирпичные фермерские дома, которые полностью подтверждали процветание класса мелких землевладельцев, а также указывали на некоторые поразительные особенности их привычек и обычаев.

Продолжая путь на юг, мы видим в благородных домах, украшавших обширные поместья Вирджинии и Мэриленда, образ жизни, порой социально великолепный и почти патриархальный по своему характеру, который не имел себе равных в других местах.

Так и далее. Можно бесконечно приводить примеры, чтобы показать, как архитектура была верным зеркалом современной жизни и нравов и как общественные здания того времени отражали классическую элегантность вкуса, преобладавшую в то время и находившую выражение в тысяче других способов. Мы также узнаем, почему Новая Англия, несмотря на изобилие камня, предпочитала строить здания из горючего дерева, в то время как Пенсильвания, Делавэр,

Мэриленд и Вирджиния, несмотря на огромные и разнообразные запасы древесины, предпочитали строить из кирпича или камня, часто с большими неудобствами и затратами.

Наши патриотические, исторические и генеалогические общества многое сделали для того, чтобы мы относились к мужчинам и женщинам прошлых лет с более глубоким почтением, чем, возможно, мы относились к ним раньше. Мы надеемся, что эта книга, таким же образом, будет полезна для повышения нашей оценки архитектурного богатства, которое осталось позади нас. У нас есть история, которой мы можем гордиться, и у нас есть архитектурное наследие, датированное временем, когда эта история создавалась, на которое мы можем смотреть с глубоким и справедливым удовлетворением.

Достойные достижения в области строительства в колониальный период должны наполнять нас глубоким уважением к способностям и энергии людей, которые, создавая нацию и покоря дикую природу, нашли время для возведения огромного количества зданий, как жилых, так и общественных, которые сегодня вызывают наше искреннее восхищение и являются для нас не малым источником вдохновения в области архитектуры.

СЕНАТСКИЙ ДОМ, КИНГСТОН-НА-ГУДСОНЕ, НЬЮ-ЙОРК

Пример ранних голландских особенностей. Построен в 1676 году.

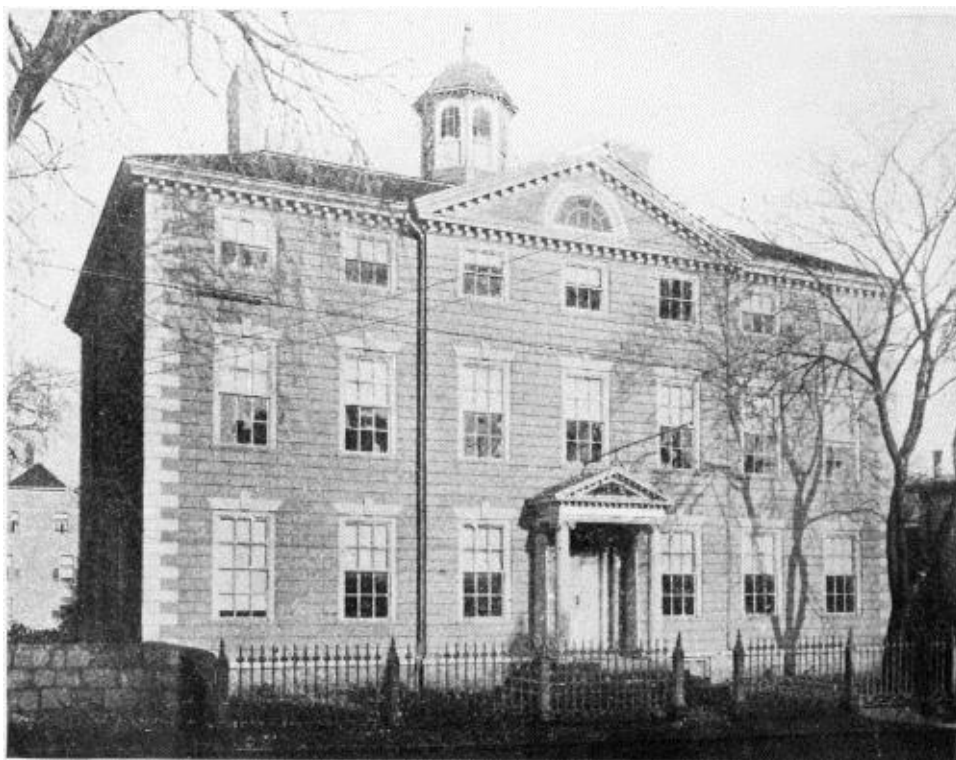
Авторские права, 1912, Болдуин Кулидж.

ДОМ УОРДА, НЕДАЛЕКО ОТ СЭЛЕМА, МАССАЧУСЕТС.
Характерный образец архитектуры Новой Англии XVII века.

ДОМ В ЙОРКТАУНЕ, ВИРДЖИНИЯ.

С крутой крышей и внешними дымоходами, характерными для южного колониального стиля.

ВНЕШНИЙ ВИД ДОМА ЛИ, МАРБЛХЕД, МАССАЧУСЕТС.

Представитель второго этапа развития георгианского стиля в Новой Англии. Построен в 1768 году.

Но мы должны обратиться и к другому аспекту этого вопроса и рассмотреть архитектуру колониальной Америки с более чисто технической точки зрения. Однако следует помнить, что историческая сторона вопроса, охватывающая социальные и экономические отношения, имеет огромное значение и способствует более глубокому пониманию всей ситуации. Действительно, без адекватных исторических знаний многие архитектурные этапы будут непонятны по своему характеру или происхождению. В качестве примера можно привести традицию каркасного строительства в Новой Англии. Кровь играет в архитектуре не меньшую роль, чем в любой другой сфере, и если мы не знаем истории первых колонистов, если мы не знаем их исторических предков в Англии, мы не можем рассчитывать на полное понимание их наследственной привязанности к деревянным зданиям. Таким образом, мы видим, что история и архитектурное выражение идут рука об руку, и для полного понимания того и другого необходимо изучать и то, и другое.

Помня о полном значении истории, мы будем изучать архитектуру колониального периода с гораздо большим пониманием и интеллектом, чем мы могли бы ожидать, если бы исключили исторический контекст. Конечно, в настоящем томе исторический контекст должен оставаться фоном, архитектурные вопросы должны занимать преимущественное место, а история, какой бы увлекательной она ни была, должна упоминаться только для пояснения архитектурных этапов.

С пониманием тесно связано качество оценки, и нам необходимо понимать наше архитектурное прошлое, чтобы мы могли его в полной мере оценить. Точно так же для нас абсолютно необходимо понимать и ценить наше архитектурное прошлое, чтобы мы могли ценить наше архитектурное настоящее. Тщательное знакомство с творчеством и мастерством архитекторов, возводивших здания XVII и XVIII веков, даст нам более правдивую перспективу и позволит лучше судить о достоинствах современных произведений. Широкое интеллектуальное восприятие неизбежно ведет к улучшению общественного вкуса, так что наше изучение прошлого обязательно окажет благотворное влияние на архитектурную деятельность наших дней.

Близнецом признания является различение, и, оценивая архитектуру колониальной Америки, мы также научимся различать различные местные проявления и относить каждое из них к его

правильному происхождению. В этой связи следует дать объяснение в ответ на вопрос, который, несомненно, уже задали себе некоторые читатели, касательно названия, выбранного для этого тома: «Почему он не называется «Колониальная архитектура в Америке»?». Просто потому, что такое название было бы вводящим в заблуждение. Действительно, нет более часто неправильно используемого термина, чем «колониальная архитектура». В колониальной Америке существовало два вида архитектуры, один из которых правильно называется колониальным, а другой — нет. Один из них полностью отличается от другого, и путать их было бы неправильно. Второй вид — это георгианский, и называть его чем-либо иным, кроме георгианского, нелогично и неоправданно. Колониальная архитектура развивала свои характерные формы в Америке в соответствии с требованиями местных условий, в то время как георгианская была напрямую перенесена из Англии и, хотя и демонстрировала заметные тенденции к дифференциации в различных частях колоний, сохраняла во всех случаях безошибочное сходство с родительским источником, из которого она произошла.

Колониальная архитектура, которая действительно является колониальной, представляет несколько явно различающихся форм местного проявления, каждая из которых имеет ярко выраженные характеристики. Одна форма встречается в Новой Англии и за пределами Новой Англии () не встречается. Другой тип, совершенно иного вида, свойственен частям штата Нью-Йорк, заселенным в ранний период голландскими колонистами, а также частям Лонг-Айленда и северного Нью-Джерси, где голландское влияние было преобладающим. Еще один, совершенно отличный колониальный тип архитектуры можно увидеть в многочисленных примерах в Пенсильвании, Нью-Джерси и Делавэре. Четвертый тип, с еще другими четко выраженными особенностями, иногда можно встретить в Мэриленде, Вирджинии и Каролинах. Недостаток примеров подлинной колониальной архитектуры в последнем из названных регионов объясняется тем, что южные плантаторы, когда их богатство увеличилось, предпочли жить более роскошно, чем позволяло их первоначальное жилище. Поэтому он построил себе величественный дом в георгианском стиле, который лучше соответствовал более элегантному стилю и обстановке, которую он теперь мог себе позволить. «Красивый кирпичный дом» в георгианском стиле с портиками и колоннами часто стоял на месте прежнего дома, который либо был частично включен в него, либо снесен, чтобы освободить место для него, потому что первоначально выбранное место было самым подходящим на территории поместья и лучше всего соответствовало вкусам владельца.

Все эти типы колониальной архитектуры обладают здоровым, самобытным колоритом, который напоминает о мужественной энергии и крепкой выносливости пионеров, которые имели смелость и инициативу отказаться от привычного комфорта и знакомых условий дома и без колебаний столкнуться с опасностями и трудностями дикой природы как основатели поселения, будущее которого было отнюдь не гарантировано и о величии которого они и не мечтали. Этот тон стойкой, самобытной оригинальности был обусловлен местными формами, развившимися в ответ на местные потребности, продиктованными изобретательным здравым смыслом и привитыми к унаследованному запасу архитектурных традиций, которые первые поселенцы, прибывшие из той или иной части старого света, привезли с собой сюда. Другими словами, это был логичный и необходимый результат архитектурных прецедентов, измененных под влиянием новой среды, и все его формы явно прослеживаются до типичных предшественников по другую сторону Атлантики. Эдвард Эглстон где-то сказал, что «человеческому разуму трудно быть оригинальным, даже в новом полушарии». Часто он вынужден быть оригинальным под давлением обстоятельств. Так было и в наших ранних архитектурных попытках. Первые поселенцы следовали традициям, насколько могли, и пробовали оригинальные решения только под давлением необходимости или целесообразности.

Несмотря на то, что различные формы были полны изящества, присущего духу строительства и дизайна ранних строителей, они также были сильны, потому что были настолько утилитарны и потому что почти каждая их особенность была создана в ответ на какую-то конкретную местную

потребность. Жизненная сила ранней и подлинно колониальной архитектуры не иссякла, и спустя почти триста лет мы обращаемся к ней и обнаруживаем, что она по-прежнему богата возможностями адаптации ко многим нашим современным требованиям. Благодаря своим сугубо утилитарным характеристикам, колониальная архитектура во всех своих формах совершенно непритязательна, неформальна и, можно сказать, случайная, но она соответствовала манерам и положению большинства людей, для которых она была создана.

С другой стороны, формальность как элемент американской архитектуры появилась с приходом грузинского влияния. В большинстве случаев это была не холодная, жесткая, строгая формальность, а скорее формальность упорядоченной симметрии и согласованности с элегантным гением и утонченностью классических архитектурных канонов. Это была, если можно так выразиться, формальность, смягченная домашним уютом и здравым смыслом. Американские колонисты XVIII века приняли георгианский стиль, когда смогли себе его позволить и приобрели к нему стремление, и адаптировали его к своим целям. Эти адаптации приняли разные формы в разных частях колоний, демонстрируя определенные местные особенности в Новой Англии и другие, столь же отличительные, в Средних колониях или на Юге. Однако, несмотря на незначительные различия, все образцы георгианского стиля в Америке имеют безошибочное семейное сходство, которое свидетельствует об их общем происхождении от британского классического стиля. Позднее георгианское искусство в Америке следовало за поздними фазами развития этого стиля в Англии, и поэтому мы видим множество вариаций, обусловленных различиями во времени и месте, но во всех своих проявлениях, будь то временных или местных, американское георгианское искусство остается верным духу и традициям своего сильно индивидуального источника вдохновения.

ПИНГРИ ИЛИ БЕЛЫЙ ПОРТИК. СЕЙЛЕМ, МАССАЧУСЕТС.

Демонстрирует изящные детали и утонченность, присущие последней фазе георгианского стиля.

Авторские права. J. B. Lippincott Co.

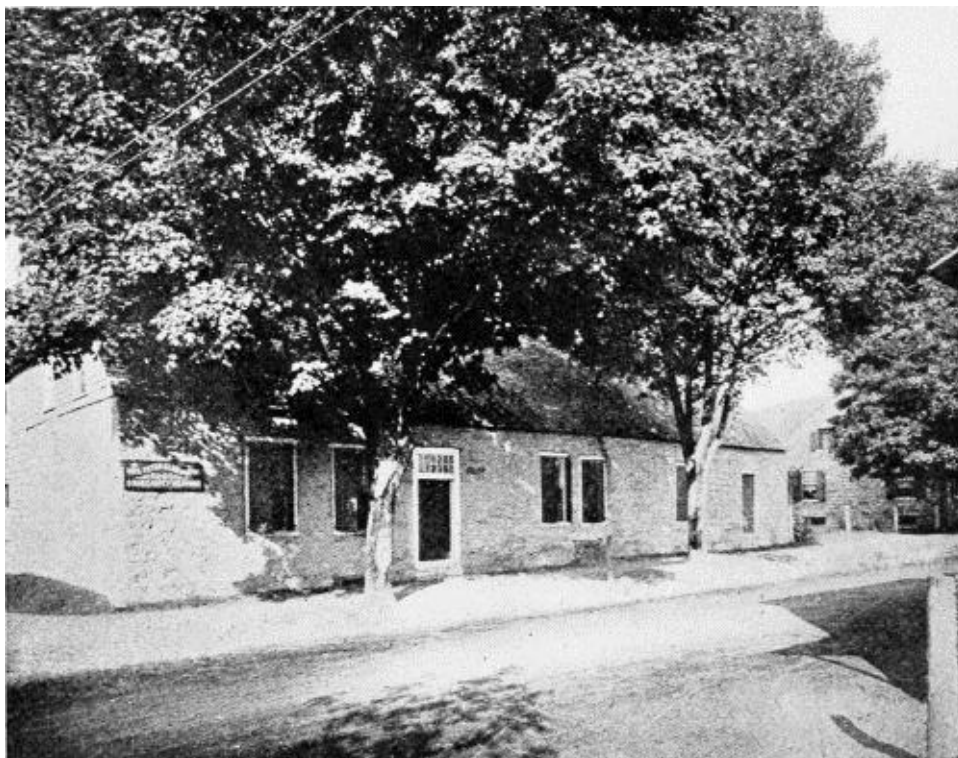
ЛОРЕЛ-ХИЛЛ, ФЭЙРМОНТ-ПАРК, ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

Относится ко второму типу среднеколониального георгианского стиля. Построен в 1762 году.

ТИПИЧНЫЕ ДОМА. ОЛД ХЕРЛИ, НЬЮ-ЙОРК.

С толстыми стенами и небольшими карнизами.

ДОМ ЭЛМЕНДОРФА, СТАРЫЙ ХЕРЛИ, НЬЮ-ЙОРК.

Ранний голландский тип до местных модификаций.

Экономические и социальные условия сделали возможным внедрение и развитие георгианского стиля в Америке, и те же условия питали и поддерживали его, пока его влияние продолжало доминировать в общественном вкусе. Когда его последняя фаза перешла в формы классического возрождения, возник новый порядок общества, движимый другими идеалами. Эпоха всеобщего мира и растущего процветания в начале XVIII века позволила и побудила колонистов уделять больше внимания материальным удобствам жизни, чем они делали раньше, и было вполне естественно, что в благоприятных внутренних условиях они стремились подражать роскоши и более изысканному образу жизни, царившему в метрополии (), и принятие современных британских архитектурных стилей было одним из способов, которым это сыновнее подражание находило свое выражение. Когда период георгианского влияния подошел к концу и первое место в народном почете занял стиль классического возрождения, возникли новые экономические, социальные и политические обстоятельства, с которыми преобладающий архитектурный стиль был более согласован. Широко распространенное богатство в сочетании с общим духом независимой самодостаточности и склонностью следовать французскому вдохновению нашли подходящую среду в помпезности неоклассических интерьеров, мода на которые в основном объясняется влиянием, возникшим в результате Французской революции, тем же влиянием, которое дало нам мебель в стиле ампир, так широко копируемую как в Англии, так и в Америке.

Изучая историю архитектуры в Америке с начала колониального периода до конца постколониальной деятельности, можно проследить непрерывный и логичный процесс развития, каждая последующая фаза которого была верным отражением современных местных нравов и образа жизни. По-настоящему самобытной архитектуры не существовало. Архитектурные заимствования, измененные и часто затуманенные силой обстоятельств, не всегда очевидны, и иногда, чтобы их обнаружить, необходим тщательный анализ и некоторые знания по истории. Изучающий американскую архитектуру не должен быть озадачен, обнаруживая определенные гибридные типы. Совершенно естественно, что такие типы были разработаны изобретательным

народом, обладающим талантом к адаптации и имеющим в своем распоряжении множество моделей, комбинацию, целесообразность которой подсказывала ситуация. Несмотря на все ошеломляющее многообразие проявлений, которые предлагает архитектура колониальной Америки, происхождение из наследственных европейских источников можно определить, приложив немного усилий, и тогда становятся явно заметными нити преемственности и роста. Подробное объяснение генезиса и постепенных этапов развития нескольких типов будет содержаться в следующих главах.

ГЛАВА II

ГОЛЛАНДСКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТИП

1613-1820

Голландский колониальный дом одновременно является загадкой и парадоксом. Он является загадкой, потому что, кажется, противоречит закону физики о том, что два тела не могут занимать одно и то же пространство одновременно. Он является парадоксом, потому что, несмотря на кажущуюся простоту, он очень сложен по своей структуре и разнообразен по своим формам и выражению.

Все мы слышали, как говорили о голландских штанах, что в них можно было поместить любые предметы, которые можно было просунуть в карманы, и количество вещей, которые голландец мог спрятать в мешковатых карманах своей нижней одежды, всегда вызывало удивление у иностранцев. Точно так же обстоит дело и с его домом. Он действительно кажется эластичным. Снаружи он производит впечатление небольшого, и кажется, что пространство внутри обязательно ограничено. Однако, переступив порог « », вас ждет сюрприз. Комнаты кажутся чудесным образом открывающимися одна из другой, и пространство, которое можно создать в четырех стенах, по-видимому, не имеет конца. Иногда попытка понять анатомические тонкости голландского жилища наполняет ум непостижимым отчаянием. Ранние голландские дома практически полностью располагаются на первом этаже, но чердак, иногда, почти так же сложен в своем загадочном устройстве. Голландцы и их жены были мастерами в организации экономии пространства. То, как они могли компактно хранить большую часть домашнего имущества, всегда вызывает у нас восхищение. Возможно, их знакомство с жизнью на каналах и связанная с этим необходимость сжимать свои вещи в узких пределах подсказали им многие из их домашних решений. В любом случае, голландские дома являются наглядным примером того, как много можно сделать в очень ограниченных пределах.

Голландские дома в Америке можно найти в долине Гудзона, на Лонг-Айленде и в округах северного Нью-Джерси, особенно в Бергене и Эссексе, заселенных голландцами в ранний период. Самые чистые формы раннего типа можно найти вдоль Гудзона. На Лонг-Айленде некоторые модифицирующие влияния начали действовать в ранний период, и в некоторых частях Лонг-Айленда, особенно в окрестностях Хемпстеда () и в восточной части острова, где в середине XVII века поселились колонисты из Новой Англии, мы видим любопытное сочетание голландских и английских черт в местной архитектуре. В северной части Нью-Джерси, хотя тип зданий является полностью голландским, большинство домов построены несколько позднее, чем вдоль реки Гудзон, и имеют черты, которые не встречаются в домах, построенных первыми колонистами Новой Голландии.

Несмотря на некоторые незначительные различия, которые будут отмечены при сравнении, существует несомненная преемственность стиля, которая отличает дома голландской архитектуры от всех других сооружений американских колонистов. Стиль первых голландских домов содержал в себе зародыши развития, и хотя самые ранние проявления голландской колониальной архитектуры были практически такими же, как и те, что были в моде в Голландии во время эмиграции колонистов, более поздние примеры раскрыли новые черты, которые были предложены и реализованы благодаря местным потребностям и изобретательности местных жителей. Именно благодаря этой гибкости и эластичности голландский колониальный стиль продемонстрировал свою адаптируемость к различным условиям, и в этой адаптируемости заключается немалая доля его пригодности в качестве ресурса для современных нужд.

Старый Хёрли недалеко от Кингстона-на-Гудзоне — чтобы выбрать яркий конкретный пример — раскрывает этот стиль в его самой ранней форме. Хотя Хёрли был заселен только около 1660 года,

построенные там дома практически не отличались от стилей, с которыми поселенцы были знакомы в Голландии до своей эмиграции. Чтобы продемонстрировать их абсолютную верность традиционному типу голландского дома « », можно сослаться на удивление голландского дипломата, который, посетив Хёрли два или три года назад, заявил, что этот город более голландский, чем почти все, что осталось в Голландии. С момента своего основания Хёрли мирно спал, нарушаемый лишь индейскими набегами и тревогами войны. Физически он почти не изменился с тех пор, как основатели поселились на богатых землях у Эсопуса. Это один из затонов нашей цивилизации, который сохранил нетронутым внешний вид и большую часть внутреннего характера на момент своего основания. Прошедшее время мало изменило его структуру, и вихри лихорадочного американского прогресса пронесли мимо него, не обращая внимания на его существование, так что он сохранил для нас освежающий кусочек дней и обычаев Новой Голландии Питера Стуйвесанта и его крепких коллег.

ДОМ ВАН ДЕУЗЕНА, ОЛД ХЕРЛИ, НЬЮ-ЙОРК

Построен в начале XVIII века.

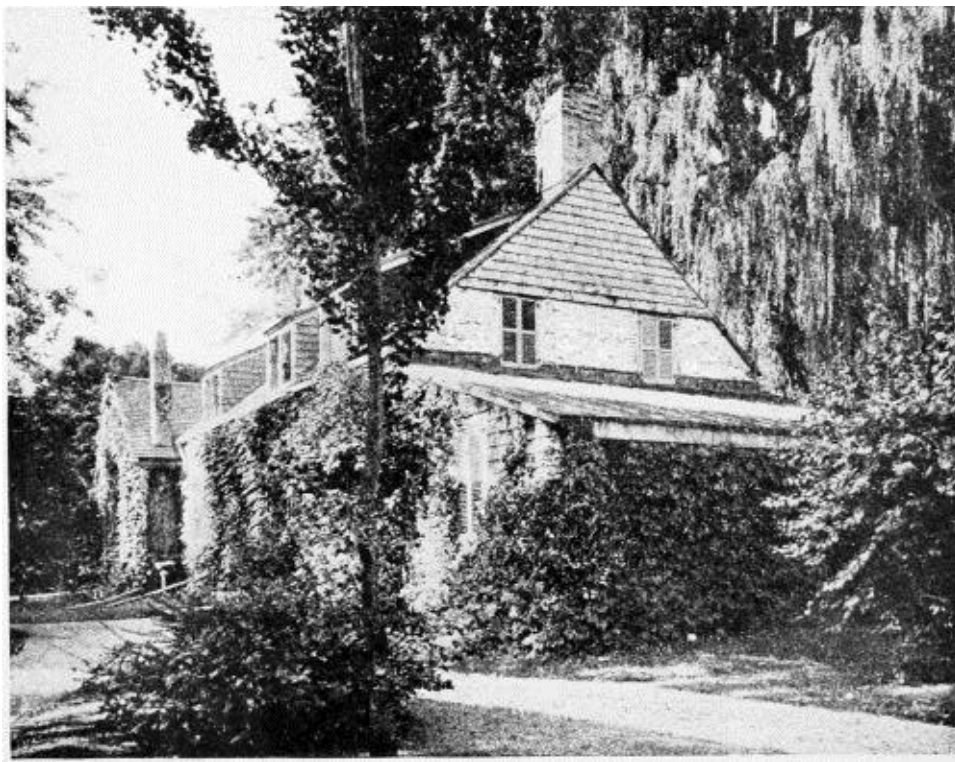

ПРИХОЖАЯ, ДОМ ВАН ДЕУЗЕНА.

ДОМ ХОФФМАНА, КИНГСТОН-НА-ГУДСОНЕ, НЬЮ-ЙОРК.

Построен вскоре после середины XVII века.

ХАРАКТЕРНЫЙ СТАРЫЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ДОМ, КИНГСТОН-НА-ГУДСОНЕ, НЬЮ-ЙОРК.

Старый Херли — это типичный голландский город: голландские жители, голландские дома, голландский облик, голландское все, кроме названия, которое было голландским в первые годы его истории, когда он был известен как Nieuw Dorp, то есть Новая деревня. Поэтому, чтобы понять образ жизни и комфортную, непринужденную неформальность, с которой архитектурный стиль вписался в окружающую среду, нам не остается ничего лучшего, как кратко ознакомиться с этим живописным сообществом.

Сыры Хёрли и беженцы из Кингстона принесли Хёрли большую часть его известности в внешнем мире. Первые были настолько многочисленны и известны, что Хёрли по праву считался «сырной шахтой». Следующая старая голландская песенка, переведенная на английский язык местным антикваром, рассказывает о богатстве Хёрли не только сыром, но и многими другими продуктами питания:

Что нам делать с пшеничным хлебом?
Съедем его с сыром из Херли.
Что нам делать с блинами?
Окунем их в сироп из Херли.
Что нам делать с кукурузной мукой
Которая поступает из окрестностей Хёрли?
Испечь сладкие и коричневые лепешки,
С зеленым сливочным сыром из Херли.

Разве это не отражает царство мира, изобилия и удовлетворенности? Древнеголландский, действительно, по-настоящему реалистичен, когда возникает вопрос: “В чем дело, когда я встретил паннекукен доен?”, и, услышав ответ: “Дуп хет встретил штропа ван Хорли”, невольно облизываешься, ощущая сочную сладость “штропа”. Само упоминание о сыре и сыроделии

вызывает в памяти образы тучной фермерской страны с сытым кормом для коров, по колено утопающих в пастбищах густо спутанного клевера, из соцветий которого пчелы перегоняют запасы на следующую зиму. Такая мысленная картина для Херли-тауна не так уж и плоха. Уютно расположившись в плодородных низинах вдоль берегов Эзопуса, его горизонты как вблизи, так и вдали ограничены Катскиллами и их предгорьями, он приближается к идеалу буколического блаженства, и каждый свободно признает, что “Нью-Дорп существует как пастораль, иначе Нью-Дорп таковой не является”.

Комфорт, сплошной комфорт - вот лейтмотив Hurley, как в помещении, так и на улице. Его дома, построенные вдоль единственной деревенской улицы, а за ними простираются сельскохозяйственные угодья, излучают значительное процветание и жизнерадостность. Это длинные, низкие здания с толстыми каменными стенами, крыши которых, выступающие чуть выше окон первого этажа, начинают свой подъем к коньковому столбу, окружая своими крытыми дранкой стенами большие, просторные чердаки, которые кажутся настоящими ноевыми ковчегами, в нишах которых спрятано все, что есть под солнцем. Ту часть второго этажа, которую старые голландцы сочли нужным использовать для хранения вещей, они превратили в комнаты для своих семей, а в скате крыши сделали крошечные слуховые окна. Однако часто единственный свет проникал в концы фронтонов, через окна по обе стороны массивных дымовых труб. Не было ничего необычного в том, что весь верхний этаж был отдан под хранение зерна и других съестных припасов, в то время как вся семья жила внизу, на первом этаже. Подвалы ни на йоту не уступали чердакам в хранении припасов. Жители Новой Голландии были отважными мясниками, перед глазами которых маячили все прелести застолья, и они израсходовали поразительно много съестных припасов. Сколько картофеля и моркови, репы, тыкв и яблок поместилось в этих огромных закромах! Там было много закусок и хедчей, с сосисками, обрезками, маринованными огурцами и вареньем, не говоря уже о бочонках сидра. Все это вносило свою лепту в аромат изобилия, который поднимался через щели и наполнял комнаты наверху. Только те, кто встречался с ними лицом к лицу, во всей их существенной телесности, могут ощутить непередаваемые подвальные запахи старых голландских фермерских домов. Повсюду практиковалась экономия пространства, и вещи были распаханы по самым разным углам. Некоторые спальни были едва ли больше каюты на пароходе, и в них часто имелись маленькие кладовые рядом с кроватью — поистине удобное расположение для тех, кто склонен к ночным набегам на кладовые. Традиция гласит, что добрые жители Херли даже брали с собой в постель свои сыры, чтобы тепло их тел помогло им созреть.

Сады Херли были и остаются источником неподдельного восторга. Они очаровательно непоследовательны и нетрадиционны. В них нет ни капли плана или притворства. Овощи Херли растут бок о бок с нежными цветами в самой демократичной неразборчивости. Капуста и огурцы соседствуют с розами и лилиями. Плебейские подсолнухи и четвероцветники беззастенчиво соседствуют с патрицианским самшитом и пышными цветами, в то время как лук и лаванда в сладком аккорде пускают свои корни в общую почву на расстоянии фута друг от друга. Голландские сады если и не великолепны, то, по крайней мере, удобны и полезны, и в них царит атмосфера общительности, которая сразу же успокаивает.

Какими были люди в Голландии, какими они были в Новой Голландии, и какими они были в других местах Новой Голландии, такими они были только в Херли, возможно, несколько более консервативными и цепкими к старым обычаям и идеям, как это обычно бывает в местах, удаленных от активной сцены событий. Голландцы с Гудзона не были медлительными, тупыми, тупоумными мужланами, какими их изображают Вашингтон Ирвинг и его переписчики, хотя нам, в жилах которых течет английская кровь, многие их обычаи кажутся странными, а некоторые забавными. Они были широкомыслящими, бдительными, здоровыми, человечными людьми, которые внимательно относились к жизненным просьбам и получали искреннее удовольствие от своих частых праздников. Они были неспособны к строгим формальностям, и архитектура их домов в точности соответствовала их образу жизни.

Когда мы вспоминаем, как упорно английские поселенцы придерживались традиций в выборе материалов для своих домов, а жители Новой Англии придерживались традиций древесины, в то время как в Средних колониях и на Юге преобладали традиции камня и кирпича, можно ожидать найти среди голландских колонистов такую же приверженность голландским традициям в отношении материалов, тем более что ранние голландские дома так точно соответствовали своим прототипам в Голландии. Однако в этом отношении голландец сделал добродетель из необходимости и быстро научился руководствоваться целесообразностью, с хорошим эффектом используя любые материалы, которые наиболее легко предоставлялись в данной местности. Хотя кирпич в большинстве случаев был наследственным материалом, которому голландцы, как можно было ожидать, отдавали предпочтение, с природной бережливостью и здравым смыслом они использовали камень, когда кирпичей не было, или дерево, когда они не могли достать камень. Так, например, мы находим ранние голландские дома в долине Гудзона, построенные из камня. Дома в северном Нью-Джерси также были построены из камня, отличающегося цветом и характером от того, что встречается в районе Гудзона. Опять же, на Лонг-Айленде, где камня не было в наличии, они строили из дерева и покрывали свои дома черепицей, часто оставляя целых четырнадцать дюймов на случай непогоды. Быстрота голландцев в использовании легкодоступных материалов проявляется также в готовности использовать полевой камень для стен, в то время как житель Новой Англии, несмотря на изобилие того же материала, просто использовал его для разделения своих полей.

Более того, голландец не ограничивался каким-либо одним материалом для отделки всего своего дома. Он нисколько не возражал против использования различных материалов в одном здании, и это часто получалось у него с превосходным эффектом. Нет ничего необычного в том, что два или три материала используются для нескольких частей одного и того же небольшого здания, и нетрудно найти примеры, когда камень, кирпич, штукатурка, вагонка и черепица встречаются в одной конструкции, и результат обычно удачный, возможно, из-за *наивности*, с которой используются несколько материалов, необходимость и здравый смысл, очевидно, являются причинами, диктующими их присутствие.

Используемый камень иногда был тщательно обтесан и обработан, а в других случаях стены были построены из бутового камня без каких-либо попыток тщательного устройства. Иногда фасад дома был выложен из обработанного камня, уложенного аккуратными рядами, в то время как по бокам и сзади виднелись бутовые стены. Потом, опять же, где циркумпозиции допускаются, кирпич и внешних углов оконных и дверных наличников, а в усадьбе в Кротон-на-Гудзоне, могут быть использованы в то время как тело стены лежала в руинах. В этой связи следует отметить, что стены были тщательно уложены таким образом, чтобы каменная кладка держалась вместе без особой зависимости от строительного раствора, поскольку самый ранний строительный раствор был довольно низкого качества. В этом отношении каменная кладка приблизилась к идеалу хорошего возведения стен.

Когда использовалась штукатурка, ее обычно наносили поверх грубой каменной поверхности и белили или промывали каким-либо красителем. Когда эту штукатурку удаляют, часто обнаруживается, что стена под ней имеет замечательную бутовую конструкцию и что штукатурное покрытие, по-видимому, было нанесено в качестве основы для белой или цветной стирки. Несколько лет назад со стен поместья в Кротоне-на-Гудзоне сняли штукатурку, и каменные стены под ней представляли собой гораздо более интересную поверхность, чем штукатурка, которая, по-видимому, была нанесена значительно позже даты первоначального строительства.

Детальное изучение характеристик самых ранних голландских домов позволяет выявить следующие важные особенности. Как говорилось ранее, почти все дома были низкими, карнизы опускались всего на несколько футов от верхушек окон первого этажа. Во многих случаях крыши не имели слуховых окон, поскольку чердаки использовались в основном для складских

помещений, а спальни находились на первом этаже. Если семьи были большими, одна или две спальни располагались на чердаке, однако большая часть была отведена для хранения зерна, домашней утвари и различных припасов. Даже тогда крыши не прерывались окнами, но свет проникал из окон на фронтонах рядом с дымовыми трубами. Во многих случаях каменные стены на фронтонных концах не возвышались над линией карниза, а часть над ним была бы завешена вагонкой. Конечно, были случаи, когда дома поднимались на большую высоту и имели вторые этажи в качестве видимой части плана. Таким был старый дом Хоффмана в Кингстоне-на-Гудзоне, построенный вскоре после середины семнадцатого века. Следует также отметить, что в этом случае каменная кладка на концах фронтона была продолжена до верха фронтона и не было стены из перекрывающихся вагонки.

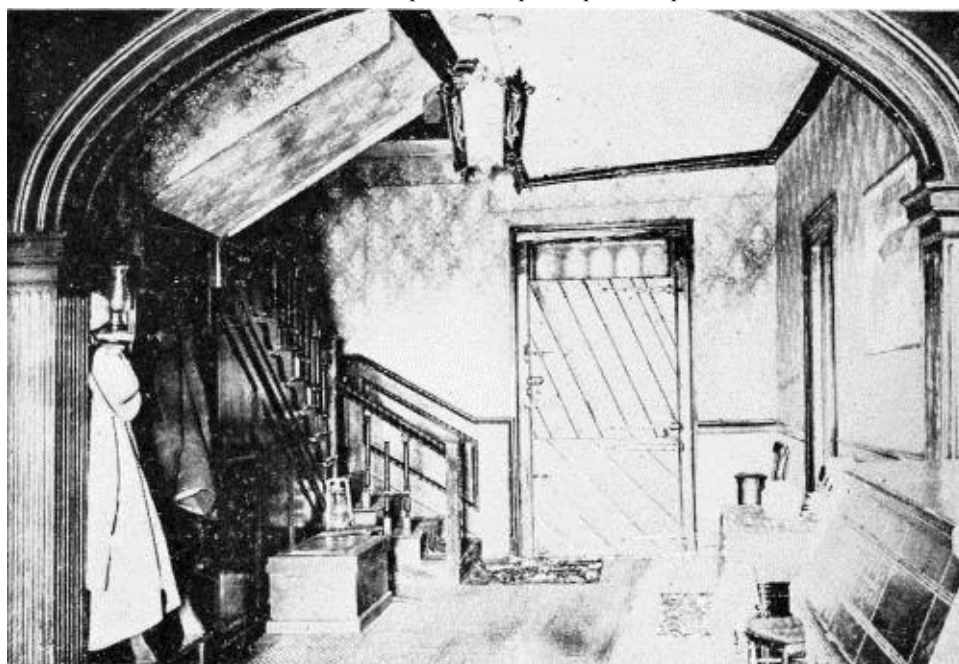
ДОМ АККЕРМАНА (БРИНКЕРХОФФА), ХАКЕНСАК, Нью-Джерси, 1704.

Начали развиваться местные приспособления.

ДОМ ВЕРПЛАНКА, НЕДАЛЕКО ОТ ФИШКИЛЛ-ЛЭНДИНГ, Нью-Йорк

Показан генезис крыльца из расширения карниза.

ХОЛЛ, БОУН-ХАУС, ФЛАШИНГ, ЛОНГ-АЙЛЕНД, Нью-Йорк

С типичной деревянной отделкой.

СТОЛОВАЯ, УСАДЬБА ВАН КОРТЛАНДТОВ, КРОТОН-НА-ГУДЗОНЕ, Нью-Йорк

С голландской интерпретацией грузинских *мотивов* на каминной полке.

Самые ранние дома были покрыты крышами обычного конькового типа и внешне напоминали одноэтажные здания, хотя на самом деле они часто состояли из двух этажей. Желобчатая крыша голландских домов появилась позже и, вероятно, была предложена в силу обстоятельств. Конструкция gambrel позволила выделить больше места на чердаках, чтобы можно было с большей легкостью разместить камеры и не было бы так много свободного места непосредственно под карнизом, поскольку наклон крыши был более крутым. Было высказано предположение, что

крыша gambrel появилась на свет как остроумный метод обходить дьявола вокруг да около, когда был введен налог на дома высотой более одного этажа. Технически и юридически дом на крыше "Гамбрел" *был* всего одноэтажным, хотя, на самом деле, "гамбрел" позволил построить дополнительный этаж на крыше, который служил всем практическим целям так же полно, как если бы стены были подняты, чтобы окружить второй этаж. В старых голландских домах с двухскатными крышами уклон никогда не бывает крутым, а контур несколько напоминает линии раскаленного колокола.

Хотя крыша гамбреля была известна в Новой Англии, возможно, еще в 1670 году и, по всей вероятности, была заимствована у голландцев, существует большая разница во внешнем виде между гамбрелями из Новой Англии и голландскими гамбрелями. Вообще говоря, у "Гамбрелз" из Новой Англии подача с карниза намного круче и короче, в то время как верхняя подача длиннее, чем в голландских домах. С другой стороны, в голландской крыше gambrel более крутой уклон обычно составляет угол в сорок пять градусов или меньше и намного длиннее, в то время как верхний уклон довольно короткий и имеет угол около 25 градусов. Эта разница в углах придает голландским крышам gambrel на редкость красивое качество, особенно когда нижний конец длинного ската прямо над карнизом был сделан с выступом, чтобы избежать затемнения окон или, возможно, для отвода дождевой воды дальше от стен. Каким бы ни было происхождение гамбреля — а было выдвинуто множество остроумных теорий, — возникло ли оно, как предполагалось ранее, для того, чтобы избежать налога на двухэтажные жилища, или же основной причиной было желание увеличить ширину пролета за счет установки стропил, это исключительно приятная форма покрытия дома и она настолько тесно связана с жилищами голландского колониального периода, что мы можем правильно идентифицировать ее как характерную черту этого стиля.

Прежде чем оставить тему крыш, необходимо рассмотреть развитие широко выступающих карнизов в том виде, в каком мы находим их в Нью-Джерси и некоторых голландских домах на Лонг-Айленде восемнадцатого века. Самые ранние голландские дома, как, например, в Кингстоне или Херли, не имели расширяющихся карнизов. Как и самые ранние голландские дома в Нью-Джерси. Было остроумно высказано предположение, что выступ был разработан для защиты стен и предотвращения разрушения строительного раствора дождем, который в начале колониального периода часто был не такого хорошего качества, как позже. Эта теория, по-видимому, в какой-то степени объясняет привычку доводить каменную кладку на концах фронтона только до высоты балок первого этажа, заполняя пространство между этой линией и вершиной фронтона вагонкой. В таких случаях, когда раствор для наружных двускатных стен был поврежден погодными условиями, это было легко исправить. Г-н Эмбери еще раз предположил, что желание защитить каменную кладку привело к появлению двухэтажных пентхаусов. Можно кое-что сказать как за, так и против этой гипотезы, но, поскольку обсуждение существенно не затрагивает непосредственно рассматриваемую нами тему, его следует приберечь для другого места.

Голландскому колониальному дому, вероятно, можно приписать происхождение этого по сути американского института - крыльца или, по крайней мере, одной из форм крыльца в том виде, в каком мы его сейчас имеем. "Крыльцо было разработано в ответ на отчетливую и очевидную потребность в нашем образе жизни, обусловленную климатическими условиями. Это вписывается в наши привычки, воспитанные любовью к отдыху на свежем воздухе; наше время года приглашает, а иногда даже вынуждает к его использованию. Действительно, крыльцо имеет свой прообразный тип в некоторых архитектурных элементах Англии и на Континенте (особенно в некоторых южных странах), но в том виде, в каком мы его имеем сейчас, это сугубо национальное дело, и его эволюция была обусловлена изобретательностью американцев в стремлении соответствовать местным требованиям. Самые ранние американские дома, от Новой Англии до Южных колоний, верные сложившимся прецедентам и традициям, не имели веранд, то есть подъездов, как мы обычно понимаем этот термин. Только по мере того, как наша домашняя архитектура развивалась по линиям, обозначенным и подсказанным специфически американскими условиями и потребностями, были оставлены прецеденты, сделаны приспособления и появились

веранды, сначала в зачаточной и пробной форме, а затем, наконец, по прошествии лет, достигли полного расцвета в знакомой нам форме. Этот рост сильно варьировался в зависимости от нескольких районов страны и вытекающих из этого разнообразных требований и предпочтений, ”но, по крайней мере, в одной форме можно проследить рост планировок в домах голландского колониального типа. Этот рост начался с выступающих карнизов спереди, которые, в конечном итоге, были сделаны достаточно длинными, чтобы получилась крыша крыльца, и поддерживались по их краям столбами. Прекрасный пример этого можно увидеть на веранде поместья в Кротоне-на-Гудзоне, где таким образом выполнен расширяющийся скат крыши, образующий покрытие крыльца. Тот же процесс можно проследить в некоторых более поздних голландских домах Нью-Джерси и Лонг-Айленда.

Почти синхронно с развитием крыльца как отдельной черты мы обнаруживаем тенденцию поднимать стены немного выше и пронизывать их рядом маленьких низких окон над крышей крыльца и сразу под линией карнизов, которые теперь стали отчетливыми, при этом крыша крыльца обрезаается и становится самостоятельным элементом. Эти низкие окна, которые обычно располагались на высоте нескольких дюймов над полом внутри, были довольно шутливо названы “окнами для лежания на животе”.

Дверной проем ранних голландских домов не отличался какой-либо архитектурной претенциозностью. К нему можно было подойти всего на одну или две ступеньки, так как дома стояли близко к земле, и иногда небольшая платформа или крыльцо с сиденьями по обе стороны придавали привлекательный вид, свидетельствующий о гостеприимстве внутри. Дверной проем был прямоугольным, без каких-либо попыток украсить его чем-либо, кроме узкой фрамуги с маленькими квадратными светильниками. Даже этого часто не хватало. Голландская дверь, разделенная посередине, разделила почести с массивными, цельнолитыми дощатыми дверями. Оба типа были широко распространены, хотя предпочтение отдавалось голландской или раздельной двери для главного входа и соответствующему черному входу в противоположном конце зала.

По мере развития голландского колониального стиля в восемнадцатом веке все больше внимания уделялось украшению входа, а примерно во время войны за независимость, которая позволила колонистам более полно осознавать присутствие друг друга и служила распространению и популяризации идей, мы обнаруживаем, что грузинские *мотивы* были заимствованы и адаптированы к местным потребностям с широкой свободой обращения, что придало им значительную долю индивидуальности и порой почти полностью исключало их из категории грузинских, из которых возникло первое вдохновение. До этого времени голландский колониальный тип был необычайно свободен от воздействия внешних влияний и развивался независимо в соответствии с присущими ему качествами. Но даже после этого вливания георгианских чувств обработка была настолько типичной и оригинальной, что недавно введенные и адаптированные *мотивы* идеально сочетались с исходным материалом, на котором они были привиты.

Наконец, при рассмотрении отличительных внешних черт голландского колониального стиля следует помнить, что мансардные окна, которые так часто появляются, не были характерны для самых ранних жилищ, а были более поздним развитием, продиктованным целесообразностью, когда было сочтено желательным более полно использовать чердаки для спальных комнат, чем это было принято в самых ранних домах, где весь необходимый свет проникал с торцов фронтонов и где чердаки служили кладовыми и мастерскими для домашних операций, таких как ткачество и прядение, часто выполнявшихся рабами.

Обычно голландский дом в плане представлял собой длинный прямоугольник с пристройкой к одному концу. Часто крыша этой пристройки *eel* опускалась до уровня нескольких футов от земли. В расположении этих домов не было попытки соблюдать симметрию плана, но стены были пронизаны дверями и окнами везде, где это требовалось для удобства. Голландские дома почти

всегда располагались близко к земле, и именно этот факт, вместе с их спокойными линиями крыш, придает столь многим старым голландским жилищам вид полного покоя. Как говорилось ранее, голландцы предпочитали жить внизу и использовали чердак в качестве спален только тогда, когда это требовалось в силу обстоятельств. Двумя главными комнатами в доме были кухня и лучшая гостиная. В одном из них не только готовили еду, но и была сосредоточена вся обычная домашняя жизнь заведения, и там семья одновременно играла и работала. В другом хранились домашние божки, а лучшая мебель и фарфор всех сортов были выставлены в гордом порядке. Обычно через весь дом от входной двери до задней проходил широкий холл, а комнаты располагались по обе стороны от него. Маленькие спальни располагались за гостиной и кухней, в то время как иногда большая гостиная занимала место кухни с одной стороны холла, а кухня была перенесена в пристройку *ell* в задней части. Благодаря отсутствию формальности в планировке голландского дома, он был способен к неограниченному росту, и в этом отношении на архитектуру сильно повлиял образ жизни жильцов. Нередко случалось, что к старым домам пристраивалась пристройка побольше, и к этой пристройке снова добавлялась еще одна пристройка поменьше, когда женатый сын или дочь возвращались домой, чтобы жить и делить защиту отцовского крова.

Лестница в большинстве голландских колониальных домов не была важной деталью, и ей уделялось мало внимания. Она просто вела на чердак, где спали дети или слуги, если под лестницей не хватало места, и где хранились всевозможные материалы и провизия или где занимались прядением и ткачеством. Следовательно, он мало украшался. Поручни могли быть из красного дерева, а могли и не быть, и поддерживаться на прямых тонких стержнях. Его часто закрывали, чтобы тепло не поднималось на чердак и, таким образом, не терялось.

Главной особенностью старых голландских комнат был камин, и многие из этих старых каминов имеют пещерные пропорции. Труба камина почти неизменно выступала далеко вглубь комнаты, а пространства по обе стороны часто были заполнены встроенными шкафами или же глубоко врезынными подоконниками. В отделке каминных полок было предпринято очень мало попыток декорирования, и действительно, часто панелей вообще не было, но грубая штукатурка стен была побелена. Стены были чрезвычайно толстыми, часто два фута и более, и это давало окнам глубокий проем. Вся деревянная отделка в более ранних домах обычно была простой и обычно окрашивалась в безупречно белый цвет, как это часто было в Голландии, и это создавало яркий фон для петель, защелок, засовов и другой фурнитуры, декоративную ценность которой голландцы высоко ценили и которой они соответственно придавали изящные формы. Только в более поздний период, ближе к середине восемнадцатого века и позже, были предприняты какие-либо попытки украсить изделия из дерева резьбой или точением, и даже тогда украшения часто состояли только из простых, но хорошо пропорциональных лепных элементов. Ближе к концу восемнадцатого века, когда грузинское влияние, особенно в его фазе Адама, начало сильно ощущаться, можно встретить адаптации современных *мотивов*, таких как овальные веера, заколки, капли, развевающиеся нити, тростники, солнечные лучи и множество других декоративных форм, которые были в моде в тот период. Однако все они были обработаны с удивительной степенью свободы и независимо от английских прецедентов, и манера их использования кажется совершенно оригинальной. Именно в этот период сложной обработки дерева мы также обнаруживаем, что дверной проем приобретает важное значение как декоративный элемент дома. По бокам были добавлены тонкие точеные колонны — некоторые из них скорее следовало бы назвать веретенообразными, иногда использовались стеклянные боковые фонари с оцинкованным узором, а веерные фонари в эллиптических дверных головках или узорчатые квадратные фрамуги — все это использовалось для придания торжественности дверному проему, который до сих пор был очень простым и непритязательным. В вентиляторных фонарях, так же как и в боковых фонарях, не было ничего необычного в том, что узор был выполнен из изящно отлитого свинца. В очень умелом исследовании декоративных деталей старых голландских домов Джона Т. Бойда-младшего, опубликованном в *The Architectural Record*, автор говорит: “Первое, что бросается в глаза в этих деталях, - это их свобода. Это архитектура,

абсолютно лишенная порядка. В некоторых редких случаях встречаются каминны с маленькими тосканскими колоннами, но они не относятся к числу лучших образцов и встречаются бок о бок с более свободными формами. Над каминными полками часто ... очень редко используются рифленые пилястры.

“Часто использовался более свободный и очень изысканный ченнелинг, который встречается во многих домах с небольшими вариациями. Теоретически все эти голландские лепные изделия представляют собой серию множества тонких параллельных линий и теней, выполненных углублениями, бусинами и скруглениями, прекрасно различающимися по пропорциям, все очень тонкого масштаба ”.

Было заявлено, что внутренняя отделка деревом обычно окрашивалась в белый цвет, а грубые стены обычно белились, но, говоря о краске, не следует забывать, что голландцы обладали замечательным чувством цвета, и, хотя интерьеры их домов были безупречно белыми, экстерьеры радовали цветовым блеском, который временами был просто ослепительным и, даже в потрепанном непогодой состоянии, представлял живой вид, который не мог не привлечь внимания самого ненаблюдательного. Зеленые, синие и красные тона использовались с наибольшей свободой и, как и в Голландии сегодня, придавали колорит калейдоскопу, который помогал подчеркнуть все восхитительно интимные и причудливые детали голландского дома.

Ставни более ранних голландских домов обычно были из рейки, а наверху часто представляли собой причудливые пропилов, предназначенные для пропуска луча света или для вентиляции. Эти пропилов были выполнены практически в любом виде - от полумесяца или пятиконечной звезды до сердца или горшка с цветами. Такое же тщеславие декоративных пропилов сохранилось в ставнях современных домов, созданных по старинным голландским образцам. Ставни более позднего периода были обшиты панелями.

Из всех типов домашней архитектуры, которые были либо развиты, либо модифицированы в Америке в колониальный период, ни один в целом не заслуживает более благосклонного отношения современных домостроителей, чем тот, который голландские поселенцы Манхэттена, Северного Джерси и Лонг-Айленда разработали как наиболее удовлетворительное решение для своих нужд. Хотя тело было крепким и дородным, декоративные детали, которые были разработаны в более поздний период, часто были чрезвычайно изящными, пропорции по всему типу приятны, и в каждом случае, рано или поздно, мы обнаруживаем вездесущее очарование домашнего уюта, которое в конечном итоге больше ценится большинством людей, чем величественная формальность, приносимая в жертву комфорту ради строгой чистоты пропорций.

ГЛАВА III

КОЛОНИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НОВОЙ АНГЛИИ

Т Колониальные дома Новой Англии представляют особый интерес, потому что они заполняют пробел в нашей архитектурной истории, пробел, который долгое время считался постыдным и не поддающимся преодолению. Они также особенно интересны, потому что полны сюрпризов, которые открываются все чаще, чтобы вознаградить за кропотливое исследование студента-архитектора, историка или антиквара. Они представляют еще больший интерес, поскольку предоставляют нам важный и обильный материал для сравнительного изучения.

Упомянутый разрыв - это очевидный разрыв в связи между бытовыми архитектурными прецедентами и традициями старой Англии, с одной стороны, и колониальными проявлениями, как их понимали до самого недавнего времени, с другой. Чтобы избежать чрезмерного объема вводных пояснений, предположим, что читатель достаточно хорошо знаком с общими характеристиками внешнего вида английских домов семнадцатого века и кое-что знает о конструктивных методах, использованных при их возведении. Чтобы полностью оценить и понять дух и особенности ранней колониальной архитектуры Новой Англии, мы должны стремиться в ходе нашего изучения предмета найти фундаментальное и тесное соответствие между ней и архитектурой старой Англии, независимо от того, насколько видимые следы этого тесного родства могли быть затемнены последующими изменениями и пристройками к оригинальным домам, структура которых дает нам основу для сравнения. Если мы будем держать ухо востро, то не разочаруемся в результатах наших поисков.

Продолжая наши поиски свидетельств архитектурного происхождения или кровного родства, мы должны постоянно помнить о трех вещах. Действительно, мы *должны* иметь в виду эти три факта, чтобы понять не только ранние этапы развития архитектуры, но и многие другие аспекты жизни Новой Англии семнадцатого века. Прежде всего, люди, построившие первые дома в Новой Англии, и люди, которые в них жили, были англичанами, и, как англичане, они по темпераменту были от природы склонны к решительному консерватизму и цепко держаться за прецеденты и традиции, особенно в таком жизненно важном вопросе, как строительство домов. Короче говоря, они доказывали истинность изречения Эдварда Эгглстона о том, что “люди могут с трудом зарождаться даже в новом полушарии”. Во-вторых, все их ремесленное образование было английским, и было вполне разумно, что они продолжали работать на новой земле теми же инструментами и изготавливать свои материалы точно таким же образом, как они привыкли делать на земле своего рождения. Вполне естественно было также, что они увековечивали технические особенности ремесел, которым научились в старой Англии, в обучении, которое они давали своим подмастерьям. Эта самобытность и преемственность ремесленных традиций отчетливо прослеживается в мебели ранней Новой Англии, которая в точности повторяет современную мебель в Англии по контуру, столярным изделиям, технике и рисунку резьбы. Идентичность и преемственность ремесленных характеристик также можно проследить в обточке шпинделей балясин, в снятии фаски с балок, в обрамлении деревянных конструкций домов и десятком других способов. Наконец, те первые американские англичане обладали немалой степенью ясности ума, практического здравого смысла и были в высшей степени изобретательны, какими и должны быть первопроходцы на новой и неосвоенной земле, если они хотят, чтобы их усилия по колонизации увенчались успехом. Если казалось, что местные потребности требуют, чтобы они модифицировали свои методы в соответствии с текущими потребностями, они незамедлительно разрабатывали подходящую адаптацию для удовлетворения этих требований. Но эти адаптации и отступления от прецедента были предприняты не из простого каприза или с каким-либо преднамеренным и сознательным намерением разработать новый и оригинальный способ архитектурного выражения. Адаптации в каждом случае, прежде чем они стали

прецедентами для последующего повторения в других местах, были предложены очевидной необходимостью, и оригинальность была предоставлена самой себе, с обычными счастливыми результатами, вытекающими из соблюдения принципа, согласно которому самая безопасная и подлинная оригинальность достигается постепенным процессом эволюции, элиминации и адаптации к местным потребностям.

ДОМ С СЕМЬЮ ФРОНТОНАМИ, САЛЕМ, МАССАЧУСЕТС, 1669 год.

Показан выступ и угловая подвеска.

Предоставлено Генри И. Фэрбенксом, Дедхэм, Массачусетс.

ФЭРБЕНКС-ХАУС, ДЕДХЭМ, Массачусетс, 1636 год.

УИПЛ-ХАУС, ИПСУИЧ, МАССАЧУСЕТС.

Решетчатые створки - это реставрация.

УИПЛ-ХАУС, ИПСУИЧ, МАССАЧУСЕТС.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенные соображения, можно не без оснований ожидать, что дом раннего периода Новой Англии будет идентичен или почти идентичен по внешнему виду и структуре современному английскому дому аналогичного размера, причем очевидны только такие различия, обусловленные местной целесообразностью. Если бы сейчас можно было увидеть только несколько таких домов, какими они, несомненно, были на момент их возведения, эта глава была бы совершенно излишней, поскольку сходство между ними

и их прототипами в нашем старом доме за Атлантикой было бы настолько поразительным, что это почувствовал бы самый большой болван. Почти в каждом случае изменения и наросты столетий размыли и часто скрыли точки сходства, но, благодаря разумному использованию археологической хирургии, мы можем легко проследить все этапы эволюционного развития от хорошо известного древнеанглийского типа к типу, который стал специфически американским и местным, то есть характерным для Новой Англии. Все шаги логичны, и мы можем видеть, как первые колонисты начинали со строительства домов в том виде, в каком они привыкли видеть их построенными в старой Англии, и заканчивали строительством типа, характеристики которого в целом определялись местными условиями и целесообразностью. Мы можем видеть, как последовательными шагами средневековые английские особенности структуры и дизайна постепенно уступали место методам более позднего изобретения или иностранного происхождения. Действительно, среди всех колонистов, будь то англичане, голландцы, шведы или немцы по крови, как только они проходили стадию временного проживания в бревенчатой хижине, возникала виртуальная идентичность между архитектурными формами метрополий и их собственными ранними постоянными архитектурными попытками, и процесс дифференциации не начинался до тех пор, пока новая среда и новые потребности не указывали путь к принятию новых способов и форм. Чрезвычайно важно признать сильное течение преемственности и осознать, что архитектура Колониальной Америки в ее различных проявлениях не была, как некоторые с удовольствием утверждают, полностью независимым развитием без предшествующих событий старого света или четко обозначенного исторического фона.

Эволюция местной архитектуры, конечно же, не только отражает социальное и экономическое развитие колоний, но и представляет многочисленные поучительные вариации в пределах Новой Англии, которые показывают, насколько сильно на ход архитектурного роста на новой земле повлияли условия, преобладавшие на старой родине. Часто можно увидеть, как ремесленники из одного конкретного места в Англии увековечили определенные особенности мастерства на ограниченных колониальных территориях и что эти особенности больше нигде не встречаются. Как в экономическом, так и в чисто техническом аспектах способ выражения внутренней архитектуры, разработанный в колониальной Новой Англии, имеет много замечательных черт, заслуживающих похвалы, и частично обусловлен материнским умом коренных янки и проницательной практичностью, подстегнутыми необходимостью, а частично духом истинно британского консерватизма и привязанности к давно устоявшимся обычаям, духом, который был силен у ранних пуритан и часто определял их действия вопреки им самим.

Краткий обзор нравов и людей семнадцатого века в пределах Новой Англии в значительной степени поможет нам составить разумное представление о домах, возведенных в этот пионерский период. Вряд ли нам нужно рассматривать бревенчатые хижины первых нескольких лет колонизации, поскольку грубые хижины, возведенные поначалу, были всего лишь временными убежищами, вскоре их заменили более прочными постройками, и они ни в каком смысле не были по-настоящему репрезентативными. Дома, построенные, как только колонисты получили возможность привыкнуть к своему новому окружению и сориентироваться в экономике, отражали состояние общества, в котором скромная степень простого комфорта, являющегося результатом строгой бережливости, вознаграждала большинство, в то время как процветающее изобилие выпадало на долю сравнительно немногих. Хорошо построенные жилища были удобными, но не претенциозными. Они соответствовали всем обычным бытовым требованиям, но, за исключением исключительных случаев, здесь не было и намека на роскошь. Обычно в них было достаточно комнат для всех основных целей, но редко выделялись какие-либо специальные или дополнительные комнаты для особого использования, за исключением гостиной или “лучшей комнаты”, в которой часто стояла лучшая кровать и которая служила парадной спальней для самых почетных гостей, хранилищем самых ценных домашних божков и отборных предметов домашнего обихода и, наконец, местом сбора более достойных посетителей во время свадеб, похорон или других важных мероприятий.

Количество спален, предоставляемых в большинстве случаев, в наши дни было бы сочтено совершенно недостаточным для размещения людей, и, если привести только один пример, совершенно типичный для бесчисленного множества других, члены семьи Ревер, если мы можем верить статистикетрадиций, должно быть, собирались по ночам в сардинообразной и крайне нездоровой близости, или же некоторые из них спали в подвале или на крыше. Это было заметно и во второй половине восемнадцатого века, когда привычки в данном конкретном случае, безусловно, не опустились ниже стандартов семнадцатого века. Помимо членов семьи Ревир, здесь были различные подмастерья и слуги, все они нашли приют под крышей этого типичного дома семнадцатого века. Не было ничего необычного в том, что двое или трое детей или подростков спали в одной кровати, и часто в комнате было более одной кровати. Раскладушки для детей часто ставились в спальнях старших, в то время как нанятые слуги и подмастерья часто спали на кухне, или же хозяин и хозяйка спали в умеренной атмосфере кухонного очага, а подчиненные отправлялись в холодные помещения наверх. Везде, где кухня использовалась в качестве спального помещения, стояла складная кровать или *раскладушка*, которую миссис Эрл описывает как “продолговатую раму с веревочной сетью”. Эта рама крепилась одним концом к стене с помощью тяжелых петель, а ночью ее опускали в горизонтальное положение, и расшатанный конец поддерживался на тяжелых деревянных поворотных ножках, которые вставлялись в гнезда в раме. Когда кровать не использовалась, ее прикрепляли к стене, а двери, похожие на дверцы шкафа, закрывали над ней или задергивали занавески, чтобы скрыть ее.” Что, хотя устройство спальных мест семнадцатого века, да и большей части восемнадцатого века, если уж на то пошло, часто вызывало резкое осуждение современного инспектора многоквартирных домов, колонисты, тем не менее, добились того, чтобы жить в сносном комфорте и растить большие семьи с детьми, с должным учетом жизненных удобств, которые стали самыми образцовыми гражданами.

Если кухню иногда использовали как спальню, то почти повсеместно она использовалась как гостиная. Это была жизненно важная точка дома, откуда излучалась вся домашняя энергия. Она была просторной и обставлена настолько ярко и жизнерадостно, насколько это вообще возможно. Вокруг большого открытого камина, где готовились блюда, были сосредоточены все домашние занятия - от чесания, прядения и ткачества до шелушения кукурузы. Здесь семейный круг, старшие в самых уютных местах, дети и слуги с внешней стороны, собирались долгими зимними вечерами при свете камина; здесь развлекались соседи или случайные путешественники, и здесь юноши и девушки в полном блеске семейной рекламы вели большую часть своих ухаживаний, иногда нашептывая свои милые пустячки с противоположных сторон камина через “палочку для ухаживания”, деревянную трубку шести или восьми футов длиной со ртом и наушниками на каждом конце.

Авторское право, издательство detroit Publishing Co.

ДОМ ПОЛА РЕВИРА, ФАСАДНАЯ ЧАСТЬ УЛИЦЫ, ПОСЛЕ РЕСТАВРАЦИИ.

Построен в 1676 году.

ДОМ ПОЛА РЕВИРА. ОТЛИЧНАЯ КОМНАТА на ПЕРВОМ ЭТАЖЕ.

Старые обои не ровесники дому.

В домах, достаточно просторных, чтобы в них можно было разместить гостиную или “подсобку” отдельно от кухни — такая комната была аналогом староанглийского “холла”, — кухня по-прежнему оставалась жизнерадостным помещением, имеющим большое значение, и местом проведения многих домашних работ у камина. Пристройка к первоначальному строению была обычным делом, и кухню часто размещали в такой пристройке или в пристройке ell. Только дома состоятельных людей, такие как дом губернатора Теофилуса Итона в Нью-Хейвене, построенный около 1640 года, могли похвастаться тем, что мы бы сегодня назвали очень умеренным количеством комнат на первом этаже. Помимо большого зала или гостиной в доме губернатора Итона, по-видимому, с одной стороны были большая кухня и кладовая или кладовая-кладовая, а с другой - гостиная и контора или библиотека. О назначении этих комнат мы можем получить некоторое представление из описи имущества губернатора Итона на момент его смерти в 1657 году. В холле или гостиной были “стол для рисования и круглый стол; шкаф и 2 удлиненные формы; скатерть и подушки cubberd; 4 декоративные подушки, 6 зеленых подушек; большой кухонный гарнитур с рукоделием; 2 высоких кресла ручной работы; 4 высоких табурета ручной работы; 4 низких кресла ручной работы; 2 низких табурета ручной работы; 2 ковра из индейки; 6 высоких табуретов joupe; оловянный бачок и подсвечник; набор маленьких стульев; набор doggs; набор языки обжига на сковороде и сильфонах.” Остальные комнаты были обставлены аналогично. Жилые комнаты в менее претенциозных домах были оборудованы подобным образом, хотя вряд ли стоит добавлять, что обычно они не были такими законченными и элегантными.

Сам план, или, скорее, планов, поскольку их было несколько, ранних домов Новой Англии свидетельствовал об английском происхождении. Только что упомянутый дом губернатора Итона, как говорят, был построен в форме заглавной буквы Е. План “Е” был очень распространенной формой в поместьях и даже в более крупных коттеджах Англии времен Итона. Это также была очень старая форма, “датируемая тринадцатым веком, если не двенадцатым, или даже раньше, и за свою долгую карьеру она стала выражением регулярной и хорошо узнаваемой аранжировки”. “Другие дома такого плана были построены в разных частях Новой Англии для влиятельных людей”.

“Обычные дома, ” по словам антиквара Эдварда Э. Ламберта, “ сначала были маленькими, одноэтажными, с острыми крышами, тяжелыми каменными трубами и маленькими ромбовидными окнами”. Многие из ранних жилищ также имели два этажа. Один из типов таких небольших домов, обычно встречающихся в Массачусетсе и Коннектикуте, состоял из двух комнат с дымоходом между ними. Дверь дома открывалась в небольшой вестибюль, содержащий лестницу, расположенную напротив двери и ведущую вверх рядом с дымоходом. Дымоход был ядром, вокруг которого был построен дом, и выступал над серединой конькового столба. В каждой комнате был камин. К домам такого типа часто пристраивали пристройку по всей задней части, и в этой пристройке обычно размещалась кухня. Иногда пристройку включали в план при строительстве дома. В любом случае, в длинной узкой пристройке находился камин, который обычно имел дымоход в центральном дымоходе. Когда в жилищах такого типа было две комнаты на первом этаже, одна была кухней и общей гостиной, а другая - гостиной с “лучшей кроватью”, о чем упоминалось в предыдущем абзаце; там, где была дополнительная пристройка для кухни, две другие комнаты были гостиной и приемной.

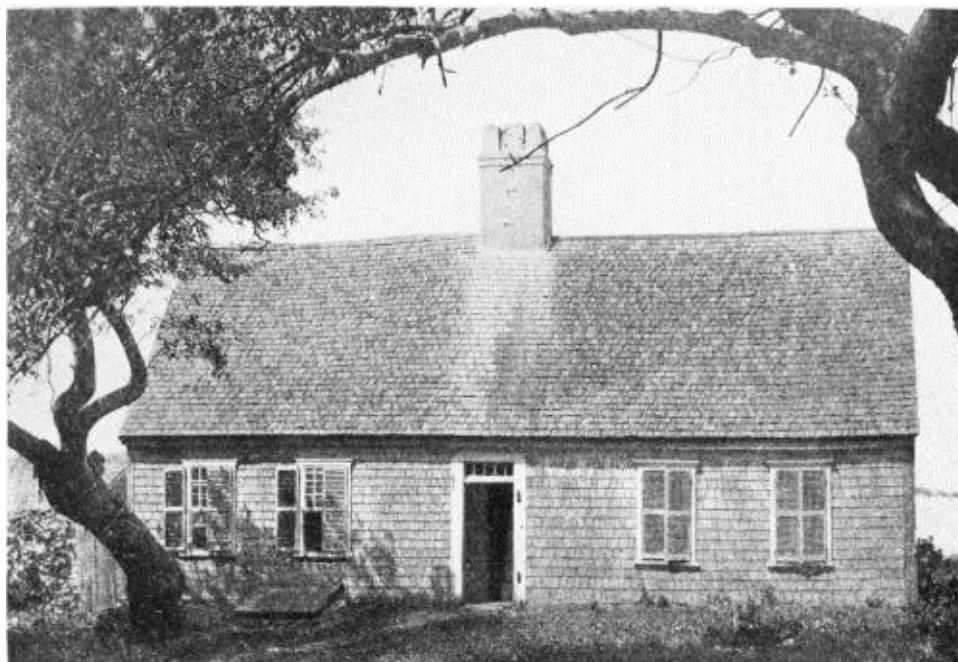
В северном Род-Айленде был распространен еще один тип дома, который состоял из одной комнаты, в конце которой “был огромный каменный дымоход, выходящий снаружи дома”. Рядом

с камином, в углублении, образованном дымоходным косяком, находилась винтовая лестница — в самых ранних домах это иногда была лестница, — ведущая в верхнюю комнату или на чердак, в зависимости от обстоятельств. Иногда встречалось усиление этого типа домов с “каменным торцом”: две комнаты, расположенные бок о бок, и камин в каждой комнате в относительно одинаковом положении. В том, что эти типы планировки этажей были частью общего английского архитектурного наследия, мы сейчас убедимся путем сравнения с последующими главами. Расположение дымохода служило, по сути, внешним указанием на внутреннюю планировку дома. Конечно, многие отклонения от этих двух первоначальных планов встречаются в ранних колониальных домах Новой Англии, но обычно обнаруживается, что такие отклонения обусловлены более поздними дополнениями к структуре, основанной, в первую очередь, на одном или другом из них.

Мы настолько привыкли думать о старых домах Новой Англии как о конструкциях, обшитых вагонкой, что рискуем забыть, что находится под этим внешним слоем. На самом деле, можно с уверенностью сказать, что большинство людей не знают, что скрывается за этим, и многие были бы сильно удивлены, если бы знали. В конце концов, обшивка вагонкой — это маскировка, а жители Новой Англии настолько бережливы и, как правило, так заботятся о поддержании своих зданий в хорошем состоянии, что вагонка скрывает следы возраста, которые в противном случае были бы заметны, и ставит самые старые здания в один ряд с более поздними. Обшивка из вагонки скрывает под своей поверхностью различные предметы. Если мы оторвем его от многих старейших зданий, то обнаружим за ним не что иное, как старый английский фахверковый дом, построенный точно так же, как фахверковые или “черно-белые” дома во времена правления Тюдоров и Стюартов. Суровые климатические условия вскоре сделали очевидным, что такая конструкция не совсем подходит для суровых зим Новой Англии, и, кроме того, что-то следует приписать желанию последующих владельцев следовать господствующей моде, предписывавшей куртки из вагонки. В домах более позднего времени, конечно, обшивку вагонкой можно рассматривать как неотъемлемую часть конструкции, но в более ранних зданиях это не что иное, как маска, надетая позже, для защиты стен и придания дополнительного тепла, когда принятый ранее метод возведения стен был признан недостаточным, или, в некоторых случаях, возможно, для соответствия требованиям преходящей фантазии.

Всякий раз, когда эту вагонку снимают для ремонта, первоначальные условия становятся очевидными и могут быть легко изучены. Автор видел, как такие старые дома, частично освобожденные от обшивки вагонкой, демонстрируют типичные методы строительства из бревен, во всех деталях схожие с методами, применяемыми строителями из бревен в Англии. Перекладины, стойки, диагональные балки и все другие части рамы установлены и соединены, зазубрены и приколочены, как это было в Англии, а промежутки между стойками “забиты” грубым кирпичом или камнями и грубой глиной, укрепленной рубленой соломой, также в освященной веками английской манере. Вполне возможно, что в некоторых случаях промежутки между стойками могли быть “заделаны” “плетнем и мазком” — толстой глиной, намазанной на неплотную сетку из переплетенных плетней или прутьев, — поскольку традиция этого процесса, несомненно, пересекла Атлантику и появилась в некоторых ранних глиняных дымоходах Коннектикута.

Так много людей выразили удивление, когда им рассказали о нерушимом сохранении традиции фахверкового строительства, что здесь уместно упомянуть конкретные примеры, которые, однако, можно рассматривать как типичные для многих других зданий того времени. За кропотливые научные исследования в этой области и за очень точную реставрацию общественность в долгу перед Джозефом Эвереттом Чандлером из Бостона, чьи реставрации многочисленных исторических зданий снискали ему заслуженное уважение и доверие. [\[A\]](#)

ДОТЕН-ХАУС, ПЛИМУТ, МАССАЧУСЕТС. ПОСТРОЕН В 1640 ГОДУ.

Очень ранний тип с низким карнизом и центральным дымоходом.

НАРБОННСКИЙ ДОМ, САЛЕМ, МАССАЧУСЕТС

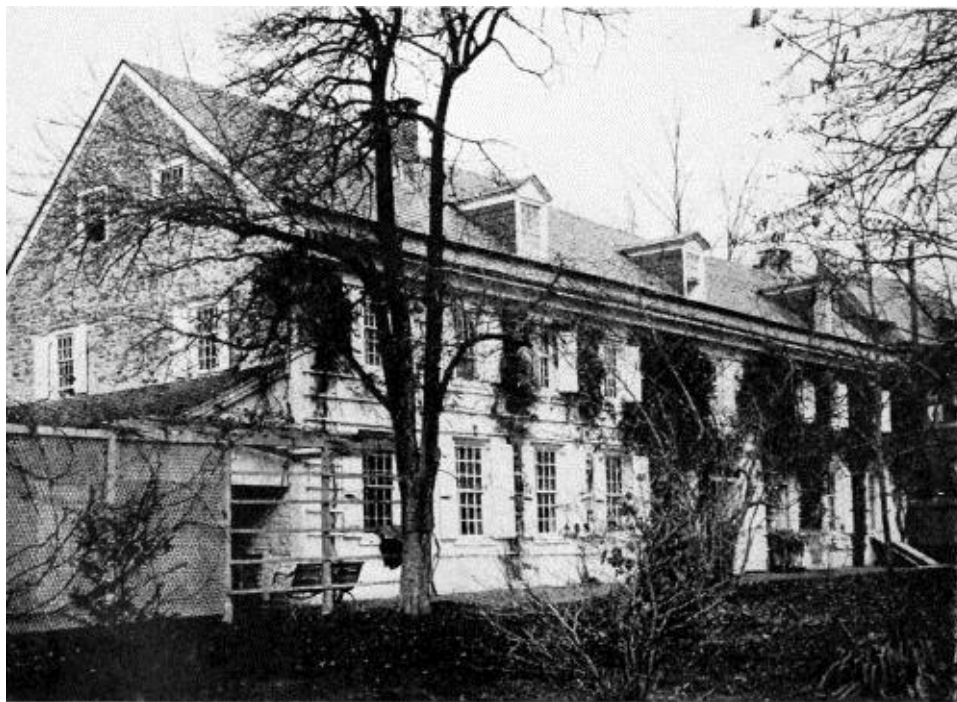
Длинный скат крыши с одной стороны свидетельствует о стойкости старых английских традиций.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

УИННЕСТЕЙ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ, 1689 год.

Нетронутый образец пенсильванского колониального стиля валлийской работы.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

ЮЖНЫЙ ФАСАД Вика, ДЖЕРМАНТАУН, ФИЛАДЕЛЬФИЯ. 1690 ГОД.

Колониальный тип Пенсильвании с очевидным немецким влиянием.

Писателю выпала честь увидеть старую пекарню в Салеме сразу после того, как благодаря щедрости частного лица она была спасена от неминуемого сноса и перенесена на свое нынешнее

место рядом с Домом с Семью фронтонами. В ходе выполнения необходимых ремонтных работ и реставраций обшивка из вагонки была полностью удалена, и стало возможным полностью увидеть всю конструктивную схему. Балки и выступы были такими, как только что указано. Хотя в то время окна были створчатого типа с небольшими стеклами, были отчетливо видны следы изменений, которые были внесены ранее, вероятно, где-то около 1720 года, когда створчатое окно приобрело большую популярность и обычно заменялось свинцовыми створками с маленькими ромбовидными стеклами. Деревянные балки безошибочно свидетельствовали о том, что оконные проемы по бокам дома изначально были достаточно широкими, чтобы вместить несколько створок, и что они не были ни такими высокими, ни такими низкими, как створчатые или двустворчатые окна, которые заменяли их. Другими словами, бревна показали, что отверстия были значительно сужены и в то же время расширены как вверх, так и вниз.

Внутри дома тяжелые дубовые шпильки, когда планки и штукатурка были оторваны, обнажили скошенные углы, обычно заканчивающиеся на концах упором, который носил совершенно средневековый характер и мог быть найден дублированным в балках стропильных крыш любого старого здания в Англии, построенного в шестнадцатом веке или ранее. Верхушки шипов, в некоторых случаях, имели своеобразный выступ наружу по бокам и грубую насечку в качестве орнамента. Несомненно, здесь были элементы средневекового английского мастерства, которые были увековечены на новой земле мастером, прошедшим обучение в английской деревне, где все старые традиции столярного дела были сохранены в первозданном виде.

Выступ на втором этаже, выступающий на некоторое расстояние за стены первого, является еще одним ярким примером сохранения традиций фахверкового строительства во многих старых домах. Мы видим это в Доме с семью фронтонами, в Пекарне, в доме Пола Ревира в Бостоне, более чем в одном старом доме в Марблхеде и во множестве других старинных жилищ, некоторые из них недавно отреставрированы, по всей стране, где реставрации были разумно предприняты и проведены. Это почти неизменно подтверждало правоту либо того, что подвески были целы под вагонкой, либо того, что там были их обрубки, ясно указывающие на существование этой особенности. Во многих случаях свес исчез из-за того, что обшивка вагонкой была снесена заподлицо с внешней стороной верхнего этажа. Так было в случае с Домом с Семи фронтонами, и только когда была снята обшивка из вагонки, в которой он находился в течение многих лет, свес снова обнаружился, и обрубки оригинальных подвесок были немедленно восстановлены. Нахождение таких подвесок и таких выступов в сочетании с частым использованием таких элементов, как только что отмеченные в случае с пекарней, дают нам неопровержимые доказательства сохранения английских традиций строительства из бревен. Некоторые наивно предполагали, что навес предназначался для целей обороны. Возможно, его использовали для этого, когда требовал случай, но защита, безусловно, не была первоначальной идеей, поскольку в этом случае выступ, несомненно, тянулся бы по всей стене, как это было в случае с блочными домами, где, конечно, эта особенность предназначалась в первую очередь для облегчения обороны и прикрытия жильцов, когда они сбрасывали кипящее масло, раскаленный свинец или другие снаряды на головы нападавших всякий раз, когда те приближались достаточно близко.

Из ранних домов Новой Англии, которые воплощали в себе так много староанглийских архитектурных традиций, постепенно, под давлением местной целесообразности, выработался тип, отвечающий потребностям колонистов. Этот типаж был не только чрезвычайно практичен по своим характеристикам, но и своей простотой и прямолинейностью придал ему жизненно важный художественный интерес, который до сих пор заслуживает нашего благосклонного рассмотрения.

Глава IV

предварительно грузинской архитектуры в средней колонии

: АНГЛИЙСКИЙ, ВАЛЛИЙСКИЙ, ШВЕДСКИХ И НЕМЕЦКИХ ВЛИЯНИЙ

Еще самого начала Пенсильвания была самой многоязычной и конгломератной из всех английских колоний или провинций Америки. Западный Джерси и Делавэр, последний штат которых изначально был частью Пенсильвании и известен как “три нижних округа штата Делавэр”, в какой-то степени разделяли этот разный характер, и вместе они образовывали практически отдельную единицу в Средних колониях, своеобразную по составу и не имеющую аналогов в других местах. Разнообразие национальностей и речи первых поселенцев непосредственно отразилось на архитектурных проявлениях, и различные типы никогда полностью не объединялись в один отдельный стиль, и даже спустя долгое время после появления и почти повсеместного распространения грузинского стиля они продолжали использоваться одновременно. Точно так же, как аналогичные явления были обнаружены в нескольких частях Новой Англии, они демонстрировали местные особенности ремесла, связанные с различными традициями, сложившимися в соответствующих частях Старого Света, из которых происходили отдельные ремесленники. Двумя наиболее заметными особенностями раннего населения Пенсильвании были разнообразие элементов и клановость и, как следствие, изоляция людей, составлявших несколько отдельных частей колонии. Эти элементы отличались друг от друга как по предпочтениям, так и по интересам, и природные условия благоприятствовали такому разделению.

Первыми по времени поселения на берегах Делавэра были шведы, чьи успешные усилия по колонизации начались в 1638 году. Голландцы, это правда, ранее предпринимали некоторые незначительные попытки урегулирования. В 1616 году, в погоне за исследованиями, начатыми, но заброшенными Гудзоном в 1609 году, капитан Хендриксон на “Онрасте” (“Беспокойном”) проплыл вверх по Делавэру до устья Шайлкилла, а в 1623 году под командованием капитана Корнелиуса Мея был построен форт Нассау на месте нынешнего Глостер-Пойнт, почти напротив Филадельфии. Однако в основном голландцы предпочитали оставаться в глубине залива, и в 1650 году форт Нассау был заброшен. Они были скорее торговцами, чем поселенцами, насколько это касалось их связи с делаварами, и поэтому первые настоящие поселения следует приписать шведам, которые были любящими дом, трудолюбивыми фермерами, гордились своими усадьбами и умели управлять своими молочными заводами, но не имели особой склонности к коммерческой деятельности. Шведский фонд был постоянным, и, хотя шведское население в конечном итоге было поглощено более многочисленными элементами, привезенными сюда несколько лет спустя в результате “священного эксперимента” Пенна, это оставило неизгладимый и значительный след в корпоративном составе колонии, и следы шведского влияния все еще отчетливы и безошибочны не только в большей части местной архитектуры, в названиях мест и личностей, и в сильной примеси шведской крови во многих семьях Пенсильвании, но и в более скромных и менее очевидных вещах. В качестве примера последнего можно упомянуть распространенную породу красного рогатого скота, которую можно увидеть повсюду на холмах и в долинах восточной Пенсильвании. Этот же красный скот - потомки шведских коров, завезенных сюда почти триста лет назад отважными колонистами, которые разбили свои фермы вдоль берегов Делавэра и его нижних притоков.

Привлеченные перспективой религиозной свободы, предлагаемыми им либеральными стимулами и плодородием земли, множество поселенцев, последовавших примеру пионеров Пенсильвании, устремились в колонию на реке Делавэр и нашли там безопасное и счастливое убежище после беспокойного существования, которое многие из них вели до своего отъезда из

своих старых домов. Помимо англичан, которые почти полностью были квакерами, во второй волне иммиграции были как валлийцы, так и немцы. Еще позже был добавлен небольшой голландский элемент, а затем появились шотландско-ирландцы. Каждый из этих элементов, естественно, увековечил свои особые архитектурные традиции, и почему эти традиции сохранялись так долго, мы сейчас увидим в своем особом выражении.

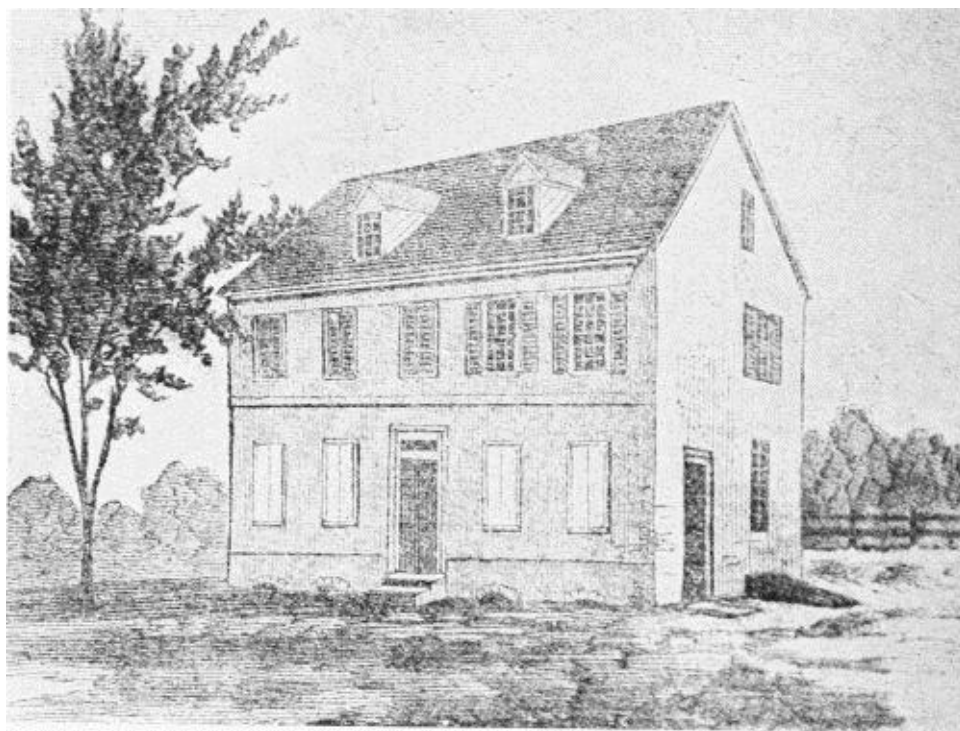
В то время как английские квакеры имели численное превосходство, считая окрестности Филадельфии и Западного Джерси единицей населения, и политически контролировали ситуацию до конца восемнадцатого века, валлийцы и немцы жили рядом с ними, и им была предоставлена настолько большая степень практической независимости в управлении своими делами, что их общины фактически были *империей в империи*. В течение двадцати или тридцати лет после основания Пенсильвании “валлийцы были самым многочисленным классом иммигрантов”, и в географических названиях, крови, местной истории и архитектуре отчетливо прослеживается их непреходящее влияние. Прежде чем они мигрировали с родины, они заключили соглашение с Пенном, по которому он пообещал им “участок в сорок тысяч акров, где они могли бы иметь собственное правительство и жить самостоятельно”.

МАЛЕНЬКАЯ ТАВЕРНА НА УГЛУ ИОНИЧЕСКОЙ И
АМЕРИКАНСКОЙ УЛИЦ,
ФИЛАДЕЛЬФИЯ, 1692 ГОД.

ДОМ УИЛЬЯМА ПЕННА, ФЭРМАУНТ-ПАРК,
ФИЛАДЕЛЬФИЯ.
Ранее находился в Летиции Корт.

ДОМ ГЛОРИИ ДЕИ ГЛЕБЕ.

Построен для священнослужителей приходов Weceaco и Kingsessing.

САМЫЙ СТАРЫЙ ДОМ В ДУВРЕ, штат ДЕЛЛА.

В контуре крыши заметно сильное шведское влияние.

Соответственно, по их прибытии для них был обследован этот участок высокогорных холмистых земель, расположенных главным образом в пределах нынешних границ графств Монтгомери и Делавэр, - участок, который по характеру больше напоминал их любимый Уэльс, чем любая другая часть этой новой страны, которую они приняли. Урочище называлось Валлийским баронством из-за крепких, “рыжеволосых, веснушчатых потомков древних бриттов, которые настаивали на том, что эта территория, специально выделенная для них, была баронством или графством палатин и, по правде говоря, это было поместье с правом придворного барона”. Эти

Оуэнсы и Джонсы, Эвансы и Уинны, Пауэллы и Пью и все их родственники вели свои дела в соответствии со своими собственными представлениями и поначалу обходились без обычной системы организации поселков и графств. Собрания квакеров были наделены гражданской властью до тех пор, пока в 1690 году не были образованы три городка Мерион, Хаверфорд и Рэднор и гражданская юрисдикция собраний не была отменена. Валлийский был официальным языком судов и архивов, а валлийский был повседневным языком всех жителей баронства, и очень немногие из них понимали английский, так что, когда Уильям Пенн проповедовал в Хаверфорде в 1701 году, его слушатели не могли быть особо назидательными в том, что касалось его слов. Тесно связанные языковыми узами и таким же образом отделенные от других колонистов, говоривших по-английски, по-шведски или по-немецки, эти валлийские дворяне и йомены держались в стороне от внешних дел, довольствуясь образом жизни, который был “необычен для пограничной провинции” из-за “количества удовольствий и расходов на одежду и развлечения”. Местная независимость и самодостаточность были подорваны только тогда, когда баронство было открыто для внешних поселенцев, потому что жители Уэльса отказались платить арендную плату за большее количество земли, чем они фактически использовали или владели. Однако их сильное чувство национальности сохранилось, и ничто не могло быть более естественным, чем то, что архитектура, за которую они несли ответственность, имела характерный местный колорит.

Самой ранней немецкой общиной был Джермантаун, и, хотя сейчас это часть Филадельфии, в 1683 году и более ста лет спустя “грин кантри таун” Пенсильвании и деревня немцев были разделены длинным участком открытой местности, а шоссе между ними часто было настолько плохим, что служило скорее препятствием, чем средством общения. Немецкие поселенцы говорили на своем родном языке, печатали свои собственные книги, занимались своим собственным производством, боготворили по-своему, строили свои собственные школы и управляли своими собственными делами внутренней организации без вмешательства или помощи властей в Филадельфии. Как и первые поселенцы в Джермантауне, так поступали и их соотечественники, которые продолжали приезжать в Америку во все возрастающем количестве и путешествовали все дальше и дальше в глубь страны, куда их приглашали богатство почвы и возможность следовать своим собственным наклонностям без позволения или помех со стороны вмешивающихся или враждебно настроенных соседей.

Помимо того, что на протяжении большей части раннего периода немцы держались в стороне от поселенцев другой национальности, они также были разделены между собой. Были пиетисты или розенкрейцеры, у которых было свое поселение или община на берегах Виссаикона. Хотя они поддерживали некоторые отношения с другими немецкими поселенцами, они, тем не менее, вели особый образ жизни. Жители Джермантауна, аналогичным образом, сформировали полноценное сообщество сами по себе, и отрасли промышленности, которыми они занимались на раннем этапе, а именно, работа бумажных и трикотажных фабрик, все еще процветают по соседству, в некоторых случаях на первоначальных местах. Опять же, поселенцы в районе Скиппак были далеки от жителей Джермантауна и выработали свои собственные особенности. Моравы, в свою очередь, продвинулись еще дальше в северную часть провинции и основали поселения, совершенно отличные от всех других колонизационных предприятий. Их древние здания очень интересны и надолго сохранили традиции страны, откуда родом моравы. Изучение ясно покажет сходство во многих моментах со швабскими способами архитектурного выражения, как и следовало ожидать, исходя из тесных уз родства.

Изоляции нескольких слоев населения в колонии еще больше способствовал тот факт, что поначалу колонисты Пенсильвании, Нью-Джерси и Делавэра, следовавшие за Пенсильванией, были похожи на своих шведских предшественников и не проявляли коммерческих инстинктов, как голландцы, которые вели агрессивную торговлю мехом. То, что им было нужно для домашнего потребления, первые пенсильванцы производили сами, насколько могли, и во всех отношениях были по сути сельскохозяйственными и диаметрально противоположны голландцам. В течение нескольких лет после основания колонии шведы, англичане, валлийцы и немцы

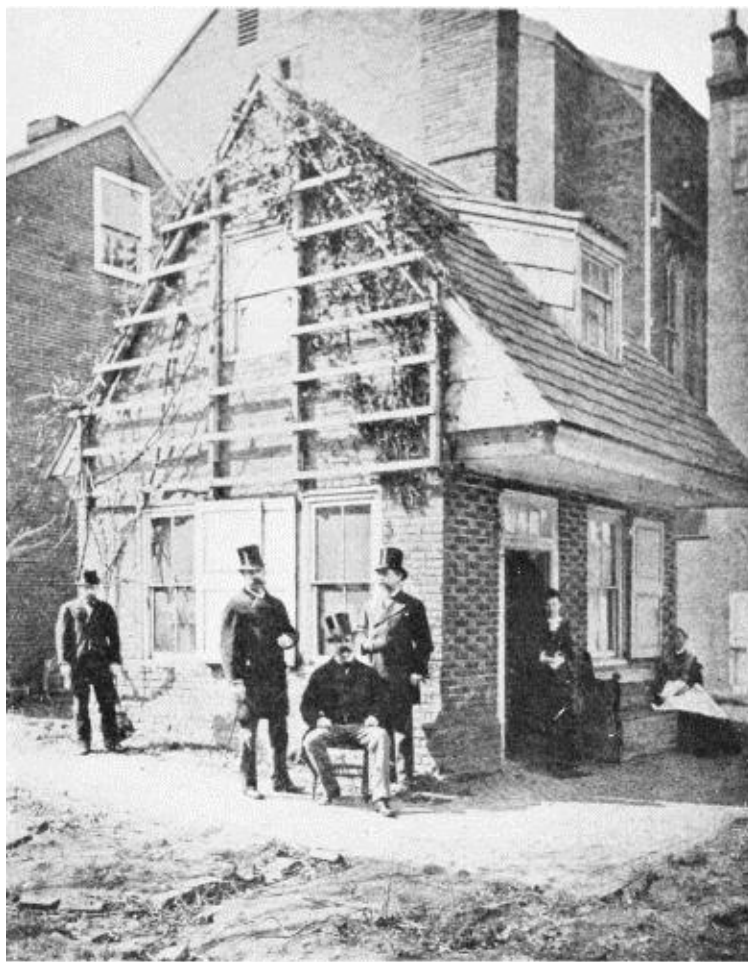
обращали свои взоры вглубь страны. Мы могли бы сказать, что их колонизационная политика была скорее интроспективной, чем экспансивной.

Эта интроспективная политика колонизации не имела тенденции к расширению или процветанию колонии, и, хотя колонисты вели комфортную жизнь в предпочитаемом ими самими уединении, только после того, как они обратили свои взоры к морю и занялись торговлей, процветание Филадельфии и колонии в целом росло не по дням, а по часам. Дороги, по большей части, были крайне плохими, а зимой и весной - безнадежно раскисшими. Там, где поселенцы не следовали течению ручьев для расширения территории своей колонизации, они следовали индейскими тропами, и большинство старых дорог, ведущих из Филадельфии, старых транспортных артерий, по которым колонисты основывали свои усадьбы и от которых они продвигались все дальше и дальше вглубь страны, изначально были тропами, протоптанными краснокожими людьми через лес.

В то время как шведы выбирали ручьи для определения своего курса колонизации, немцы обычно придерживались индейских троп, которые со временем стали главными дорогами к их различным общинам. В древнейшие времена немецкие юноши и девушки переходили вброд ручьи и проезжали верхом по этим дорогам, неся свои товары на городской рынок в корзинах. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем состояние дорог было достаточно улучшено, чтобы позволить периодически доставлять в город из более отдаленных поселений большие повозки с четырьмя, шестью и восемью лошадьми. В этих тележках хранились продукты шестимесячного или годового труда на фермах, и на деньги от того, что они продавали, фермеры покупали материалы, которые приносили домой для изготовления различных предметов первой необходимости или комфорта, необходимых разным членам их семей.

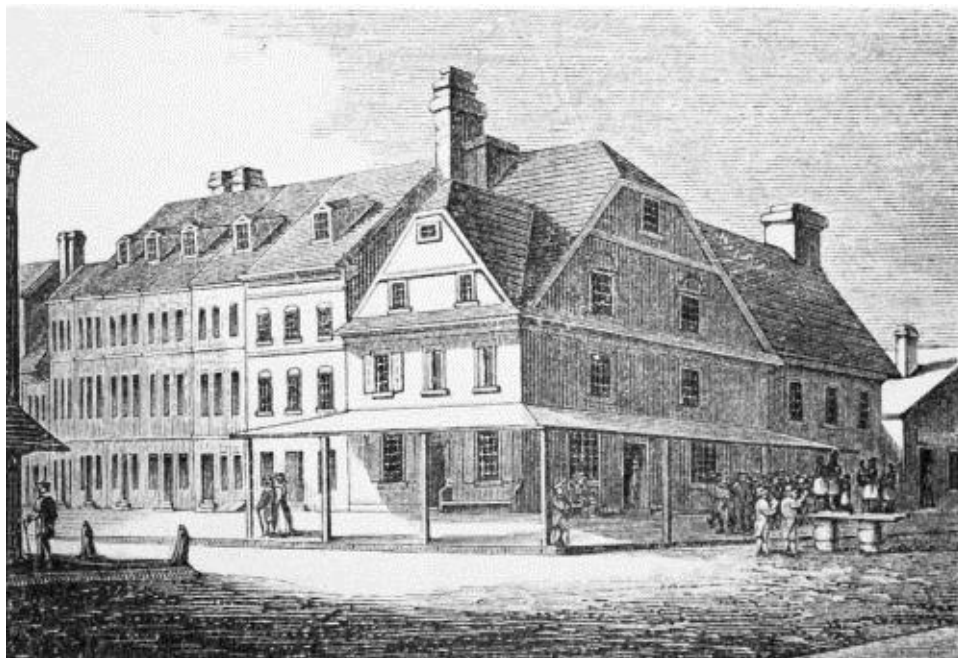
Только после того, как со временем они научились ценить фундаментальный либерализм, который характеризовал принципы колонии, установленные Основателем, и только после того, как постепенное развитие коммерческой промышленности привело их к большему сближению, у различных групп колонистов появилась общая почва, на которой они могли встречаться, не приводя к конфликту свои разнообразные принципы и предрассудки. Тем временем архитектурный облик провинции разделился на несколько четко очерченных отдельных каналов, которые до сих пор легко узнаваемы. То, что эти различные фазы колониальной архитектуры сохраняли свою индивидуальность бок о бок, не вызывает удивления, когда мы рассматриваем раннее разнообразие и изоляцию различных расовых элементов провинции, подробно объясненных на предыдущих страницах, и когда мы также рассматриваем упорство, с которым люди цеплялись за свои отличительные расовые особенности любого рода еще долгое время после того, как были разрушены барьеры антагонизма или изоляции.

Всегда полезно выражаться недвусмысленно, и легче прояснить основу спора, когда приводится конкретный пример.

ДОМ ПРИЗРЕНИЯ КВАКЕРОВ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

Построен в начале восемнадцатого века. Говорят, здесь умерла Эванджелина.

ЛОНДОНСКАЯ КОФЕЙНЯ (BRADFORD'S), ФИЛАДЕЛЬФИЯ. ПОСТРОЕНА В 1702 ГОДУ.

Со старой гравюры.

ЗДАНИЕ СУДА СТАРОЙ ФИЛАДЕЛЬФИИ. ПОСТРОЕНО В 1707 году.

Поэтому мы будем использовать определенные указанные дома для примера. Первый из них, привлекающий наше внимание, - это Уиннестей, показанный на одной из прилагаемых иллюстраций, древний дом семьи Уинн на границах Валлийского баронства. Когда его построили в 1689 году, он находился в глубине страны; сейчас его окружает пригородная застройка. Практически единственным изменением, которому когда-либо подвергался Wynnestay, было поднятие конька крыши в самой старой части до уровня пристройки 1700 года, когда было сочтено необходимым произвести некоторый ремонт. За исключением этого и того, что было построено сзади для удовлетворения возросших бытовых потребностей, Виннестей и по сей день остается в своем первоначальном виде и, следовательно, ценен как хорошо сохранившийся образец валлийской колониальной работы. Двери и окна низкие, но большой ширины, и перекрыты тяжелыми каменными перемычками, сделанными из толстых продолговатых плит, установка которых, должно быть, не стоила обычных усилий и энергии. Два мансардных окна имеют те же заостренные пики, которые мы увидим в другом примере колониального строительства. Как и следовало ожидать, стены толстые, и все в здании выполнено из самой прочной конструкции.

Когда был построен Уиннестей, у колонистов не было времени разрабатывать новые архитектурные формы, поэтому мы можем быть уверены, что при возведении своих жилищ они настолько точно, насколько это было возможно, следовали всем традициям и прецедентам, с которыми были знакомы на старой родине. В том, что Виннестей и его современники точно представляют фермерские дома и небольшие поместья Уэльса и Англии, мы можем быть уверены тем более, что способные ремесленники, как домашние плотники, так и каменщики, сопровождали первых поселенцев и к этому времени прибыли в колонию в значительном количестве и, конечно, работали по принципам, привитым им в дни их ученичества.

Каменная кладка пенсильванского колониального типа снова и снова вызывала восхищение архитекторов во всех уголках страны. Такого же рода кладочные работы выполняются местными каменотесами и сегодня, и они настолько индивидуальны и характерны, что иногда их посылают возводить стены на большом расстоянии от их собственной местности, потому что невозможно найти других каменщиков, которые нанесли бы точно такой же штрих на поверхность стены или уложили камни совершенно таким же образом. Но очарование, которым по праву славится их работа, объясняется тем фактом, что они просто следуют традиции, переданной им старыми валлийскими и английскими каменщиками, пришедшими сюда вместе с первыми поселенцами. С тех пор традиция неукоснительно соблюдается. Мы находим убедительные доказательства этого

во всех старых домах этого типа, фактически во всех старых зданиях. Об этом будет рассказано в главе о старых колониальных церквях в связи с церковью Святого Дэвида в Рэдноре. Снова мы видим это в таком здании, как Уэйнсборо, которое, кстати, особенно интересно как знаменующее переход от раннего колониального типа к раннему георгианскому.

Хотя Уэйнсборо был построен всего через несколько лет после Грэм-парка или Хоуп-Лоджа, этих ярких примеров первой фазы георгианского строительства Средних колоний, он, тем не менее, сохранил в определенных чертах сильное сходство с раннеколониальным валлийским типом. Каменная кладка точно такая же, но еще заметнее перемычки дверей и окон, сложенные из ряда камней, вертикально установленных в виде приплюснутой или эллиптической арки. Эту форму можно увидеть на большей части ранних валлийских работ одновременно с большими плитами, отмеченными в Виннестее.

В целом по характеру Уиннестей похож на другие валлийские дома поблизости, такие как Пенкойд в Бале, построенный в 1633 году, или Харритон, построенный немного позже, но с течением лет он претерпел меньше изменений, чем его ближайшие соседи в городке Лоуэр-Мерион или других районах, в которых ощущалось валлийское влияние, и лучше соответствует этому типу. Дом построен из местного серого полевого камня различных размеров — некоторые камни, вероятно, были выкопаны при расчистке полей вокруг, — облицован белым строительным раствором и представляет интересную особенность в смелой лепке карнизов. Продолжение карниза от карниза, следуя той же горизонтальной линии, пересекает поверхность стены на каждом фронтонном конце, образуя вместе с фронтонным карнизом законченный треугольник. Такое расположение карниза в виде струны, проходящей по торцам фронтона, придает крыше совершенно позитивный вид. Карниз в этом устройстве не отличается от пентхауса, который так часто использовался в сооружениях того времени между первым и вторым этажами. Виннестей был построен в два разных периода. Первая часть, построенная в 1689 году, имеет пентхаус вдоль фасада с треугольным козырьком; более поздняя пристройка, построенная в 1700 году, имеет пентхаус между первым и вторым этажами, но без треугольного козырька над дверью. Еще одной особенностью, свидетельствующей о тесной связи Уэйнсборо с ранним колониальным типом, примером которого является Уиннестей, является капюшон над дверью дома. Хотя пентхаусы исчезли, капюшон остался и очень ясно указывает на определенную линию происхождения.

Виннестей и другие подобные ему старые дома были предшественниками типа строений, которые стали известны как фермерский дом пенсильванского колониального типа; очень достойный тип, по-настоящему удобный, домашний и разумный, и заслуживающий той популярности, которая ему была предоставлена, при условии, что он строго придерживается своей суровой простоты и избегает любых попыток притворства. Однако в тот самый момент, когда мы отступаем от освященной веками традиции и пытаемся украсить здания такого рода георгианскими украшениями и меховой отделкой — что делается слишком часто, — это выглядит неприлично и нелепо. Прежде чем оставить эту тему, следует добавить, что фермерские дома пенсильванского колониального периода построены как из грубой кладки, так и из камня, и что здания, возведенные английскими поселенцами, хотя и похожи, были склонны быть несколько выше старых приземистых жилищ валлийцев, чье естественное пристрастие к “приземистости” хорошо иллюстрируют башни их церквей.

Наш следующий пример колониального стиля - Вик в Джермантауне, на углу Уолнат-Лейн и Джермантаунской дороги. Как и Уиннестей, Вик практически не изменился с тех пор, как были возведены его прочные стены. Более того, Вик никогда не продавался, а переходил от владельца к владельцу по наследству, и поскольку его владельцы всегда заботились о поддержании всего в первоначальном состоянии, легко увидеть, что более заслуживающий доверия образец колониальной архитектуры Пенсильвании выбрать было невозможно. Вик олицетворяет немецкое влияние в колониальной архитектуре. Строение на самом деле представляет собой два дома, соединенные вместе. Первый был построен около 1690 года или раньше; второй, хотя и построен

несколько позже, тем не менее, также относится к раннему периоду. Через первую часть соединительной части, соединяющей два дома в один, проходил проход или путь для фургонов. Позже этот проход был закрыт и теперь образует большой коридор, из которого наружу выходят большие двойные двери, почти такие же широкие, как двери сарая, с длинной фрамугой с маленькими лампочками над ними.

Весь длинный южный фасад дома побелен. Шпалеры покрывают лицевую сторону стены, и виноградные лозы с их массой густой листвы резко контрастируют с ослепительной яркостью их фона. В Уике окна выше и не такие широкие, как в Уиннестее, и то же самое можно сказать о размерах дверей. Пропорции превосходны, а размеры створок, выступов и стекол повторялись архитекторами снова и снова с наиболее удовлетворительными результатами. Мансардные окна имеют такую же острую угловатость, как и в Уиннестее. Однако в Вике карниз проходит только под карнизом и не пересекает стену на фронтонном конце. Такое расширение карниза в виде струнного хода чаще встречалось в домах валлийской или английской постройки, в то время как немцы, один из которых построил Вик, обычно оставляли свои фронтонные концы без украшений. На самом деле на двускатных концах Вика вообще нет карниза, а место соединения стены и крыши отмечено только простыми перекладинами, за которые едва выступает край крыши. В Вике уклон крыши не такой крутой, как в Уиннестее, и можно отметить, что более плоский уклон обычно встречался в домах колониального типа, построенных немцами, а также в более поздних английских колониальных домах.

И Уиннестей, и Вик, какими бы разными они ни были в национальных традициях, похожи своей непоколебимой стойкостью, прямолинейной простотой выражений и деталей и полным отсутствием каких-либо сознательных попыток украсить. Это правда, в обоих домах есть отчетливые элементы очарования и декоративности, проистекающие из таких деталей, как решетки и длинные фрамуги с маленькими лампочками в Wusck, или козырьки над дверями и продолжение карниза через фронтонные стены в Wynnestay, но эффект полностью случайный, а не результат дизайна. Оба дома полностью типичны для большинства современных жилых домов, и благодаря тому, что они избежали разрушительных изменений, ни одна частичка их очарования не была нарушена. И то, и другое также хорошо иллюстрирует архитектурные способы, которые продолжают непрерывно использоваться и по сей день. В тех частях страны, где преобладает английский элемент, небольшие особенности английской традиции все еще отчетливо прослеживаются в современных работах, в то время как в тех частях страны, где немецкий элемент Пенсильвании наиболее многочислен, легко проследить, даже в мелочах, устойчивое влияние немецкой архитектурной традиции, привнесенной первыми немецкими поселенцами. Действительно, мы можем вполне справедливо сравнить постоянство архитектурных мелочей с постоянством семейных черт и особенностей человеческой расы. Итак, вот и все о достойных образцах пенсильванского стиля, которые являются поистине колониальными. Приведенные примеры ни в коем случае не являются изолированными, а являются представителями многочисленного класса зданий, которые можно найти не только в Пенсильвании, но и в Делавэре и Нью-Джерси.

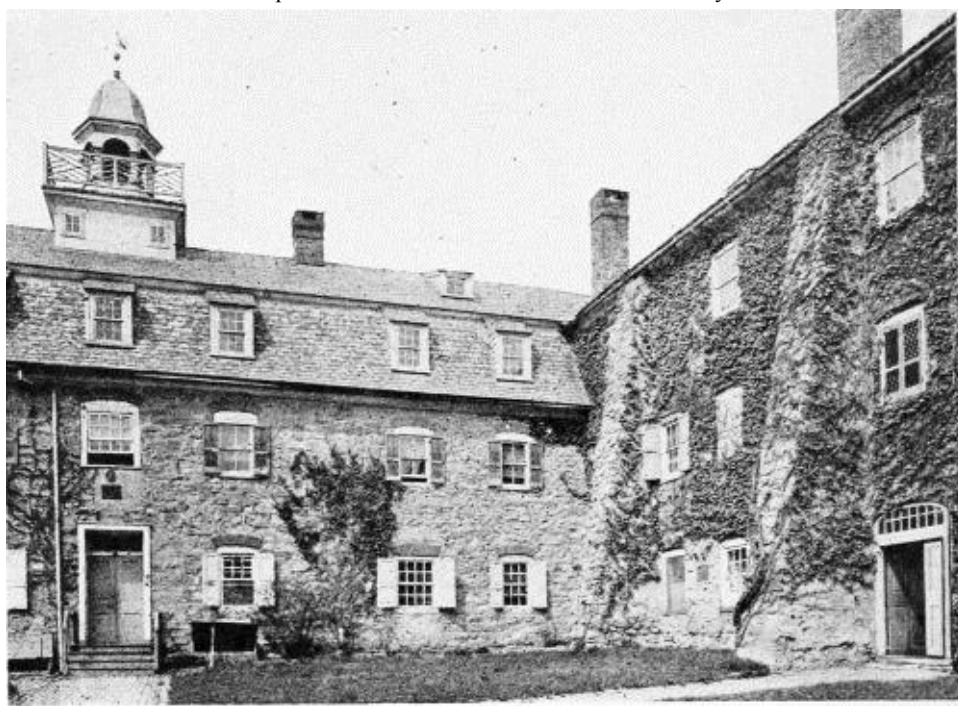
Прежде чем оставить эту тему, следует отметить, что кирпичные фермерские дома Нью-Джерси, хотя и часто повторяли тип, отмеченный в Пенсильвании, иногда с течением времени приобретали гораздо более громоздкие пропорции, чем жилища первых поселенцев, крыша поднималась на значительную высоту, а корпус строения приобретал большую глубину, а также ширину. Некоторые из этих огромных кирпичных строений относятся к сравнительно раннему периоду и могут быть отнесены к быстро растущему процветанию плантаторов Западного Джерси, которые имели преимущество перед поселенцами Пенсильвании благодаря своему значительно более раннему заселению. Самые старые дома обычно строились на участках земли, протянувшихся вдоль многочисленных ручьев, которыми пересекается часть страны, так что их сообщение по воде всегда было обеспечено, когда дороги были плохими, как это часто бывало. В этом отношении они напоминали многие старые дома Вирджинии и Мэриленда. Стены некоторых из

этих ранних домов в Джерси сделаны из толстых досок, плотно скрепленных между собой скользящим шпунтом, и сегодня стоят так же прочно, как и тогда, когда они были построены впервые. Камень не был популярным строительным материалом в Джерси, но вместо него обычно использовался кирпич, а кирпич иногда заменяли разновидностью самана или большим блоком обожженного на солнце мергеля.

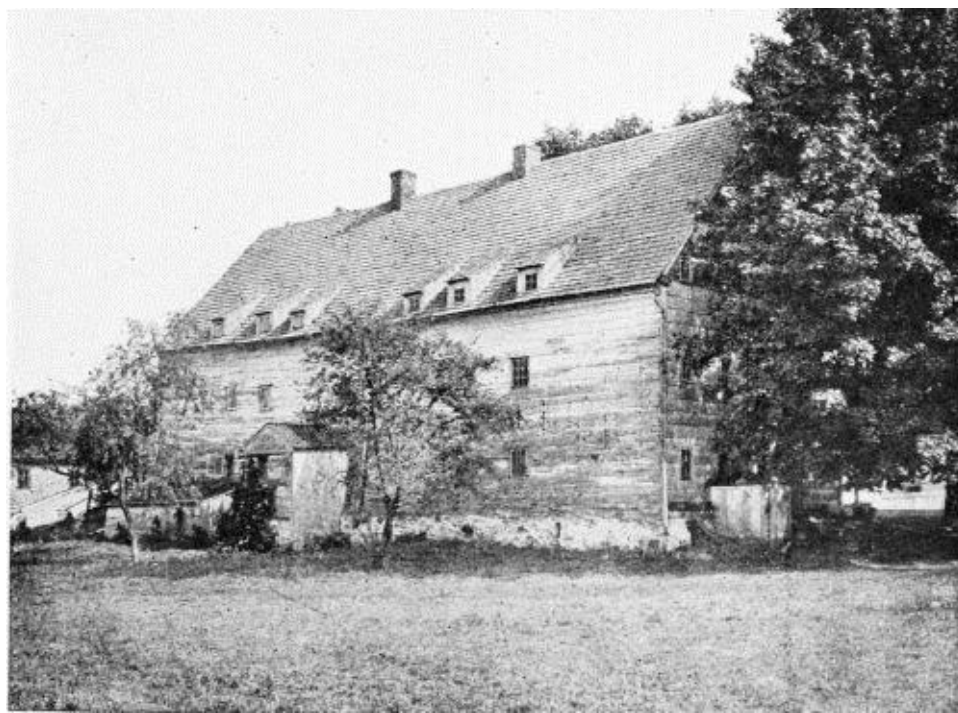

ДОМ СОБРАНИЙ МЕРИОНА, ПЕНСИЛЬВАНИЯ.

Построен валлийскими поселенцами в 1695 году.

ДОМ МОРАВСКИХ СЕСТЕР, ВИФЛЕЕМ, ПЕНСИЛЬВАНИЯ, 1748 год.

ЗААЛ, ЭФРАТА, ПЕНСИЛЬВАНИЯ.

Сильное немецкое влияние.

Интересно отметить, что длинная узкая фрамуга с маленькими фонарями, которые мы так часто находим над дверями домов в колониальный период и на первом этапе георгианского строительства, по-видимому, является остатком традиций королевы Анны, которые проникли в английскую архитектуру из голландских источников, вероятно, в правление Вильгельма и Марии, когда в Англию пришло такое большое количество голландских идей и практик.

Отмечая иностранное влияние в колониальной архитектуре, мы не должны забывать о тенденции к крутому наклону, а также о желобчатых формах крыш, продемонстрированных шведскими колонистами. Мы также не должны забывать вести хронику двух чрезвычайно интересных образцов совершенно иностранной внешности, которые были установлены в Пенсильвании в незапамятные времена. Один из них - Дом моравских сестер в Вифлееме, построенный около 1748 года, а другой - Заал, или большой зал монастыря в Эфрате, построенный баптистами Седьмого дня примерно в то же время. Крошечные мансардные окна являются точными копиями мансардных окон, которые можно увидеть на высоких и, казалось бы, бескрайних крышах любого старого немецкого города, в то время как маленькие, неправильно расположенные окна и крутая, высокая крыша Ephrata Saal придают зданию такой вид, как будто его целиком пересадили из Нюрнберга или Ротенбурга.

ГЛАВА V

КОЛОНИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА

А Тот, кто ХОРОШО изучает английский язык, досконально знаком со всеми местными особенностями, характеризующими речь нескольких частей нашей страны, входивших в пределы первоначальных Тринадцати колоний, знает, что разные слова и выражения, сохранившие свое значение в семнадцатом или восемнадцатом веках, сохранились в разных сообществах. Горцы Кентукки до сих пор набивают трубки “щепотками” табака; в Вирджинии и Мэриленде говорят, что недостаточно пропеченный хлеб недостаточно “пропитался”, что означает, что он не оставался в духовке так долго, как следовало; в Пенсильвании мы все еще “достаем” вещи, когда идем за ними, и приносим их обратно с собой; подошвы изношенных новоанглийских ботинок “простукиваются”, хотя в других частях страны они могут быть на “половинчатой подошве”, а новоанглийских кляч “травят” в конюшнях гостиниц. Все эти архаизмы, если их можно так назвать, имеют безупречное английское происхождение, хотя многие из них уже давно вышли из употребления в Англии, и они были обычным и правильным употреблением во времена эмиграции колонистов в Новый Свет. Колонии всегда были консервативны — провинциальные места обычно такими и являются, — и само сохранение нами мужественных форм речи в обычном употреблении в Англии Стюартов и Дома Ганноверов внесло немалый вклад в основание нашего справедливого хвастовства тем, что английский, на котором говорят сегодня в Вирджинии, Мэриленде, частях Каролинских островов, восточной Пенсильвании и Новой Англии, лучше и чище, чем большая часть английского, на котором сейчас говорят в самой Англии. Единственной чертой этого феномена постоянства речи, не поддающейся полному объяснению, является тот факт, что определенные части языковой традиции были увековечены в некоторых частях страны, в то время как другие встречаются только в отдаленных населенных пунктах, так что намек жителя Вирджинии на недостаточно “пропитанный” хлеб был бы непонятен в Массачусетсе.

Если жизнеспособность использования так заметна в такой изменчивой вещи, как язык, неудивительно, что архитектура, которая видна и сравнительно постоянна в своем проявлении, должна демонстрировать совершенно очевидную приверженность традиционным формам. Неудивительно, что, учитывая разнообразие речевых форм, случайно выделенных для увековечения в разных частях страны, можно обнаружить аналогичное разнообразие в сохранении местных архитектурных форм, хотя все они могут иметь чисто английское происхождение.

Большая часть Юга, как и Новая Англия, была полностью английской по крови, и небольшого элемента иностранного происхождения было недостаточно, чтобы оказать сколько-нибудь заметное влияние на архитектурные типы. На Юге не было многочисленного валлийского, шведского или немецкого контингента, как в Пенсильвании, и голландского большинства, как в Нью-Йорке, которые либо создавали экзотический уклон и изменяли выражение своего архитектурного наследия, либо стремились к независимому высказыванию на той же территории. Он был английским до мозга костей, как и архитектура. Только, как и в случае с речью, мы обнаруживаем, что для сохранения были выбраны традиции, несколько отличные от тех, что проявляются в Новой Англии. Отчасти это, без сомнения, было связано, как уже указывалось, с преобладанием саксонской ветви на Юге, в то время как поселенцы Новой Англии могли проследить некоторые из своих наследственных предпочтений по тому факту, что многие из них были выходцами из датских частей старой Англии. Традиции, привнесенные на американскую землю южными поселенцами, процветали не только в период, предшествовавший приходу георгианского режима, но и сохранялись одновременно с ним, и их влияние отчетливо прослеживается в домах, возведенных в память о все еще живущих людях. Они настолько отчетливо индивидуальны и настолько отличаются от форм, которые можно увидеть в Северных или Средних Штатах, что их можно легко узнать при поверхностном взгляде из окон мчащегося

железнодорожного вагона. Судя по свету, пролитому на этот предмет недавними исследованиями и реставрациями, вовсе не исключено, что колонисты Юга и Новой Англии поначалу придерживались нескольких идентичных архитектурных приемов. В качестве примера мы можем сослаться на дымоход, построенный на всю высоту за пределами стены дома. Эта функция сохранилась на Юге, в то время как в Новой Англии от нее практически отказались в ранний период. Причину далеко искать не надо. Суровые зимы Новой Англии требовали сохранения всего доступного тепла, и было просто разумно заключить дымоход в стены дома и не позволять теплу, исходящему от нагретых камней или кирпичей, из которых сложена сердцевина дымохода, выходить наружу и тратиться впустую. Более умеренный климат Юга не требовал такой тщательной консервации, и поэтому наружный дымоход сохранил свой прежний вид. То же, несомненно, было и с другими особенностями, так что расхождение в местных формах, помимо вопроса о наследственном выборе материалов и связанных с этим способов изготовления, о котором уже упоминалось, вскоре стало заметным и создало кристаллизованный тип. Каковы были отличительные черты этого типа, мы вскоре узнаем. Однако для нашего общего понимания будет полезно сначала получить представление о социальной жизни того периода, когда южный колониальный дом находился в процессе эволюции.

Первые поселенцы в Вирджинии были, по большей части, благородного происхождения. В некоторых случаях они были братьями, племянниками или младшими сыновьями пэров королевства. Таков был Джордж Перси, брат графа Нортумберленда. Чаще всего они происходили из семей мелкой знати и из нетитулованной сквайрхии графских семей или же из преуспевающих торговых или профессиональных классов. Либо они лично, либо их родственники, которые помогли им обосноваться в их предприятии по колонизации, находились в комфортных условиях, так что они могли рассчитывать, по крайней мере, на достаточно выгодный старт на новой земле, и, следовательно, с самого начала были в состоянии вскоре улучшить свое состояние, воспользовавшись широкими возможностями, которые предоставляла им фортуна. Помимо этого политически преобладающего класса, существовало множество наемных слуг и ремесленников, многие из которых по истечении срока действия своих обязательств приобрели землю и стали преуспевающими плантаторами. Наконец, это были негры-рабы, которые были привезены в колонию в ранний период и быстро увеличивались в численности. Социальные различия были столь же резко очерчены и неукоснительно соблюдались в Виргинии и других южных колониях, как и в Англии, и социальные обычаи остались неизменными, перенесшись из-за моря. Самые тесные и нежные отношения, которые позволяли обстоятельства, поддерживались с друзьями и родственниками на Родине. Одним словом, Вирджиния была всего лишь обособленным и разросшимся кусочком Англии, и жизнь шла своим чередом, как будто Атлантики не существовало, если не считать неизбежных задержек в сообщении. Какой была жизнь в ранней Виргинии, такой же она была в значительной степени, по крайней мере, в той мере, в какой это касается нашей настоящей цели, в других южных колониях, так что мы можем считать условия Виргинии типичными.

При всей легкости жизни, изобилии бытовых удобств, ввозе личных и бытовых предметов роскоши и первой необходимости на каждом корабле, заходившем в кейптаунские острова, и общем процветании, ставшем возможным благодаря благоприятной почве и климату в сочетании с благоприятными экономическими условиями, мера достатка даже среди самых богатых людей в течение первых пятидесяти или семидесяти пяти лет существования Вирджинии была недостаточной, чтобы оправдать безрассудные или расточительные расходы на отделку жилого дома. Таким образом, дома плантаторов, хотя и были комфортабельно и даже роскошно обставлены, в соответствии со стандартами того времени, были скромными по размерам и непритязательными по своему характеру. Когда Николас Хейворд решил пристроить одного из своих детей на плантацию в Виргинии и написал Уильяму Фицхью, одному из самых богатых и влиятельных плантаторов, за информацией и советом, последний ответил, указав на курс, которого придерживаются многие другие плантаторы, что самым мудрым планом было бы

импортировать из Англии каменщиков и плотников по контракту, которые в течение четырех или пяти лет, на которые они были рассчитаны, могли бы построить солидный дом и, в то же время, выполнять другую работу, для которой их можно было бы нанять. выйдя, зарабатывайте достаточно, чтобы оплатить стоимость строительных материалов, а также их содержание. Фицхью также посоветовал Хейворд не строить большое жилище и даже усомнился в целесообразности возведения “английского каркасного дома обычного размера”, поскольку плата за услуги квалифицированных мастеров была чрезмерной. Он добавил, что его собственное жилье обошлось в три раза дороже, чем дом такого же размера в Лондоне, и что обычно на выполнение того же объема работ уходит в три раза больше времени, чем в Англии.

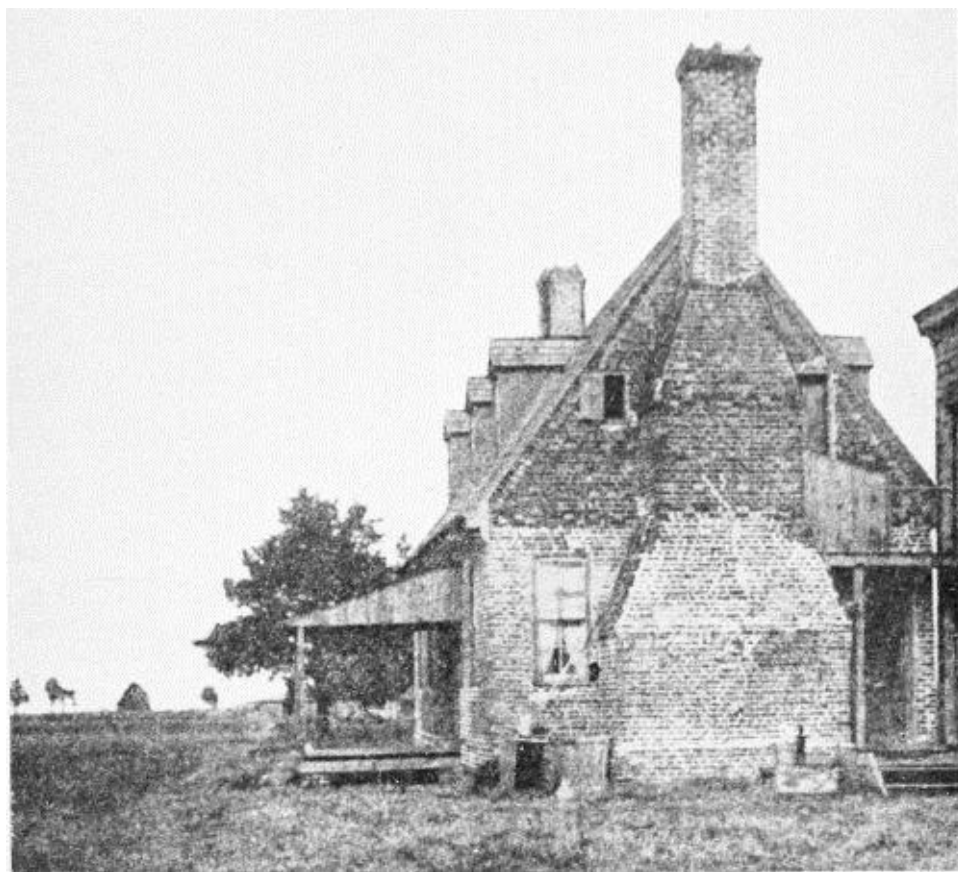
Несмотря на унаследованное им предпочтение камню и кирпичу в качестве строительных материалов, раннему колонисту Вирджинии волей-неволей пришлось превратить необходимость в достоинство и построить свой дом из дерева. Хотя в большинстве случаев колонисты Вирджинии предпочитали кирпич и камень, когда позволяли обстоятельства — они использовались почти повсеместно, как только начало ощущаться влияние Джорджии и накопление богатства способствовало этому, — необходимая зависимость от дерева с самого начала создала прецедент и положила начало южной традиции, которая сохранилась до наших дней. Во многих частях Старого Доминиона практически не было камня, и было трудно добыть его даже для дымоходов. Часто всю зависимость для этой цели приходилось возлагать на брик, а брик поначалу было не так-то просто раздобыть. Хорошая кирпичная глина, безусловно, была в изобилии, и производство кирпичей поощрялось с самого начала, но после изготовления кирпичей возникли серьезные трудности с транспортировкой, и к тому времени, когда эти трудности были преодолены, многие из старых домов были построены, и вряд ли можно было ожидать, что плантаторы, построив основательные и удобные дома из дерева, снесут их и заменят другими из кирпича, после того как кирпича станет больше, просто для выполнения произвольных указаний властей Англии, когда в 1637 году они поручили губернатору Уайатту “потребовать от каждого землевладельца, чтобы он построил новые дома”. чья плантация занимала сто акров, на ней можно было построить жилой кирпичный дом длиной двадцать четыре фута и шириной шестнадцать футов с пристроенным к нему погребом. В тех случаях, когда площадь гранта превышала пятьсот акров, размер жилого дома должен был пропорционально увеличиваться”.

Мы можем быть уверены, что самые ранние дома южан в Вирджинии и других местах, после того как был пройден краткий этап строительства бревенчатых хижин, были построены из дерева с кирпичными или иногда каменными дымоходами. Повсюду было в изобилии отборная древесина сосны, кипариса, кедра, дуба, каштана, гикори, вяза и ясеня, которая полностью отвечала всем конструктивным требованиям, а обрешетная доска или вагонка, прибитая к каркасу столбов, шпилек, перекладин и наличников, широко использовалась в строительных целях. Вероятно, именно из-за отсутствия камня и сравнительной нехватки кирпичей в ранние времена мы не находим свидетельств попыток строительства из бревен с использованием глины и кирпича или отбивания глины и камня, как это делалось в Новой Англии в тот же период.

Однако лишь поначалу ощущалась нехватка кирпичей, и даже тогда трудности с их получением были скорее связаны с транспортировкой, чем с поставками. Каменщики были одними из первых привезенных сюда ремесленников, и, как только что было сказано, с самого зарождения колонии производство кирпича поощрялось. Действительно, на раннем этапе кирпичи стали важной статьей экспорта на Бермудские острова, откуда в обмен доставлялся известняк. Кирпича для удовлетворения внутреннего спроса было в избытке, и препятствием на пути его более широкого использования первым или двумя поколениями плантаторов была трудность доставки его из печей в места, где он должен был использоваться, а не, как некоторые предполагают, необходимость импортировать его из Англии. В другой главе указывается, что так называемый “английский кирпич” был просто кирпичом, изготовленным по английским размерам и названным так для отличия от кирпича, изготовленного по голландскому образцу. Очень немногие старые кирпичные здания были построены из импортных материалов, и при обычных

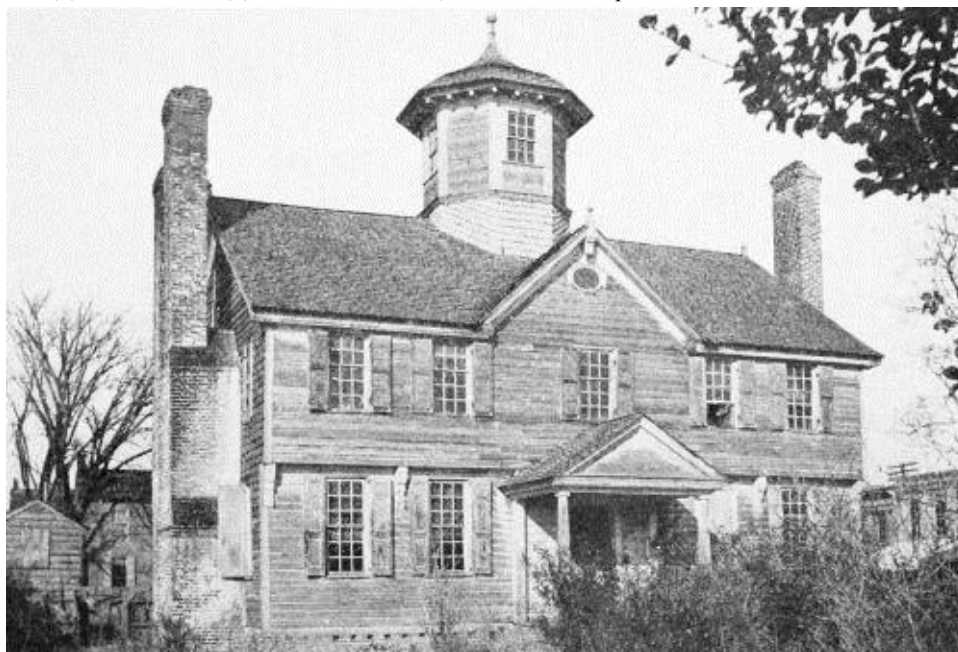
обстоятельствах было бы верхом безумия посылать за ними за границу, даже если они могли послужить балластом. В Виргинии кирпичи ценились от восьми до пятнадцати шиллингов за тысячу, в то время как в Англии, между 1650 и 1700 годами, их цена составляла восемнадцать шиллингов и выше за тысячу. По мере того как в семнадцатом веке на Юге появлялось все большее количество современных кирпичей. После прибытия сэра Томаса Дейла и основания его нового предприятия в Хенрико-Сити стены первых этажей домов в этом месте были построены из кирпича, обожженного в установленных там печах, но когда секретарь Кемп в 1638 году построил кирпичный дом в Джеймстауне, это, вероятно, было первое жилище, полностью построенное из кирпича на Юге. После этого в Джеймстауне были возведены другие кирпичные дома, а впоследствии губернатор Беркли построил себе кирпичный дом в Грин-Спринг, примерно в двух милях отсюда. Однако не было обычным широко использовать кирпич до конца семнадцатого века или начала восемнадцатого, когда были накоплены значительные состояния и несколько улучшились транспортные возможности. Даже тогда использование кирпича ни в коем случае не было универсальным, а в значительной степени зависело от местных условий, хотя, несомненно, ему отдавалось предпочтение перед деревом, когда его можно было легко достать.

Независимо от того, использовалось ли дерево или кирпич, южные дома семнадцатого века и первой половины восемнадцатого довольно близко соответствовали одному и тому же архитектурному типу, и даже в более амбициозных жилищах, возведенных очень богатыми людьми ближе к концу этого периода, как правило, не было радикальных отклонений от привычного стиля. По большей части дома даже самых богатых плантаторов были простыми по планировке и невзрачному внешнему виду. Типичное жилище представляло собой продолговатое строение с входной дверью на одном из длинных фасадов, крутой крышей, дымоходом на каждом конце и часто имело всего один полноценный этаж с мансардой над ним, хотя более просторный второй этаж ни в коем случае не был редкостью. В 1679 году майор Томас Чемберлейн, видный гражданин Энрико, заключил контракт с неким Гейтсом, плотником из того же округа, на постройку для него каркасного дома длиной сорок футов и шириной двадцать футов. Внешние стены должны были быть обшиты досками, и погреба не должно было быть, но каркас должен был поддерживаться на опорах, опирающихся на землю. Верхний и нижний этажи должны были быть разделены деревянными перегородками на две комнаты. На каждом конце должен был быть кирпичный дымоход. В документах семнадцатого века встречается так много описаний похожих домов и спецификаций для их возведения, что мы с полным основанием рассматриваем их как типичные для того периода. Дом Адама Сарагуда, построенный из кирпича в округе Принцесса Анна, штат Вирджиния, между 1640 и 1650 годами, имел тот же общий контур. Крыши обычно были из кипарисовой черепицы, хотя впоследствии в некоторой степени использовалась черепица. Уклон крыши очень напоминал уклон некоторых из самых ранних крыш Новой Англии, но с годами как на Юге, так и на Севере наблюдается общая тенденция отходить от английского прецедента и выравнивать уклон, насколько позволяют условия. В этой связи следует также помнить, что солома была распространенным кровельным материалом в Англии и требовала крутого уклона для быстрого отвода дождя, в то время как использование черепицы допускало менее крутой угол наклона без ухудшения водоотталкивающих свойств крыши.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

ДОМ АДАМА САРАГУДА, ОКРУГ ПРИНЦЕССЫ Анны, Вирджиния. ПОСТРОЕН В 1640 году.

ГУБЕРНАТОРСКИЙ ИДЕН-ХАУС, ЭДЕНТОН, Северная Каролина

Необычный пример навеса в южной архитектуре.

ДОМ В ЙОРКТАУНЕ, ВИРДЖИНИЯ

С типичными наружными дымоходами на концах.

“БОЛЬНИЧНЫЙ” ДОМ, ЙОРКТАУН, ВИРДЖИНИЯ

Южного колониального типа.

Одной из наиболее характерных черт этих домов были внешние дымоходы на каждом конце. Они были из кирпича или камня, когда случайно это удавалось закрепить, и иногда, в некоторых более поздних домах, построенных в соответствии с этой ранней традицией, они были сложены из кирпича и камня, причем камень использовался для тяжелого основания, в то время как штабель был сделан из кирпича. По всей своей высоте эти дымоходы были построены вне стены дома, независимо от того, был ли дом деревянным или кирпичным, и были широкими у основания, сужаясь за счет последовательных ступеней наклонных выступов и отступов, во многом таким же образом, как готический контрфорс, к нижней части трубы, которая поднимается прямо и стройно по сравнению с ее основанием. Дымоход Thorough Good house является прекрасным примером такого метода обработки дымохода. Южные наружные дымоходы во многих случаях имели

скошенные выступы как по бокам, так и сзади в то время как несколько ранних дымоходов того же типа в Новой Англии обычно были плоскими сзади и имели градуировку только по бокам.

Еще одной заметной характеристикой ранних домов Юга являются длинные мансардные окна с остроконечными фронтонами, которые часто пронизывали крыши, что резко контрастирует со сравнительной редкостью мансардных окон в домах ранней Новой Англии аналогичного периода. Такой же способ введения остроконечного слухового окна или небольшого фронтона в боковую часть скатной крыши можно увидеть над дверями некоторых старых амбаров на Юге. Гамбрел встречается далеко не так часто, как на Севере, и мы не находим свидетельств обрамления с выступом. Возможно, что этот последний упомянутый пункт различия между Югом и Севером отчасти можно объяснить тем, что навес в Англии сохранялся дольше всего и пользовался наибольшей популярностью в городах, в то время как на открытой местности он был менее заметен. Поскольку многие колонисты Новой Англии были выходцами из городов, в то время как значительная часть жителей Юга - из сельской местности, было вполне естественно, что и те, и другие должны были увековечить черты, к которым они больше всего привыкли. Эта гипотеза, конечно, является чисто предположительной, но она ни в коем случае не невозможна, поскольку очень незначительные вопросы часто служат для определения выбора. В небольших и скромных жилищах Юга можно было обнаружить тот же общий метод строительства и те же черты контура, что и в их более крупных прототипах.

Было бы чрезвычайно трудно сформулировать какие-либо конкретные обобщения относительно внутренней планировки ранних домов Юга, поскольку они широко варьировались в разных случаях в соответствии индивидуальными требованиями жильцов, размером их семей и способом, которым они считали нужным время от времени вносить дополнения по мере необходимости. Мы видели, что в доме майора Томаса Чемберлена было две комнаты наверху и две внизу, разделенные деревянными перегородками, которые могли быть покрыты прочной глиняной штукатуркой и побелены, а могли и не быть. Таким образом стены иногда отделялись, в других случаях они были обшиты деревянными панелями. Окна были застеклены небольшими стеклами, оправленными в свинец. В доме губернатора Беркли в Грин-Спринг было шесть квартир, в то время как в доме Уильяма Фицхью, который, однако, претерпел различные пристройки, насчитывалось двенадцать или тринадцать. В доме Стрэттонов в Энрико было три комнаты над лестницей и одна внизу, а также холл, кухня и кладовая. В округе Йорк нам рассказывают о домах, в которых были только холл или столовая, кухня и спальня, которые, вероятно, располагались на одном этаже. С другой стороны, были дома с прихожей и кухней на нижнем этаже и комнатой наверху, в то время как у некоторых более состоятельных людей обычно было по три или четыре комнаты на каждом этаже. В любом случае, дома имели один и тот же общий план, и там, где было много квартир, они, как правило, представляли собой пристройки, беспорядочно сгруппированные вокруг центрального ядра, которое было типичным для страны.

Три особенности заслуживают особого внимания в плане раннего южного дома, каким бы разнообразным ни было его внутреннее устройство в противном случае, и тем более потому, что они сохранились и нашли узнаваемое место в плане георгианского дома, поскольку он был разработан на Юге. Во-первых, холл, который также называли столовой или гостиной, был широким и обеспечивал достаточное пространство и циркуляцию воздуха. Это было место, где обычно принимали пищу и где сидела семья. Дверь дома открывалась прямо в него, и он в точности соответствовал функциям большого зала в небольших поместьях Англии и выполнял их. Такое внутреннее расположение дома соответствовало климату, и когда георгианский стиль набрал обороты, был сохранен широкий коридор, часто занимающий всю глубину здания и используемый более или менее как гостиная. Это было совершенно не похоже на маленькую прихожую или узкую лестницу в домах Новой Англии, которые из-за суровых новоанглийских зим было желательно иметь в качестве защиты для остальной части дома, когда открывалась дверь. Во-вторых, домохозяйки-южанки часто находили удобным и желательным в схеме своего

домашнего хозяйства располагать кухню в отдельном здании, несколько удаленном от основной части дома. Слуг было достаточно, чтобы сделать это практически осуществимым, а мягкий климат также благоприятствовал этому. Кроме того, этот план хорошо вписывался в практику размещения помещений для прислуги за пределами дома. Эта особенность отдельно стоящих кухонь также сохранилась в георгианскую эпоху, и ее влияние ощущалось не только на Юге, но и в Пенсильвании. Таково было расположение в Грэм-парке, Хоршем, недалеко от Филадельфии, построенное в 1722 году сэром Уильямом Китом, на которого, как мы знаем, произвел благоприятное впечатление образ жизни на Юге, где он побывал до того, как обосновался в Хоршеме. Мы также находим отдельно стоящие офисы и помещения для прислуги в Стентоне, доме Джеймса Логана; в Хоуп Лодж, Уайтмарш, и в Маунт-Плезант, доме этого отважного и изобретательного старого моряка и торговца, капитана Джона Макферсона, впоследствии ставшем местом многочисленных развлечений Бенедикта Арнольда и его невесты, когда они занимали его в течение короткого сезона. Такая же договоренность была достигнута и в Кливдене, и, что не маловероятно, она была предложена верховному судье Чу, вспомнившему о подобном плане в домах его южных родственников. Эта особенность отдельно стоящей кухни образует интересную точку соприкосновения между домашней георгианской архитектурой Средних колоний и южной. В-третьих, в большинстве южных колониальных домов была одна или несколько спален на первом этаже. Эта функция доказала свое практическое удобство и, как и две другие, только что перечисленные, часто сохранялась в грузинском режиме. Действительно, эта практика сохраняется и по сей день.

В своей ценной “Экономической истории Вирджинии в семнадцатом веке” Филип Брюс дает графическую картину пером обычных окрестностей дома плантатора в Вирджинии семнадцатого века, картину, которая с таким же успехом может быть применима к обычным домам в других южных колониях того же периода. Отметив обычную незамысловатость окружающей обстановки, он продолжает: “Двор, как его называли, состоял из открытой площадки, кое-где затененной деревьями. В непосредственной близости от дома располагался сад, частично отведенный под овощи, частично под цветы, тимьян, майоран и флоксы росли там в таком же изобилии, как и в Англии. Многие цветы и кустарники были только недавно привезены из метрополии. Берд был обнаружен в 1684 году в письме своему брату в Англию, в котором он благодарил его за только что полученные кусты крыжовника и смородины; в том же году он выражает второму корреспонденту свою признательность за подарок в виде семян и корешков, которые были посажены и благополучно расцвели [ирис, тюльпан, крокус и анемон]. Летние домики, беседки и гrotты, которые, по словам Беверли, можно было найти рядом с жилыми домами, несомненно, обычно располагались в саду и были возведены для того, чтобы обеспечить прохладное место для уединения в самые жаркие часы летнего дня; сам сад всегда был огражден частоколом для защиты от свиней и крупного рогатого скота, которым разрешалось разгуливать без ограничений. В непосредственной близости от жилищ богатых землевладельцев, как правило, группировались голубятня, конюшня, амбар, курятник, домики для прислуги, кухня и молоковарня, целью которых в последних случаях было убрать из особняка операции по приготовлению пищи, стирке и производству молока. Во многих дворах был установлен высокий столб с игрушечным домиком наверху, в котором пчелка Мартин могла свить свое гнездо, эта птица храбро нападала на ястреба и ворону и таким образом служила стражем домашней птицы”. Было бы нетрудно найти аналог этих условий во многих местах на Юге сегодня, то есть в местах, созданных по образцу колониальных традиций, в которых формальный георгианский элемент никогда не играл важной роли и не приводил к закладке больших, симметрично спланированных садов.

Из более элегантных и основательно построенных кирпичных домов, которые характеризовали конец периода, когда все еще преобладал истинно колониальный стиль, нашей настоящей цели будет достаточно, если мы упомянем конкретно два, один в округе Энн Арундел, штат Мэриленд, а другой на реке Купер в Южной Каролине. Первый - Сидар-парк на берегу Чесапика, построенный около 1692 года. Он состоит из одного полноценного этажа, над верхушками окон

которого выступают карнизы крутой крыши, в которой находится просторный чердак или скрытый второй этаж, если такое обозначение кажется более приемлемым, освещенный мансардными окнами. Его внешний вид во всех деталях совпадает с особенностями, ранее отмеченными как характерные для домов южного колониального типа, независимо от того, построены они из кирпича или дерева. Он находится в отличном состоянии сохранности, а дополнения и крылышки, которые были добавлены, никоим образом не затеяют контур и идентичность оригинального типа. В доме нет ни одной детали, которая указывала бы на георгианское влияние или георгианский формализм. Внутреннее расположение также согласуется с планом того типа, который характерен для других домашних построек, возведенных на юге в семнадцатом веке. Здесь есть большой центральный холл, в который открывается дверь дома, холл, через который при случае можно было бы легко проехать карете и четверке, а на втором этаже расположены смежные спальни. Остальные квартиры сгруппированы примерно так, как это было продиктовано удобством их размещения в то время, когда производились пристройки. В противоположном конце большого зала от входной двери дома лестница ведет в старинный сад, окруженный живой изгородью, омываемый водами залива.

Другой дом - замок Малберри, построенный в 1714 году. Несмотря на то, что Малберри Касл явно не является георгианским по своим характерным чертам, он, безусловно, свидетельствует о более амбициозном дизайне, чем это было обычно в тот период, когда он был возведен. Правда, некоторые детали, такие как крыльцо с колоннами и фронтоном, прикрывающие дверь дома, или карниз под карнизом, демонстрируют сдержанное классическое влияние, которое мы привыкли вполне обоснованно ассоциировать с архитектурными проявлениями правления королевы Анны или первых лет ее ганноверской преемницы, но общий контур дома сильно напоминает одноэтажный колониальный тип с его крутой крышей. В случае с Малберри Касл мансарда или второй этаж были настолько расширены, что крыша приобрела примерно вид современной мансарды или, возможно, было бы логичнее и правдивее сказать, что она превратилась в шатровую площадку с крутым уклоном. Внутренняя планировка также достаточно нерегулярна, чтобы оправдать ее отнесение к колониальному типу. В некоторых деталях интерьера, таких как каминные полки и панели, очевидно, были сделаны более поздние дополнения и переделки, которые придают ему георгианский вид и подчеркивают его переходный аспект, но неизменные черты массы и расположения напоминают нам о созерцании хорошо известных особенностей семнадцатого века.

При изучении огромной массы всей этой поистине колониальной архитектуры Юга два момента бросаются в глаза. Во-первых, он полностью отличается от типичной более поздней архитектуры Georgian mode и имеет полное право быть классифицированным сам по себе. Во-вторых, в нем есть многое, особенно в случае с такими зданиями, как Сидар-парк и Малберри-Касл, что вызывает наше искреннее восхищение и служит ценным образцом для современного подражания.

ГЛАВА VI

ГРУЗИНСКОЙ РЕЖИМ В НОВОЙ АНГЛИИ

Почти всегда трудно, а иногда и нелюбезно пытаться проводить широкие различия и устанавливать жесткие пограничные линии. К счастью для нас, мы сталкиваемся с исключением из этого почти неизменного правила в случае обозначения разделения между колониальной и георгианской архитектурой. Единственный момент, за который мы можем ухватиться, чтобы подчеркнуть различие между этими двумя способами архитектурного выражения, каждый из которых чрезвычайно важен в своей области, - это введение классического элемента в декоративных деталях и формального или сбалансированного элемента в плане, элемента, который подразумевает как внешнюю симметрию при распределении массы, так и внутреннюю симметрию при определении расположения. Колониальный способ самовыражения, воплощенный в архитектуре ранней Новой Англии, Нью-Йорка, Средних колоний и Юга, какими бы местными различиями он ни отличался, был традиционным и, в определенной степени, случайным. Иными словами, она была неформальной и представляла формы, которые время от времени диктовались домашними соображениями удобства и процессом постепенного культурного роста на протяжении веков. Он также был средневековым по своим чертам и, по большей части, непритязательным, потому что воплощал в себе только те существенные черты, которые большая масса людей, будь то в Англии, Уэльсе, Голландии, Швеции или немецких княжествах, сочла необходимыми и желанными. Короче говоря, это был народный рост, по сути, домашний и простой.

Грузинская архитектура, с другой стороны, перекликалась с духом Возрождения. Весь ее фундаментальный принцип представлял собой прямую противоположность концепциям, на которых основывалась колониальная архитектура. Он дышал атмосферой упорядоченного классицизма, который распространился по Континенту и по Англии вслед за Новым Образованием и внешне сочетался с величественными творениями, вдохновленными шедеврами греческой и римской античности. Каким бы измененным ни было последовательное перенесение его из первоначальных источников вдохновения, оно по-прежнему выражало размеренную формальность и непринужденную сдержанность, присущие старинным моделям. По сути, это была архитектура зажиточного, отшлифованного и, если хотите, несколько искусственного состояния общества, которое требовало среды вежливости и обстоятельств окружения для своего надлежащего существования. Формальная нотка классицизма вошла в английскую архитектуру в правление Генриха VIII, быстро расцвела при Иниго Джонсе и сэре Кристофере Рене и пышно расцвела в бытовых формах во времена правления Вильгельма, Марии и королевы Анны. Однако события, связанные с эпохой королевы Анны, нас в Америке мало волнуют напрямую. Только после того, как первый Георг пробыл на троне несколько лет, заметные изменения стали очевидны во внутренней архитектуре американских колоний.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ДОМ. ДЖОН БЛЭР, УИЛЬЯМСБУРГ, ВИРДЖИНИЯ.

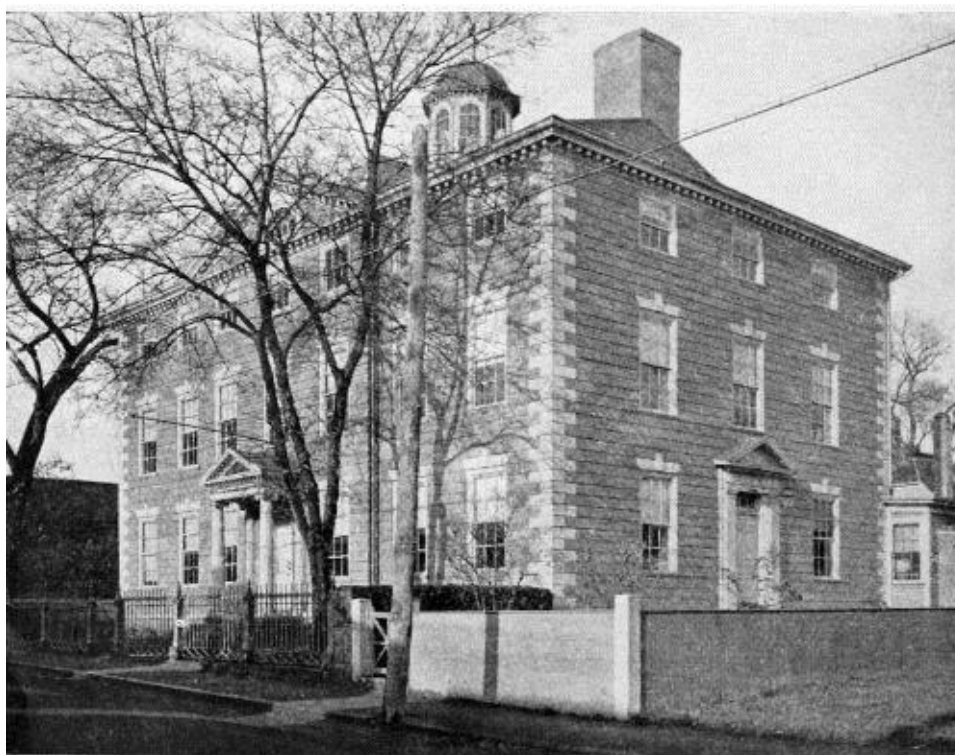
КЭРИ ХАУС, УИЛЬЯМСБУРГ, ВИРДЖИНИЯ

Истинно колониального южного типа.

КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ, МЕДФОРД, МАССАЧУСЕТС, 1734 год.

Георгианский район Новой Англии, первая фаза.

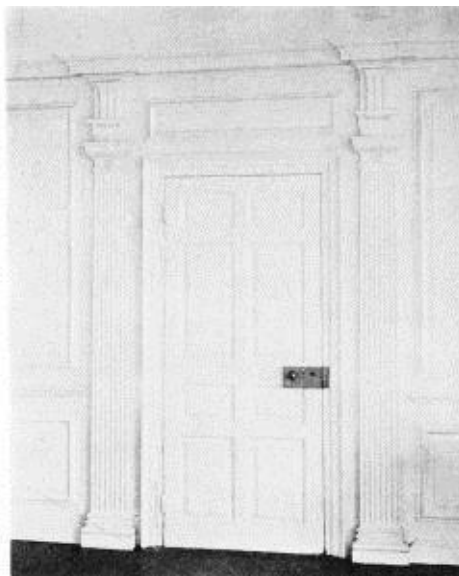

ЛИ ХАУС, МАРБЛХЕД, МАССАЧУСЕТС, 1768 год.

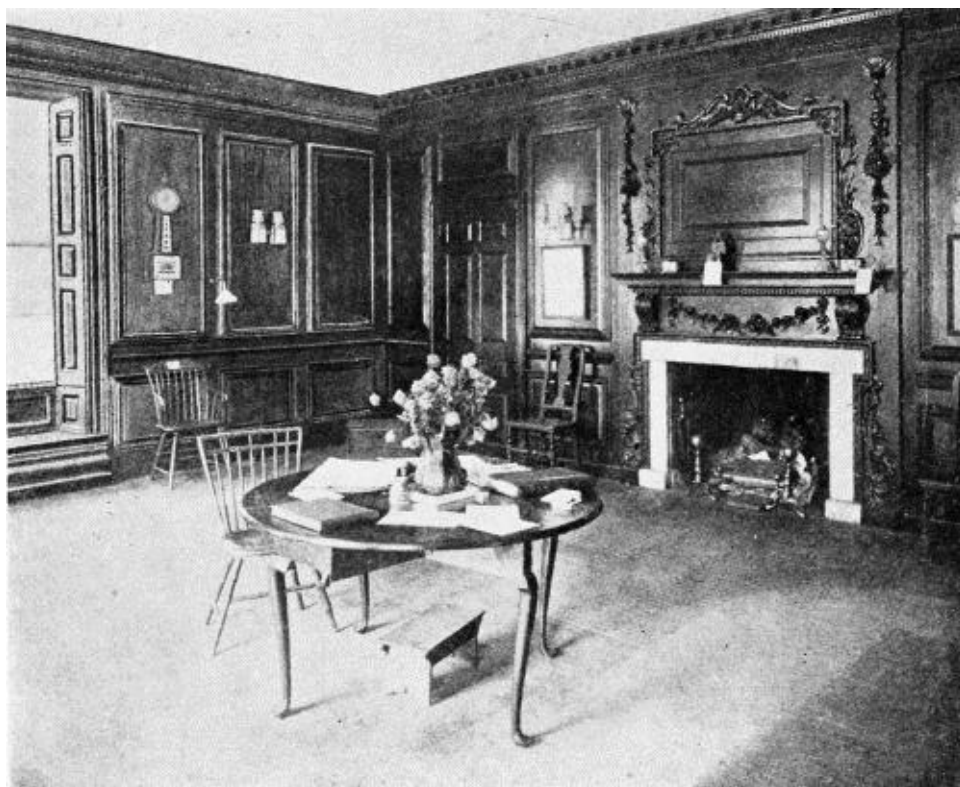
Георгианский район Новой Англии, вторая фаза.

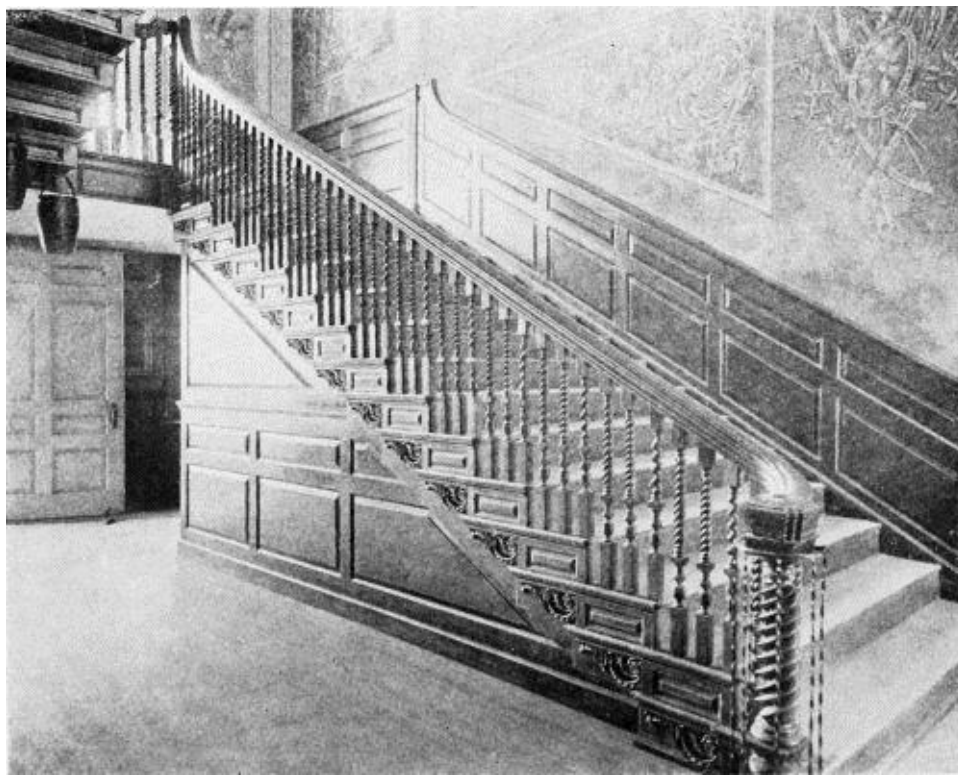
КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ. ЗАПАДНЫЙ ДВЕРНОЙ
ПРОЕМ.

КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ. ДВЕРНОЙ ПРОЕМ В ЗАПАДНОЙ
ГОСТИНОЙ.

ДОМ ЛИ. БАНКЕТНЫЙ ЗАЛ.

ДОМ ЛИ. ЛЕСТНИЦА.

К концу первой четверти XVIII века произошло заметное увеличение богатства страны. Разумная защищенность от диких тревог индейских войн и упорядоченный и непрерывный ход гражданской жизни оставляли состоятельным людям больше времени для того, чтобы уделять удобствам существования, а общий рост материального благосостояния предоставлял средства для удовлетворения вкуса к большей, лучшей и, одним словом, более претенциозной домашней обстановке, которая соответствовала достатку и важному социальному положению выдающихся граждан. Когда достойные люди начала восемнадцатого века были настроены таким образом и их поощряли строить заново для себя и возводить солидные и более удобные дома для собственного использования и обогащения своих потомков, не было ничего более естественного, чем обратиться к метрополии за подходящим стилем и образцом, которые могли бы направить их в их новом начинании. Они всегда очень тщательно следовали лондонскому стилю в своей одежде и гордились точностью, с которой шли в ногу со всеми изменениями моды на одежду по ту сторону моря. Точно так же они обращались к современной архитектурной моде в Англии в поисках вдохновения, которое помогло бы им в таком важном деле, как создание жилища, соответствующего их поместью и способного стать резиденцией последующих поколений их фамилии.

Совершенно верно, что определенные особенности, характерные для английской архитектуры времен королевы Анны, время от времени появлялись в Новой Англии еще до этого общего расцвета ранней фазы георгианского стиля, и даже значительно позже в них не было полного недостатка — конкретная ссылка на них будет сделана в следующем параграфе, — но преобладающий архитектурный тон с 1720 или 1725 года был безошибочно грузинским. Конечно, были внесены определенные модификации, которые подсказывала целесообразность или требовала необходимость, но, несмотря на все местные приспособления, на которые мы будем указывать по мере их появления при рассмотрении различных примеров, нельзя было не заметить сильного семейного сходства с современными домашними структурами Англии.

Наиболее заметным проявлением местной адаптации, от которого не может оторваться даже незаинтересованный или поверхностный наблюдатель, было повсеместное привитие

новоанглийских деревянных или вагонных традиций, которые к этому времени прочно утвердились, к способу архитектурного выражения, который до сих пор почти неизменно — и всегда в Англии — интерпретировался в кирпиче или камне, как это было повсюду в американских колониях. Даже когда здание было фактически построено из кирпича, как в случае с Royall house в Медфорде или Lee house в Марблхеде, оно было заключено во внешнюю деревянную оболочку, иногда рифленую, со скосом, окрашенную и отшлифованную, чтобы придать вид ограненного камня.

Еще одной заметной особенностью георгианской работы в Новой Англии, особенностью, возможно, вызванной и усиленной этим почти всеобщим пристрастием к деревянной обшивке, по крайней мере, в том, что касалось внутренних конструкций, является сравнительная простота и отсутствие архитектурных украшений во многих экстерьерах, резко контрастирующих с богатством искусно вырезанных и лепных деталей, которые можно найти внутри. В некотором смысле они, кажется, ассимилировались или, возможно, было бы вернее и точнее сказать, что они отражают внешнюю сдержанность характера Новой Англии, однако сдержанность, которая часто сменяется сердечной сердечностью под благосклонным покровительством более близкого знакомства. Действительно, судя по внешнему виду многих домов, человек совершенно не готов увидеть изысканные и богатые панели и резные украшения, которые предстают перед посетителем, как только он переступает порог. Это срезание или подавление внешнего архитектурного изящества иногда чрезвычайно затрудняет определение с первого взгляда, относится ли дом к георгианской категории или нет, особенно когда в контуре массива нет ничего особенно характерного, что могло бы служить указанием. В этой связи также следует недвусмысленно заявить, что немало из этих квадратных, просторных старых домов, обшитых вагонкой, общего фермерского типа, постепенно эволюционировавших от более раннего и по-настоящему колониального стиля, рассмотренного в предыдущей главе, иногда приобретали георгианские черты в виде дверей или обрамления окон, перспективность которых не подтверждалась никакими дальнейшими свидетельствами архитектурной претенциозности ни внутри, ни снаружи.

При изучении истории архитектуры и изучении архитектурных характеристик определенной данной территории разум постоянно вынужден искать аналогии и точки сходства и взаимосвязи с современными архитектурными явлениями, наблюдаемыми в других местах. Систематически изучая и сравнивая работы Джорджиан по всем колониям, всегда принимая во внимание исторический фон, невозможно отделаться от убеждения, что существовало три фазы проявления Джорджиан и, более того, какие бы незначительные местные различия ни возникали, между ними и несколькими фазами, отмечавшими эволюцию в Англии, существовало довольно тесное хронологическое соответствие. Говоря приблизительно, мы можем сказать, что первая фаза включала дома, возведенные до 1740 или 1745 года; вторая фаза длилась с 1745 года примерно до 1775 или 1780 года, в то время как третья фаза, находящаяся под глубоким влиянием вдохновения Адама, продолжалась до тех пор, пока греческое или классическое Возрождение полностью не захватило власть. Следует помнить, что на этом последнем этапе следует считать одними из лучших работ Чарльза Булфинча и Сэмюэля Макинтайра, работ, которые действительно ознакомили переходный этап между георгианским стилем и обновленным и прямым импортом классицизма, который доминировал в общественном вкусе в первой четверти девятнадцатого века. Чтобы сделать это тройственное деление достаточно ясным и проследить процесс эволюции через его последовательные этапы, необходимо будет обратиться к специфическим чертам, обнаруживаемым в хорошо известных примерах, типичных для каждой фазы.

ДОМ ЛИ. КАМИН. ДОМ ЛИ. ОБОИ.

МАКФЕДРИС-УОРНЕР ХАУС, ПОРТСМУТ, Северная Каролина

1723

Георгианский район Новой Англии, первая фаза

ОСОБНЯК ДАММЕРОВ, БАЙФИЛД, Массачусетс. С. 1715.

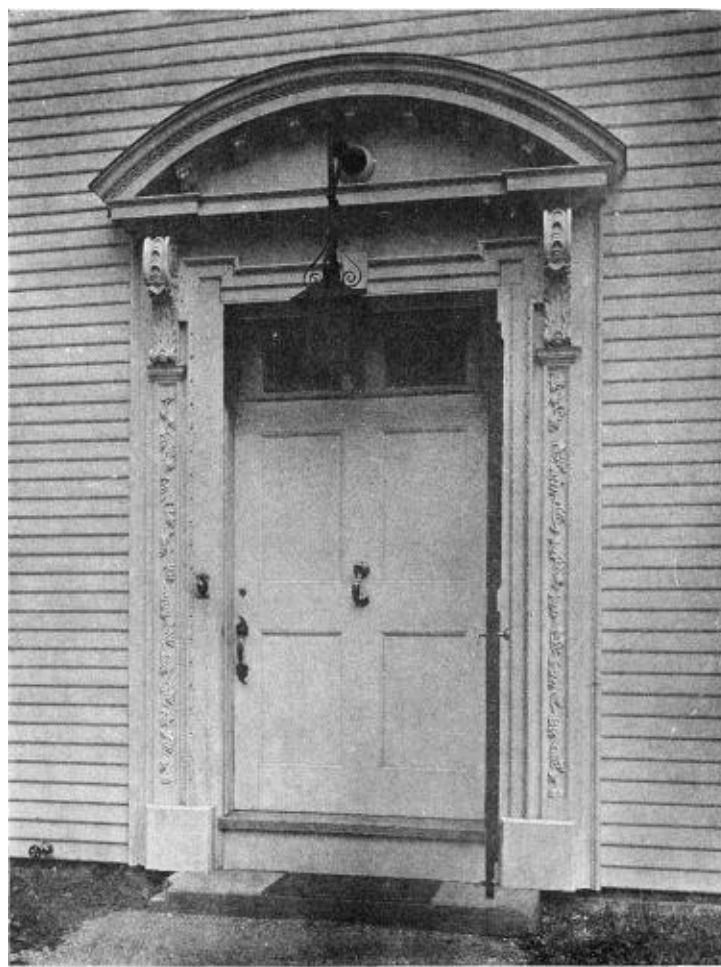
Грузинский язык Новой Англии на первом этапе.

В то время как самый ранний георгианский шрифт в Пенсильвании демонстрировал тенденцию к крайней простоте и, в то же время, некоторой тяжеловесности, первая фаза новоанглийского георгианского часто демонстрировала близкое сходство с тяжелым, но витиеватым оформлением времен королевы Анны. Тяжеловесность и смелость деталей принадлежали той эпохе и были характерны для нее, и их следовало ожидать в любом случае. Сдержанность и простота в Пенсильвании, в случае со Стэнтоном и Хоуп Лодж, вероятно, были в какой-то степени объяснены пристрастием владельцев к квакерам. В случае с Грэм-парком, построенным для сэра Уильяма Кита, отсутствие более продуманных деталей, возможно, было связано с ограниченными навыками рабочих. В качестве конкретного примера мы можем указать на строгие прямоугольные дверные проемы с прямыми фрамугами небольших светильников в Стэнтоне, Грэм-Парке и Хоуп-Лодж, все они в полной мере отражают пенсильванскую фазу георгианской эпохи на сегодняшний день. В Новой Англии, в качестве резкого контраста, мы находим сегментированные фронтоны над дверными проемами и множество сложных украшений в виде пилястр, замысловатых резных капителей и красивой лепнины ручной работы, придающих им величие, все спроектировано и выполнено в манере, сильно напоминающей то, что можно увидеть на воротах королевы Анны или Гросвенор-роуд в Вестминстере. Тяжеловесность и смелость линий, как только что отмечалось, принадлежали тому периоду и были общими как для форм выражения в Новой Англии, так и для Пенсильвании. Однако в Новой Англии не было квакерских угрызений совести и предпочтений оказывать сдерживающее влияние, и, как следствие, следы деятельности королевы Анны сохранялись примерно до 1740 года. Наш первый георгианский шрифт как в Новой Англии, так и в Пенсильвании демонстрирует прямую фрамугу маленьких квадратных фонарей.

Превосходные примеры оформления с элементами королевы Анны, которые можно найти в первом георгианском шрифте в Новой Англии, можно увидеть на двери дома Даммеров в Байфилде, Массачусетс, построенной в 1715 году; на двери дома Макфедрис-Уорнер в Портсмуте, Нью-Гэмпшир, законченной в 1723 году; на двери дома Рояллов в Медфорде, Массачусетс, законченной в ее нынешнем виде в 1737 году; на двери дома в Хэтфилде, Массачусетс, построенного примерно в 1735 или 1740 годах; на двери дома в Хэдли, Массачусетс, законченной в 1723 году. датируется 1714 годом и, наконец, дверью дома "Парсон Уильямс" в Дирфилде, штат Массачусетс, построенного в 1707 году. Последнее, конечно, полностью относится к периоду королевы Анны и полностью соответствует дате, но желательно обратиться к нему здесь в целях сравнения, чтобы показать определенные моменты сходства между ним и другими, перечисленными перед ним. В каждом экземпляре, кроме одного, присутствует какая-либо сложная форма фронтона, сегментарная или лебединая шея. Лепнина тяжелая и рельефная, а форма в виде тора или подушки часто используется в качестве фриза. По бокам расположены пилястры с замысловатыми капителями, а иногда и импосты, поддерживающие антаблемент, или же вместо пилястр - резные панели, а над ними - богато украшенные кронштейны из акантового дерева modillion, поддерживающие антаблемент.

Почти во всех этих ранних работах мы находим большие панели со скосом вровень, а карнизы в обшитых панелями комнатах имеют четкие контуры. Облицовка каминными панелями является важной деталью, но сама каминная полка обычно незначительна и порой едва ли более чем элементарна. В нескольких только что упомянутых домах, особенно в доме Даммера и доме Макфедриса-Уорнера, мы находим окна, увенчанные приплюснутой аркой или сегментарной перемычкой вместо прямого верха, а в некоторых случаях между нижней частью этой плоской арки и верхней частью деревянного оконного переплета имеется слегка потайной тимпан. В доме Уорнеров несколько окон высокие и узкие пропорционально их высоте, а створки имеют ширину всего в два стекла. Обе эти оконные формы обычно появляются на ранней стадии и полностью исчезают позже.

Во внутренних помещениях некоторых из этих домов можно найти арочные дверные проемы с круглыми головками и двойными дверями, причем арка, круглая или приплюснутая, время от времени принимает различные формы, в то время как рифленый, резной или поворачиваемый блок ключей в различных любопытных вариантах появляется в центре арок, а также в других местах. Ключевой блок практически исчезает во второй фазе георгианского стиля. Арка также теряет свою заметность, и мы находим больше прямых линий. Действительно, во время второй, или более отчетливо палладианской фазы георгианской архитектуры мы вообще почти не находим арку в домашней архитектуре, за исключением среднего элемента палладианского окна или фонарей над дверями домов. Можно было бы продолжать почти до бесконечности перечислять характерные детали, относящиеся в основном к первой грузинской фазе, но было сказано достаточно, чтобы привлечь внимание к общему аспекту и позволить наблюдательному человеку отличить его от других.

ПОДЪЕЗД, ДОМ ДАММЕРА.

ЛИПЫ, ЛЕСТНИЦА И ХОЛЛ, С. 1770г. ДОМ ВЕНТВОРТОВ, ХОЛЛ И ЛЕСТНИЦА.
 Новоанглийский георгианский дом второй фазы. Новая Англия истинно колониального типа.

Для второй георгианской фазы в Новой Англии мы не могли бы пожелать лучшего или более типичного примера, чем дом Ли в Марблхеде, построенный в 1768 году. Это воплощение прочной и в то же время приятной пропорциональности классицизма. Лепнина и карнизы утратили тяжеловесность пропорций, которая наблюдалась во многих домах более раннего типа. Размещение декоративных деталей гораздо более тщательно продумано и регулируется с разумной сдержанностью. Какими бы интересными ни были некоторые из более ранних примеров обработки дверей из-за их чрезмерной фантазии и энергичности, они, тем не менее, были немного неуклюжими по сравнению с хорошо спроектированным и лучше сбалансированным дверным проемом более позднего времени. Когда используются листья аканта, розетки или другие декоративные *мотивы*, это делается в очень благовоспитанной манере, которая не оставляет желать лучшего в отношении пропорций или уместности размещения. Спиральные стержни балясин на лестнице Lee house исключительно изящны и достойно представляют стиль течения балясин и резьбы, который особенно характерен для этого среднего периода.

В банкетном зале the overmantel представляет необычайно прекрасный образец искусства резчика по дереву. Большое панно с уголками в виде собачьих ушей и фламандскими подставками для завитков обрамлено двумя подвесками из фруктов, цветов и листьев, вырезанных со всей изысканностью и замысловатой отделкой школы Гринлинга Гиббона. Конечно, он более сложный, чем большая часть внутренней резьбы, найденной во второй георгианской фазе, но типичен тем, что он более дисциплинирован, чем более ранние работы в том же направлении, которые часто были склонны к грубости. Внутренние карнизы стали более утонченными в деталях и не такими смелыми по контуру, как раньше. *Мотив яйца и дротика* становится обычным явлением, и другие декоративные детали используются с пониманием и в их традиционных формах, тогда как в более ранний период они не всегда были исторически правильными, хотя часто и оригинальными, и не всегда были удачно размещены.

Последний этап георгианской архитектуры Новой Англии явно был периодом вдохновения Адама, как и в других частях страны, однако с этим отличием. В других местах третья георгианская фаза была слишком рано оставлена ради нового очарования классического Возрождения, для которого она, в некотором смысле, подготовила почву. В Новой Англии, под влиянием таких людей, как Чарльз Булфинч и Сэмюэл Макинтайр, изящные пропорции и завораживающе утонченные детали, привнесенные в английскую архитектуру братьями Адам,

оставались в моде вплоть до девятнадцатого века и оказывали благотворное влияние, которое до сих пор не утратило своей силы. С превосходным вкусом и Булфинч, и Макинтайр использовали наследие Адама в виде урн, подвесных каркасов, гимнов, овалов, спандриловых вееров и всех остальных помпейских изысков, а Макинтайр без колебаний удлинял пропорции колонн и пилястр, пока не устранил все намеки на грубость из своего дизайна и не придал изящество всей своей работе. Несмотря на различные нововведения, Макинтайр действительно продлил период Адама в Новой Англии и спас отечественную архитектуру, везде, где его влияние было достаточно сильным, от прискорбной банальности, в которую выродились более необдуманные формы классического Возрождения.

Благодаря удачному приспособлению к местным условиям, достоинству, которое она придала видимой стороне общественной жизни, благодаря своему мужественному развитию, проявленному в церквях и других общественных зданиях, георгианская архитектура Новой Англии дала нам множество образцов, достойных подражания, *полностью* или частично и оставила неизгладимый и благотворный след в художественном сознании нации.

ДОМ ПАСТОРА УИЛЬЯМСА, ДИРФИЛД, МАССАЧУСЕТС, 1707 год.

ДОМ ВАН КОРТЛАНДТА, ПАРК ВАН КОРТЛАНДТА, Нью-Йорк
Нью-Йоркский Джорджиан второго этапа.

ГЛАВА VII

ГРУЗИНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В НЬЮ-ЙОРКЕ

С каким бы странным это ни казалось, территория нынешнего штата Нью-Йорк далеко не так богата грузинскими останками, как другие части нашей страны, находящиеся в границах первоначальных колоний. Поначалу изучающий историю архитектуры может удивиться, обнаружив, что в одном из старейших, богатейших и наиболее важных сообществ, богатом не только материальными ресурсами, но и историей, так мало грузинских достопримечательностей, которые характеризуют прилегающие районы страны. Новая Англия полна хорошо сохранившихся памятников восемнадцатого века. То же самое можно сказать о Нью-Джерси, Пенсильвании, Делавэре и Юге. Как же тогда получается, что Нью-Йорк, по сравнению с этим, так беден в этом отношении?

В ответ на этот вопрос можно привести несколько причин. Во-первых, представительные георгианские дома во всех частях колоний были домами той части населения, которая жила в достатке; это не были дома более простых людей или тех, кто находился в скромных условиях. Большинство состоятельных граждан проживало в Нью-Йорке, и там, естественно, находилось большинство домов в георгианском стиле. Даже те, кто считал себя жителями других частей провинции, как правило, имели там свои городские дома. Что случилось с загородными домами в георгианском стиле, мы вскоре узнаем.

К несчастью для тех, кто изучает историю нашей архитектуры, неумолимый прилив коммерческого прогресса в Нью-Йорке безжалостно смел почти все достопримечательности прошлых поколений и заменил их высокими офисными зданиями, фабриками, квартирами или складами. Только в структуре нескольких старых церквей или в некоторых заводах, оставленных бурлящими потоками городской жизни, сохранились для нас несколько разрозненных остатков города восемнадцатого века, но даже они быстро исчезают.

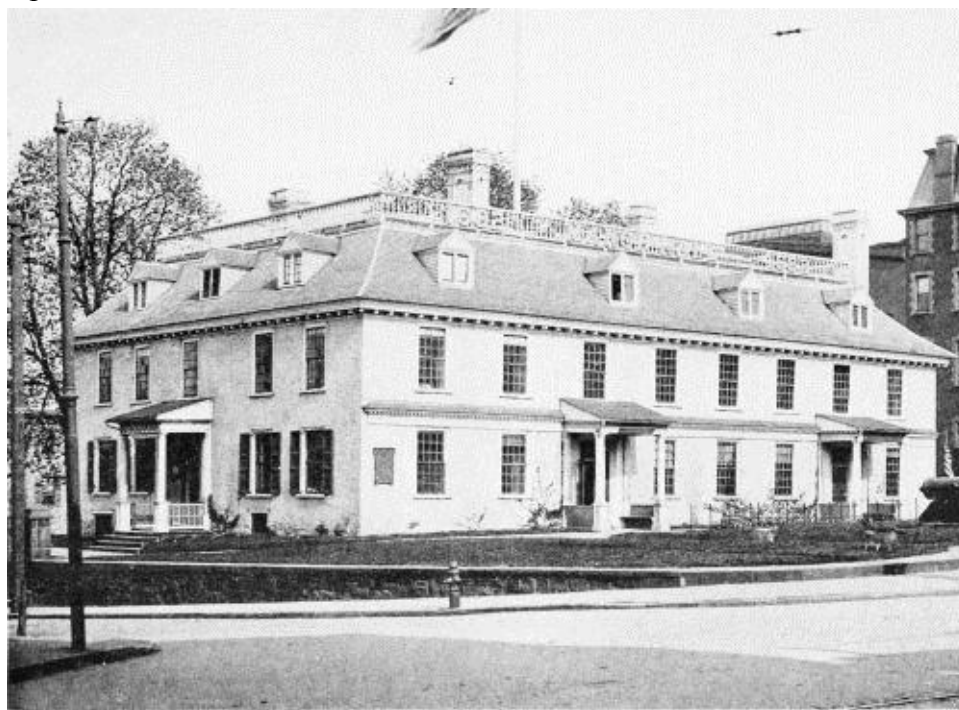
Во-вторых, значительная часть загородных домов в георгианском стиле за пределами территории, ныне занятой Нью-Йорком, так печально пострадала от рук “улучшителей” девятнадцатого века, чьи неразумные изменения и пристройки привели к архитектурному хаосу, что зачастую почти все следы георгианских особенностей были либо серьезно повреждены, либо полностью уничтожены. Вместо величественных георгианских жилищ с величественным видом и непреодолимым интересом, какими они были когда-то, они превратились в обычные и часто отталкивающие скопления каменной кладки, как и другие сооружения, возведенные в скучную викторианскую эпоху. Таково их положение внешне, а внутри они часто подвергались столь же отвратительным унижениям. Такой систематический и расчетливый вандализм со стороны бывших владельцев не может быть слишком строго осужден, но осуждение не исправит причиненного вреда, и только самый добросовестный процесс реставрации может в какой-то мере исправить злодеяния “просвещенного” спойлера девятнадцатого века.

Другой важной причиной малочисленности георгианских бытовых построек на территории Нью-Йорка является то, что в регионе Гудзона и прилегающих к нему долинах большинство домов, построенных в восемнадцатом веке, домов, принадлежащих людям со средними и комфортабельными условиями, а также некоторые из них, принадлежащие людям большого богатства и общественного положения, оставались голландского типа, а в их более поздней архитектуре свободно заимствовались из источников георгианского и классического Возрождения и со значительным успехом адаптировали те детали, которые сочли подходящими для новых целей. Голландская колониальная традиция была исключительно сильной, мужественной и чрезвычайно характерной и сохранялась несмотря на введение грузинского режима. Достаточно любопытно, что, несмотря на мощную индивидуальность голландского стиля, ни одна из его

существенных особенностей, по-видимому, не была привита георгианскому корню таким же образом, как процессы смешивания и модификации, имевшие место в Новой Англии или на Юге.

Наконец, огромное количество домов, построенных примерно в начале девятнадцатого века или в самом конце восемнадцатого в западной части Нью-Йорка, демонстрировали сильное влияние классического Возрождения, а не какие-либо по сути георгианские черты.

Несколько лучших образцов работ восемнадцатого века, которые из-за отсутствия дальнейшего специального подразделения нашей темы должны быть отнесены к георгианскому периоду, по самой строгой классификации относятся к категории работ королевы Анны. Это таверна Фраунса и дом Филипса в Йонкерсе. Первый был построен во времена правления королевы Анны и первоначально был домом Ван Кортландтов и Деланси. Только в середине восемнадцатого века он превратился в гостиницу. С этим почтенным зданием было тесно связано так много важных событий, в том числе трогательное прощание Вашингтона со своими офицерами и солдатами, что спасти здание от забвения и низкопробного использования, которому оно подверглось, и восстановить его, насколько это возможно, в его прежнем виде и состоянии после всех превратностей, которым подвергли его несколько поколений людей девятнадцатого века, живших в небрежении и недооценке, было привилегией и долгом патриотизма и надлежащей национальной гордости.

УСАДЬБА ФИЛИПС, ЙОНКЕРС, Нью-Йорк, 1683 год.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

ТАВЕРНА ФРАУНСА, БРОД-СТРИТ, НЬЮ-ЙОРК.

В своих общих пропорциях, в линиях шатровой крыши и во многих деталях интерьера, таких как обшивка панелями, он отчетливо напоминает некоторые из лучших английских произведений эпохи королевы Анны, хотя в некоторых отношениях также прослеживается архитектурное влияние более поздней эпохи. Другое здание, построенное еще раньше, чем Таверна Фраунсе, не пострадало от тех же разрушительных шансов на удачу и обнищание, и гораздо меньше его деталей являются предположительными. Можно было бы сказать, что каркас и контуры поместья Филипс напоминают о королеве Анне, но в остальном оно является конгломератом, поскольку воплощает в себе так много особенностей и дополнений более поздних времен, что вряд ли может считаться действительно типичным для какой-либо одной эпохи. Хотя большая часть здания находится в своем первоначальном состоянии, поскольку оно было возведено во второй половине семнадцатого века, можно легко проследить добавление георгианских деталей и украшений, сделанных владельцами поместья в восемнадцатом веке, и хотя все они интересны и достойны восхищения и ни в коем случае не должны рассматриваться как акты вандализма, они не позволяют сооружению иметь внешний вид в строгом хронологическом соответствии с датой его возведения.

Дома Шайлер и Ван Ренсселер также время от времени претерпевали некоторые досадные модификации, которые снижали их типичную ценность для изучающих архитектуру, так что мы вынуждены довольствоваться, рассматривая георгианские дома Нью-Йорка, которые все еще действительно характерны, домом Ван Кортландт в парке Ван Кортландт и особняком Джумель. Оба они представляют собой интересные и достойные образцы, принадлежащие к среднегрузинской фазе или фазе, хронологически соответствующей среднегрузинской фазе в других местах, но даже здесь рука "реставратора" недавно позволила себе некоторые вольности, которые, как нельзя избавиться от ощущения, были излишними. Дом Ван Кортландтов — его не следует путать с поместьем Ван Кортландтов, построенным гораздо раньше и расположенным в устье реки Кротон на расстоянии многих миль — был построен незадолго до середины восемнадцатого века и является замечательным образцом георгианской атмосферы того времени. Одной из самых ярких особенностей внешних деталей является череда гротескных голов или

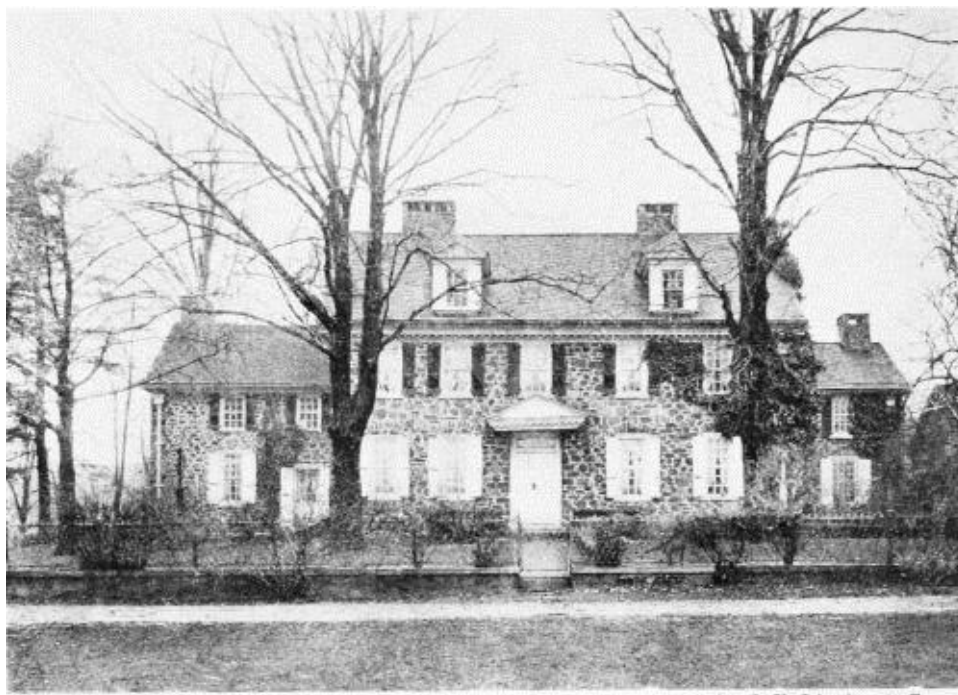
масок, высеченных горельефом на замковых камнях перемычек над окнами. Они типичны для декоративного направления той эпохи, и хотя их использование не является обычным явлением в американской георгианской архитектуре, другие примеры можно найти на башне Государственного дома в Филадельфии, на башне Крайст-Черч в том же городе и на наличниках некоторых маленьких круглых окон на фронтонах Старого Государственного дома в Бостоне.

ДЕТАЛЬ ОКНА, ДОМ ВАН КОРТЛАНДТОВ.

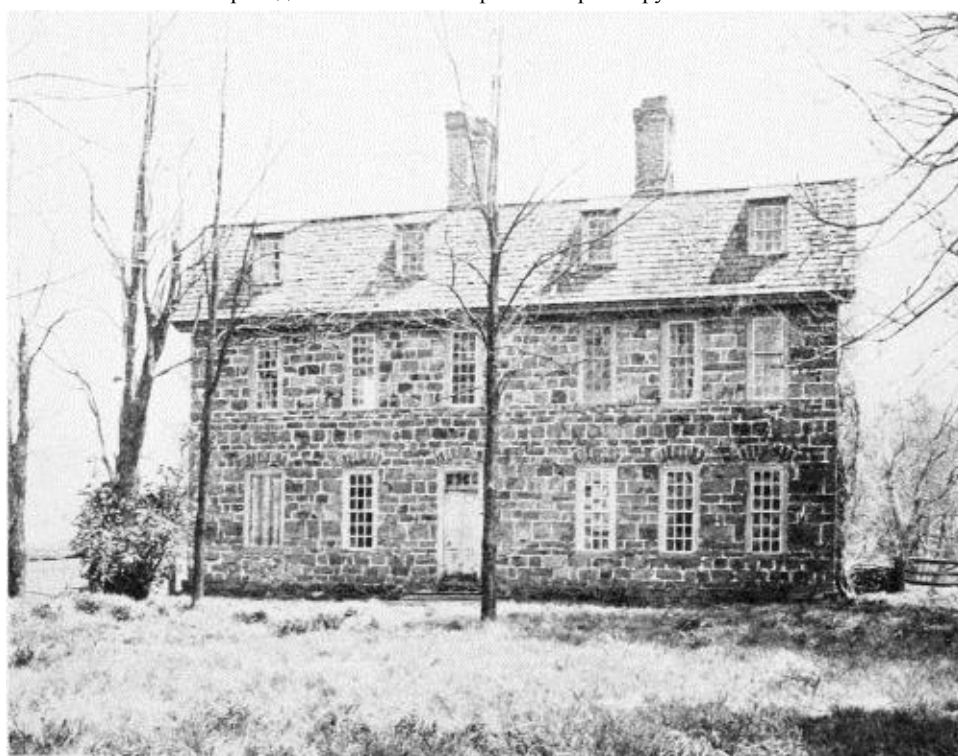
ФИЛИПС-ХАУС, НЕДАЛЕКО ОТ ТЭРРИТАУНА, Нью-Йорк

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

УЭЙНСБОРО, ПАОЛИ, ПЕНСИЛЬВАНИЯ, 1724 год.

Переход от колониальной фазы к Первой грузинской.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

ГРЭМ-ПАРК, ХОРШЕМ, Пенсильвания, 1721 год.

Средние колонии Джорджиян, первая фаза.

Панели и внутреннее убранство дома Ван Кортландтов демонстрируют строгие пропорции и продуманное размещение, обычно наблюдаемые в других представительных домах середины

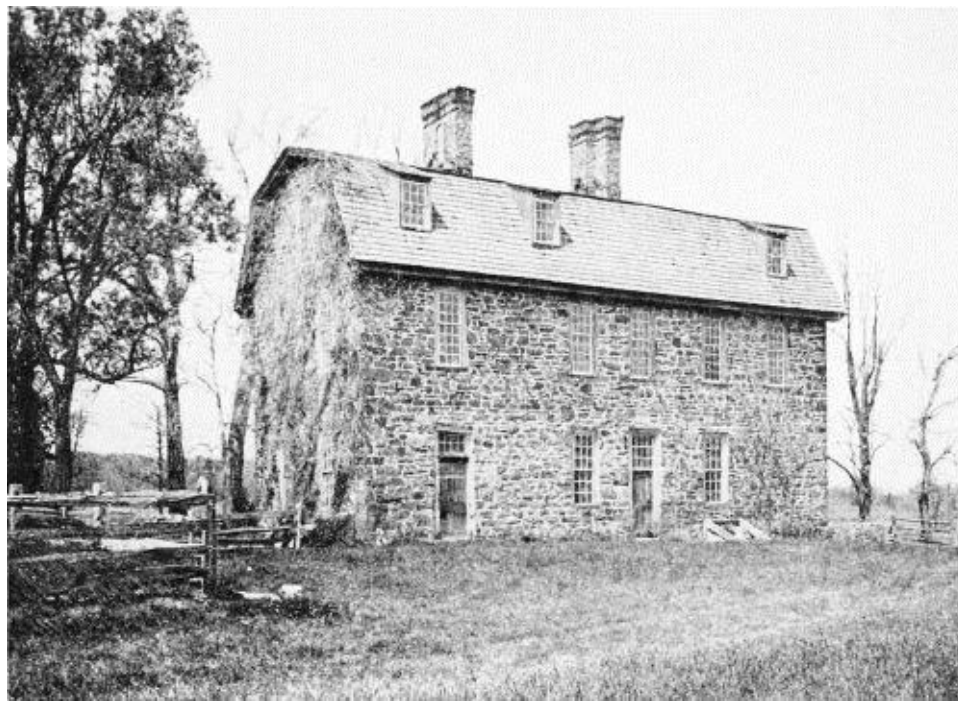
восемнадцатого века, до того, как изысканность и декоративное изобилие влияния Адама заменили более простые и надежные концепции школы Гиббса и его современников. Особняк Джумель с его шатровой крышей, заканчивающейся террасой с балюстрадой, его внушительными размерами в четыре квадратных метра, тяжелыми колоннами и правильными пропорциями также в высшей степени характерен для той же школы архитектурного дизайна.

ГЛАВА VIII

ДЖОРДЖИЯ, ПЕНСИЛЬВАНИЯ, НЬЮ-ДЖЕРСИ И ДЕЛАВЭР

1720-1805

Дома в георгианском стиле Пенсильвании, Западного и Южного Джерси и делавэра привлекают внимание наблюдателя и с неотразимой силой стимулируют его воображение, как и немногие другие архитектурные памятники на территориях, входящих в границы первоначальных колоний. Архитектор и художник, антиквар и историк, поэт и беллетрист, студент и дилетант— дилетант - все одинаково попадают под сильное очарование этих величественных старинных жилищ и все одинаково находят в них что-то, что вызывает их интерес. Когда начался георгианский период — мы можем приблизительно установить его начало для всех Колоний примерно в 1720 году, — дела провинциальных правительств давно прошли экспериментальную стадию. В Пенсильвании, Джерси и Делавэре последовательная политика мира с соседями и бережливость в домашнем хозяйстве, наряду с плодородием почвы и привычным трудолюбием народа, позволили накопить значительный объем государственного и частного богатства.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

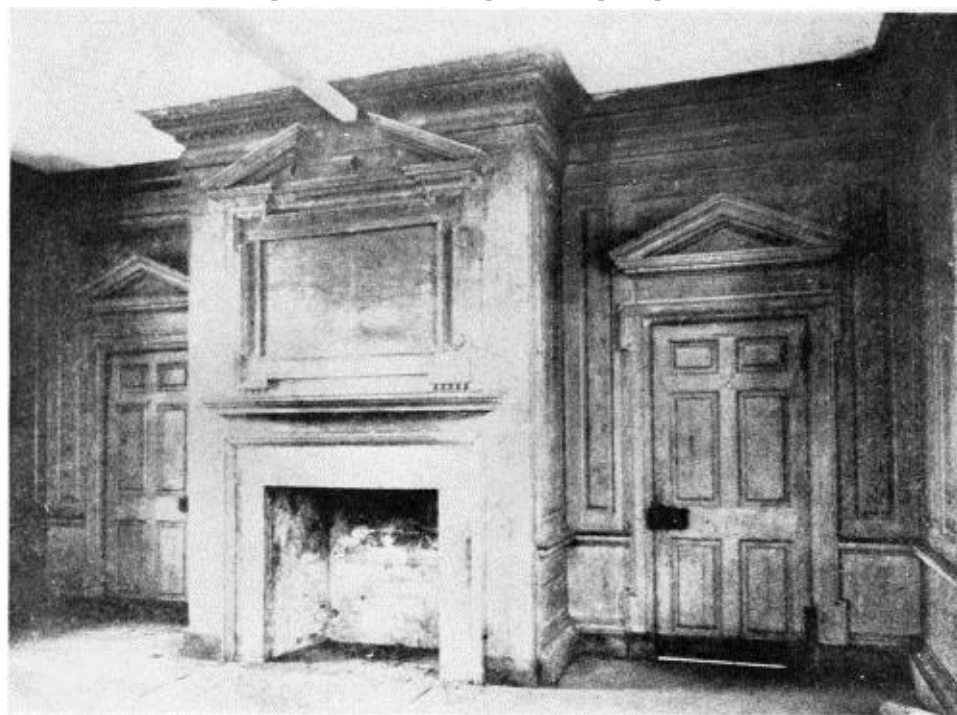
ГРЭМ-ПАРК, ЮЖНЫЙ ФАСАД.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

ХОУП-ЛОДЖ, ДОЛИНА УАЙТМАРШ, 1723 ГОД.

Средние колонии Джорджии, первая фаза.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

ОТЛИЧНАЯ ГОСТИНАЯ, ГРЭМ-ПАРК.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

ПРИХОЖАЯ, ХОУП ЛОДЖ.

Благоприятные условия легко порождали соблазн строить более амбициозно, и не было недостатка в средствах для удовлетворения склонности тратить. С начала георгианского периода и далее дома планировались и строились с размахом и гарантированным постоянством, что свидетельствовало о комфортном сознании прочно установившегося и легкого достатка, что оправдывало строителей в широком планировании как для своего времени, так и для будущих поколений. Городские и загородные дома в равной степени свидетельствовали о богатстве и поместье своих владельцев и отражали роскошный образ жизни более достоверно, чем любые другие материальные памятники, сохранившиеся с тех дней.

С середины восемнадцатого века Филадельфия была крупнейшим и наиболее важным городом американских колоний, и поэтому естественно ожидать, что по соседству с ней будут более представительные и многочисленные загородные дома, чем где-либо еще. По этой причине "Георгианские дома" в окрестностях Филадельфии приведут примеры, использованные во второй части этой главы, чтобы проиллюстрировать различия в типах, характерных для Пенсильвании, Делавэра и Джерси, другими словами, той части страны, естественным центром влияния которой была Филадельфия.

Кому-то, возможно, может показаться странным, что дома, которые часто демонстрируют столько архитектурной элегантности и проработанности деталей, были построены в сообществе, где предположительно доминирует принцип внешней простоты, исповедуемый Обществом друзей. Однако на самом деле влияние квакеров, хотя оно всегда было мощным фактором во всех аспектах жизни Филадельфии, компенсировалось и часто решительно противодействовало активной социальной и политической деятельности "Людей мира", то есть членов Англиканской церкви и приверженцев Римско-католической, пресвитерианской, голландской реформатской, лютеранской и баптистской церквей, многие из которых были признанными лидерами общества и сумели привнести немалую долю задора и веселья в жизнь своего времени и поколения. Следует также помнить, что "Друзья" ни в коей мере не были едины в своей интерпретации и практике социальной дисциплины в своей организации. В то время как некоторые из простых друзей были чрезвычайно сдержанны в своем поведении и одежде и избегали всякого рода легкомыслия, было

много таких, кто считал вполне совместимым с их совестью посещать блестящие светские рауты, одеваться в роскошную и смелую цветную одежду, танцевать, ходить на пуншевые попойки и от души участвовать в частой охоте на лис, которой всегда славилась местность вокруг Филадельфии.

В одном конкретном случае и Друзья, и “Люди со всего света” были совершенно одинаковы. Все они очень любили вкусно поесть и отличались открытым гостеприимством и частыми развлечениями. Позже, когда Джон Адамс впервые приехал в Филадельфию, он с постоянным и неослабевающим удивлением отмечает в своем дневнике “греховные пиршества”, которым обычно предавались филадельфийцы. Действительно, небольшого знакомства со старыми дневниками достаточно, чтобы убедиться в том, что мужчины, женщины и дети Филадельфии восемнадцатого века часто “обжирались до крайности”. Следующая запись в дневнике Энн Уордер настолько характерна для того, что часто происходило, что ее стоит процитировать несколько подробнее. Она говорит:—

“Этим утром большая часть семьи была занята подготовкой к великолепному ужину, поскольку Джонни прислали двух зеленых черепах - мы решили приготовить их обоих вместе и пригласили всю семью. У нас было три супницы с супом, две запеченные ракушки, а также несколько блюд тушеного мяса с индейкой без костей, жареными утками, телятиной и говядиной. После того, как все это было убрано, стол был уставлен двумя видами желе и различными видами пудингов, пирогов и варенья, а затем миндалем, изюмом, орехами, яблоками и апельсинами. Двадцать четыре сели за стол”. В следующей записи говорится, что “Мой муж провел беспокойную ночь из-за подагры”.

Джон Адамс, выражая свое восхищение городским домом и мебелью судьи Чу из Кливленда, говорит об обеде, устроенном этим джентльменом:

Четверг, 22. Обедал с мистером Чу, главным судьей провинции, со всеми джентльменами из Вирджинии, доктором Шиппенем, мистером Тилгманом и многими другими. Нас провели через парадный вход и лестницу, а затем в элегантную и великолепную комнату до обеда. Около 4 часов нас позвали вниз на ужин. Вся мебель была богатой. Черепаха и все остальное, мучное, желе, сладости 20 сортов, бисквиты, взбитые сливки, плавающие острова, дурачки и т.д., А затем десерт из фруктов, изюма, миндаля, груш, персиков, вина самого превосходного качества, достойные восхищения. Я пил мадеру в большом количестве и не находил в этом никаких неудобств”.

Значительное количество слуг обязательно содержалось в более крупных заведениях и состояло из рабов, связанных по договору или икупителей, а также свободных слуг, которым платили то, что мы сейчас считаем смехотворно малой зарплатой за их услуги.

Балы и рауты были отнюдь не редкостью, и некоторые из более крупных домов могли похвастаться роскошно оборудованными бальными залами, которые сделали бы честь многим крупным домам современного дизайна. В качестве одного из таких примеров мы можем отметить бальный зал Пауэл-хауса на Третьей улице, который занимал всю переднюю часть второго этажа. “В этих парадных покоях верхняя каминная доска была изысканным произведением искусства резчика по дереву и представляла собой сцену охоты, над которой горельефно были нанесены гербы. Изысканную резьбу по-кошачьи можно было найти и в других частях дома.... Двери комнат сделаны из цельного красного дерева, а богатая обшивка из красного дерева тянется до самой лестницы.... Фасад дома необычно широк, и, как и следовало ожидать, размеры комнат намного превосходят обычные”.

Придворный образ жизни “Светских людей” отражался даже в их походах в церковь. Один автор дневников середины восемнадцатого века, иностранец, который много путешествовал по Колониям и поэтому был компетентен в суждениях, пишет после посещения Церкви Христа воскресным утром, что он увидел там больше хорошо одетых людей, чем когда-либо видел вместе. Он продолжает: “Прихожане епископальной церкви демонстрировали наибольшее великолепие в одежде — за ними следовали пресвитериане, джентльмены из которых свободно баловались напудренными и завитыми волосами”. “В то время как Филадельфия была резиденцией Республиканского суда, величие конгрегации Крайст-Черч возросло. Прибытие верующих в дамасках и парче, бархатных бриджах и шелковых чулках, с напудренными волосами

и в париках - зрелище, на которое стоило посмотреть. Некоторые пришли пешком, другие подъехали в креслах или с грохотом подъехали в громоздких, устрашающих каретах, запряженных двумя или четырьмя лошадьми, в то время как экипаж Вашингтона, запряженный шестью скакунами кремового окраса, добавил последний штрих к впечатляющему зрелищу”. Вся эта кавалькада казалась лишь отголоском прежних дней, когда сэр Уильям Кейт из Грэм-Парка, Хоршем, один из первых губернаторов провинции, имел обыкновение подъезжать к воротам церковного двора в своей карете, запряженной четверкой, с поистине королевскими всадниками, ливрейными лакеями на почтовой доске и его гербом на дверных панелях. Сэр Уильям был не одинок в этом великолепном представлении, ибо были и другие, приехавшие в подобном снаряжении, и даже сегодня в каретных сараях старых деревень можно найти не одну из этих громоздких старых карет с украшенными гербами дверцами.

Опись имущества сэра Уильяма Кейта с его плантации в Хоршеме даст некоторое представление о роскоши, царившей там:

“... серебряная чаша для пунша, половник и ситечко, 4 подноса, 3 колесика и 33 ложки, 70 больших оловянных тарелок, 14 тарелок поменьше, 6 тазиков, 6 латунных горшочков с крышками; фарфоровая посуда; 13 чаш разных размеров, 6 полных чайных сервизов, 2 дюжины чашек для шоколада, 20 блюд разных размеров, 4 дюжины тарелок, 6 кружек, 1 дюжина изящных кофейных чашек... посуда из дельфтского камня и стекла: 18 кувшинов, 12 горшочков для оленины, 6 чайных сервизов из белого камня, 12 кружек, 6 дюжин тарелок и 12 графинов для изысканного вина... 24 голландских простыни, 20 обычных простыней, 50 скатертей, 12 дюжин салфеток, 60 кроватей, 144 стула, 32 стола, 3 напольных прибора, 15 зеркал, 10 дюжин ножей и вилок — ... 4 каретные лошади, 7 верховых лошадей, 6 рабочих лошадей, 2 кобылы, один жеребенок; 4 быка, 15 коров, 4 бычка, 6 телят, 31 овца и 20 свиней. Большая стеклянная карета, 2 фазтона, 2 повозки, 1 фургон”.

Помимо всех этих предметов, там было огромное количество домашнего инвентаря, каталогизация которого заняла бы слишком много места. Другие описи того времени были сопоставимы с только что приведенным.

Неудивительно, что люди, которые могли жить так, как указано в таких списках личных вещей, хотели иметь дома, соответствующие их средствам, и с благосклонностью смотрели на архитектурные проекты элегантных пропорций и деталей. В отличие от многих прекрасных георгианских домов Новой Англии, которые отличались сравнительно простым внешним видом, дома того же времени в Пенсильвании и Средних колониях демонстрировали определенную степень внешней отделки, соответствующую внутреннему убранству.

Обычно использовались материалы либо из кирпича, либо из камня, причем последний во многих случаях тщательно огранялся и обрабатывался, иногда только для фасада, иногда для стен по всей окружности. Это вполне соответствовало традициям местности, на которую ранее был сделан намек. Хотя большая часть прекрасных изделий из дерева была выполнена на месте, значительная их часть была привезена из Англии богатыми купцами для собственного использования на своих кораблях, торгующих между Филадельфией и английскими портами. Сады обычно проектировались таким образом, чтобы гармонировать с домами, которые они окружали, и даже сейчас нет ничего необычного в том, чтобы найти ухоженные самшитовые бордюры и живые изгороди, которые были предметом гордости их владельцев на протяжении поколений.

Отметив условия, которые сделали георгианский стиль архитектуры особенно приемлемым для состоятельных людей в восемнадцатом веке, теперь остается подробно изучить особенности, составляющие его отличительный местный характер. Образцы георгианской домашней архитектуры, которые можно найти в Филадельфии и ее окрестностях, предлагают непревзойденное поле для изучения и сравнения, а изучение их особенностей показывает интересную эволюцию с помощью трех различных форм, все из которых, тем не менее, относятся к одной и той же общей классификации. “Грузинский”, конечно, в самом узком смысле этого слова означал бы стиль, вошедший в моду только во времена правления Георгов, но георгианская архитектура не должна быть ограничена какими-либо такими узкими или произвольными рамками. Это был стиль, развившийся логическими шагами из преобладающего типа предыдущих

царствований и, короче говоря, являвшийся выражением ренессансного классицизма, отфильтрованного посредством английской интерпретации и адаптированного к местным потребностям в соответствии с линиями, впервые обозначенными архитекторами семнадцатого века во главе с Иниго Джонсом и сэром Кристофером Реном.

Авторское право, Международная служба новостей.

УИТБИ-ХОЛЛ, СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ, КИНГСЕССИНГ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ. 1754.

Авторское право, Международная служба новостей.

ЛЕСТНИЦА, УИТБИ-ХОЛЛ.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

УИТБИ-ХОЛЛ, ЮЖНЫЙ ФАСАД.

ДЕТАЛЬ КАМИННОЙ ПОЛКИ, УИТБИ-ХОЛЛ.

Величавость и формальность георгианского дизайна удовлетворили тягу преуспевающей колониальной знати к роскоши и обстоятельствам, которыми они предпочитали себя окружать.

Процесс эволюции нескольких георгианских типов в окрестностях Филадельфии, возможно, был медленным, но безошибочным, как покажет сравнение примеров. Действительно, взглянув на иллюстрации, сопровождающие эту главу, вы обнаружите легко различимые различия в контурах и деталях, соответствующие этапам эволюции. К счастью, история приходит нам на помощь, устранив все элементы догадок и давая нам вместо этого комфортную уверенность в том, на какую почву мы ступаем. Конечно, невозможно установить какие-либо точные и неизменяемые даты для наших трех георгианских типов; нашей цели лучше всего послужат приблизительные даты, между которыми можно искать определенные характеристики и ожидать определенных изменений. Грубо говоря, мы можем сказать, что первый тип процветал между 1720 и 1740 годами, второй тип - с 1740 по 1770 год, а третий тип - с 1770 по 1805 год. Некоторые части этих трех типов подразделений были отмечены периодами большой строительной активности, а другие - периодами сравнительного бездействия. С 1720 по 1730 год происходило много событий. Затем снова, примерно в 1760 году, мы обнаруживаем очередную эпидемию жилищного строительства. Непосредственно перед, во время и после войны за независимость, как можно было бы естественно предположить, общественный стресс, опасность и неопределенность препятствовали осуществлению новых планов, хотя строители даже тогда не сидели сложа руки. То, что только что было сказано, особенно применимо к загородным домам, поскольку у нас есть о них более полные данные, чем о большинстве городских домов. То, что когда-то было загородными домами, также было выбрано, потому что они, по большей части, нетронуты, в то время как сравнительно немногие городские дома сохранились в их первоначальном внутреннем состоянии, поскольку в основном они находятся в части города, ныне отданной под бизнес или жилье иностранному населению.

Филадельфия предоставляет особенно благоприятную возможность для тщательного изучения нескольких типов грузинской экспрессии. Действительно, для сравнения, преимущества, которые он предлагает, непревзойденны благодаря доступному богатству разнообразных материалов лучших сортов, к тому же в состоянии превосходной сохранности. Временами человека действительно беспокоит нехватка богатства в этом отношении, и выбор становится

затруднительным. С первых лет восемнадцатого века Филадельфия быстро достигла коммерческого процветания. Судостроение, текстильная промышленность и различные виды мануфактур вскоре обеспечили объем торговли, не имеющий аналогов среди морских портов колоний. Торговля с Ост- и Вест-Индией, а также с Европой принесла золото в казну ее торговцев и принесла богатство и культуру на раннем этапе ее карьеры. Главное богатство ее наиболее состоятельных граждан почти неизменно было получено от прибыльных морских предприятий. К 1750 году “грин кантри таун” Пенна превратился в самый большой и важный город страны, метрополию американских колоний. “Никто другой не мог бы похвастаться таким количеством улиц, таким количеством домов, таким количеством людей, такой известностью. Ни один другой город не был таким богатым, таким экстравагантным, таким модным”. Среди особенностей, которые впечатляли приезжих из далеких стран, была изысканность домов. Люди такого социального положения и состоятельности, какими были многие из видных граждан Филадельфии, не стали бы жить в скудных жилищах, и поэтому неудивительно, что большую часть лучшей домашней георгианской архитектуры в Америке можно найти в городе или в его ближайших окрестностях, где городские дома или загородные усадьбы отражают состояние и влияние их владельцев. В качестве одного примера — а их было много — восхитительного и любимого пригорода, ныне входящего в состав Фэрмаунт-парка, но тогда находившегося далеко за чертой города, мы можем привести ту часть Шайлкилла, где очарование и красота непревзойденны, где река петляет среди холмистых возвышенностей, на вершинах которых в просторных домах благопристойного достоинства жили некоторые из самых выдающихся граждан столицы, чье общество было веселее, изысканнее и богаче, чем где-либо еще по эту сторону Атлантики. Здесь также загородные резиденции подчеркивали урбанистичность и степенность их обитателей, и здесь, сегодня, они по-прежнему являются немymi свидетелями давно ушедшей в прошлое элегантности.

Несмотря на все это архитектурное богатство и идеальную доступность, Филадельфия до сих пор не получила должного освещения со стороны многих авторов-архитекторов. В высоко ценимой и хорошо известной работе, по праву считающейся ценным источником информации об архитектуре колониальной и постколониальной Америки, автор одной части сильно ошибся в своей оценке и анализе георгианских руин Филадельфии, вероятно, из-за недостаточного знакомства с этой частью его предмета. Назвав Филадельфию в архитектурном отношении “воплощением мещанства”, он переходит к постройкам колониальных времен и говорит о них: “Детали, как правило, жесткие, грубые и часто неуместные”. В качестве репрезентативного примера загородного дома восемнадцатого века он приводит Бартрам-хаус и пишет: “Дом колониального ботаника Джона Бартрама, в Филадельфии, построенный в 1731 году, имеет двухэтажные двухквартирные колонны с огромными ионическими завитками”. Лепнина в стиле немецкого рококо в оконных рамах тоже никак не сочетается с этим скромным жилищем”. Дом Бартрама никоим образом не следует рассматривать как представитель домашней архитектуры Филадельфии и, менее всего, как представитель георгианских построек. Это само по себе класс и представляет собой не что иное, как самодельные усилия Джона Бартрама как в плане — если можно сказать, что у него есть какой-либо план, — так и в выполнении деталей. Какими бы ни были его несоответствия и дефекты, в этом месте, несомненно, есть очарование красоты и интереса, но оно не имеет никакого архитектурного сходства. Тот же автор продолжает бойко уверять своих читателей, что “В Пенсильвании редко встречались веранды, крылечки или сады”, — озорное и вводящее в заблуждение утверждение.

Веранды и крылечки могут временно позаботиться о себе сами, но садам нужно мимолетное подтверждение. Нигде не было более примечательных садов, чем в Филадельфии. Если исключить сад Бартрама из рассказа о садоводстве — автор мог бы придраться к нему как к своего рода питомнику, — то поблизости были “Лесные уголья”, сады которых, начиная с середины восемнадцатого века, были такими же обширными и знаменитыми, как и любые другие в стране, и изысканно спланированы и ухожены. Там был Грейндж, хорошо известный с ранних

колониальных времен, чей сад, даже в его упадке, прекрасен.... Там был дом, самшитовый сад которого был гордостью его владельцев и радовал их гостей более ста пятидесяти лет и сегодня поддерживается во всем своем первоизданном виде. Сады были в Грамблторпе, Незерфилде, Сидар-Гроув, Хайлендс, Бельмонте, Фэр-Хилл и это лишь некоторые из них, в то время как в центре города дома Бингхэма, Пауэла, Блэквелла, Уиллинга, Морриса и Кэдуоладера, наряду со многими другими, имели просторные сады, хорошо засаженные и со вкусом обустроенные. Вряд ли можно было ожидать, что писатель, который мог проигнорировать весь этот материал, возрастет должное домам. Примеры, которые сейчас будут приведены, представят дело в более справедливом свете.

Следует отметить, что большинство домов восемнадцатого века в Филадельфии и ее окрестностях не были спроектированы профессиональными архитекторами, а были спланированы их владельцами и выполнены умелыми плотниками и строителями. Некоторые архитектурные познания считались частью образования джентльмена, и такие люди, как Эндрю Гамильтон и Джон Кирсли, хотя и были любителями, не проявляли достойных презрения способностей. Мастера-плотники сити в 1724 году создали гильдию, достаточно крупную и процветающую, чтобы быть подобранной по образцу "Почитаемой компании плотников Лондона", а в 1736 году стали обладателями отборной коллекции архитектурных работ, разработанной для своих товарищей Джеймсом Портиусом, которого Уильям Пенн уговорил приехать в его новый город, чтобы "спроектировать и реализовать его собственные здания". В филиале Риджуэй Филадельфийской библиотеки также есть коллекция книг семнадцатого и восемнадцатого веков, посвященных архитектуре, плотницкому делу, столярным работам и различным предметам, связанным со строительством, изучение которых покажет, что ремесленники георгианского периода были хорошо снабжены руководствами, разработанными для того, чтобы тайны их ремесла были понятны "самоу простому пониманию".

Два дома, выбранные в качестве примера первого георгианского типа, - это Грэм-парк в Хоршеме, строительство которого было начато в 1721 году и закончено в следующем году сэром Уильямом Китом, когда-то вице-губернатором провинции, и Хоуп-Лодж в долине Уайтмарш, построенный в 1723 году. Грэм-парк находился тогда в самом сердце дикой местности, и пришлось проложить специальную дорогу, до сих пор называемую Губернаторс-роуд, чтобы его превосходительство мог добраться до Олд-Йорк-роуд, когда бы ему ни захотелось отправиться в город в своей огромной, украшенной гербами карете, запряженной четверкой крепких лошадей и сопровождаемой всеми парадными доспехами, как подобает человеку его ранга.

Дом соответствовал манориальному стилю жизни, который поддерживал баронет. В задней части главного здания располагались отдельные флигели, в которых располагались помещения для прислуги, кухни и различные хозяйственные помещения, таким образом, весь зал был предоставлен в пользование его обитателям. Небольшие здания исчезли много лет назад, и все это место, долгое время незанятое, постепенно приходит в упадок, из которого, однако, его можно было бы легко вывести. Дом имеет более 60 футов в длину, 25 футов в глубину и три этажа в высоту. Стены из натурального камня насыщенного коричневого цвета, тщательно уложенные и подогнанные, имеют толщину более 2 футов, а над дверями и окнами, размеры которых полностью соответствуют дате возведения, отборные камни уложены в виде плоских арок.

В северном конце здания находится большой зал или гостиная площадью 21 квадратный фут, со стенами, обшитыми деревянными панелями от пола до потолка, высотой четырнадцать футов. Камин в гостиной облицован темным мрамором, привезенным из-за границы, в то время как в других комнатах для той же цели использовалась голландская плитка. На каждом этаже по три комнаты. Лестницы и перила сделаны из тяжелого белого дуба, а все остальные изделия из дерева - из желтой сосны - необычной красоты, выполнены в простом и энергичном дизайне. Изделия из дерева заслуживают особого внимания, поскольку в них мы можем увидеть воплощение некоторых главных характеристик первого георгианского типа. Детали орнамента тяжелые и

смелые, хотя ни в коем случае не лишенные изыска. Лепнина и карнизы более выражены в профиль, чем мы находим их позже, и выделяются особенно отчетливым рельефом, в то время как некоторые формы совершенно исчезли в последующих типах. Отчетливо бросается в глаза тесное сходство с деталями лепнины в стиле королевы Анны. Стоит упомянуть еще одну особенность - каминную полку в гостиной. Такие полки редко встречались до более позднего времени.

Хоуп Лодж, расположенный рядом с холмом Сент-Томас в долине Уайтмарш, был построен в 1723 году, как указывалось ранее. Это большое квадратное кирпичное строение высотой в два этажа с шатровой крышей. Как и в Стентоне (построен в 1728 году), кирпичи уложены фламандским способом, и иногда появляются черные заглушки. Двери и окна, как в Грэм-Парке, Стентоне и других современных домах, относящихся к первому георгианскому типу, выше и уже по пропорциям, чем в домах более позднего периода. Над фасадными окнами расположены клиновидные перемычки, расположенные заподлицо с поверхностью стены, образованные из кирпичей, установленных вертикально в центре и постепенно расходящихся веером в стороны по диагоналям, сходящимся к основанию. На некоторых окнах по бокам и сзади видны приплюснутые арки, которые можно увидеть в Грэм-Парке и Стентоне, над слегка потайными тимпанами над верхушками рам. Над некоторыми дверями установлены фрамуги с шестью или семью квадратными фонарями в один ряд, в то время как над высокой и очень узкой боковой дверью, как в Стентоне и как над двумя узкими задними дверями в Грэм-Парке, установлена фрамуга с восемью квадратными фонарями в два ряда по четыре в каждом. Карниз на карнизе имеет глубокую широкую выемку из штукатурки на речной основе, в то время как тяжелые молдинги выполнены из дерева. При взгляде спереди крыша шатровая, но сбоку она представляет собой любопытное сочетание вальмы и козырька.

Внутри находится холл необычной ширины, намного больше, чем большинство комнат в наши дни, проходящий во всю глубину дома и переходящий в просторные покои с каждой стороны. Главные комнаты имеют круглые арочные дверные проемы и узкие двойные двери, обшитые тяжелыми панелями. На самом деле вся обшивка тяжелая. Одиночные двери первого этажа увенчаны красивыми фронтонами. В комнатах на первом этаже установлены глубокие обитые панелями подоконники, а на окнах установлены исключительно широкие и тяжелые решетки. Ширина каминов, облицованных темным шотландским мрамором, и массивность деревянных панелей соответствуют другим особенностям. По всему дому все деревянные изделия, которые, как говорят, были привезены из Англии, хотя и красиво обработаны, тяжелы и весьма основательны. В середине зала приплюснутая арка образуется из рифленых пилястр с капителями своеобразного дизайна. Лестница, которая удивительно хороша и сильно наводит на мысль о старинном английском устройстве, поднимается сбоку из заднего холла. С задней стороны дома широкое, вымощенное кирпичом крыльцо соединяется с другим зданием, где располагались помещения для прислуги и кухни - устройство, характерное для того периода.

Из домов, представляющих второй георгианский тип, Уитби Холл, Кингссессинг, Западная Филадельфия, занимает первое место в списке. Западная оконечность Уитби-Холла, та часть, о которой мы здесь говорим, была пристроена в 1754 году полковником Джеймсом Култасом, "торговцем, судовладельцем, фермером, владельцем мельницы, охотником на лис, вестником, солдатом, судьей, верховным шерифом Филадельфии с 1755 по 1758 год и энтузиастом всех филантропических и общественных предприятий". Фронтоны высокой скатной крыши обращены на север и юг и пронизаны овальными окнами для освещения чердака. Стены не только с одной стороны, как это часто бывает, когда требовалась особая изысканность отделки, но и по всему периметру, сложены из тщательно обработанного местного серого камня. На южном фасаде находится вымощенная плитами площадь, увенчанная изящной веретенообразной балюстрадой, а с западной и северной сторон расположены пентхаусы. Карниз с глубоким перекрытием под карнизом проходит непрерывной горизонтальной линией в виде струны по торцу фронтона или, скорее, по *боковым* стенам фронтона.

Примечательной особенностью Уитби является расположение крыши. Это полная противоположность тому, что обычно встречается. Коньковый столб, вместо того чтобы проходить параллельно длине сооружения, пересекает его по ширине, таким образом делая вершину выше, склон длиннее и оставляя место для просторного третьего этажа, который хорошо виден с южного фасада. Такое расположение также позволяет избежать необходимости в мансардных окнах. “На северном фасаде находится башнеобразный выступ, в котором лестница поднимается с широкими площадками. Низкий дверной проем в этой башне всегда использовался в случаях больших собраний в Уитби, будь то торжественных или веселых, потому что он ведет в широкий холл, проходящий через западное крыло, откуда можно попасть в большие комнаты по обе стороны. Дверной проем и окна в башне окружены кирпичными наличниками, которые придают разнообразие серым каменным стенам, что не часто встречается в окрестностях Филадельфии. В верхней части фронтона с зубчатым карнизом расположен фонарь "яблочко", также окруженный кирпичной отделкой, представляющий особый интерес, поскольку это было стекло иллюминатора с одного из любимых кораблей полковника Култаса, и его установили там из заветных побуждений. На вершине и по углам фронтона башни расположены три урны, придающие ей торжественный вид.

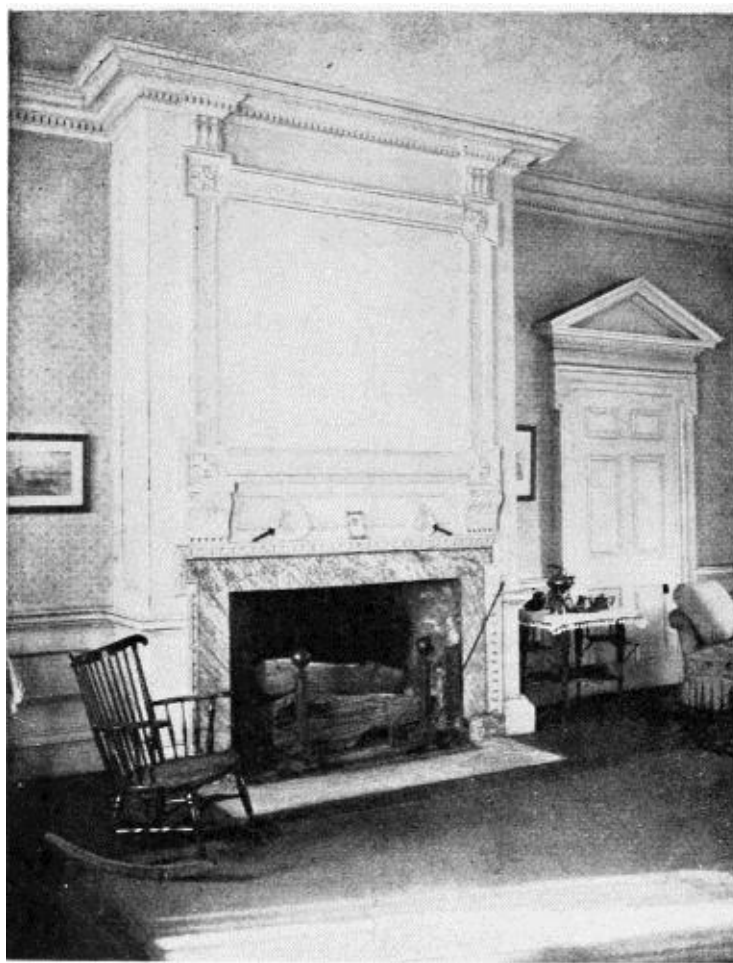
“Все изделия из дерева и различные украшения пристройки 1754 года были доставлены из Англии на кораблях полковника Култаса.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

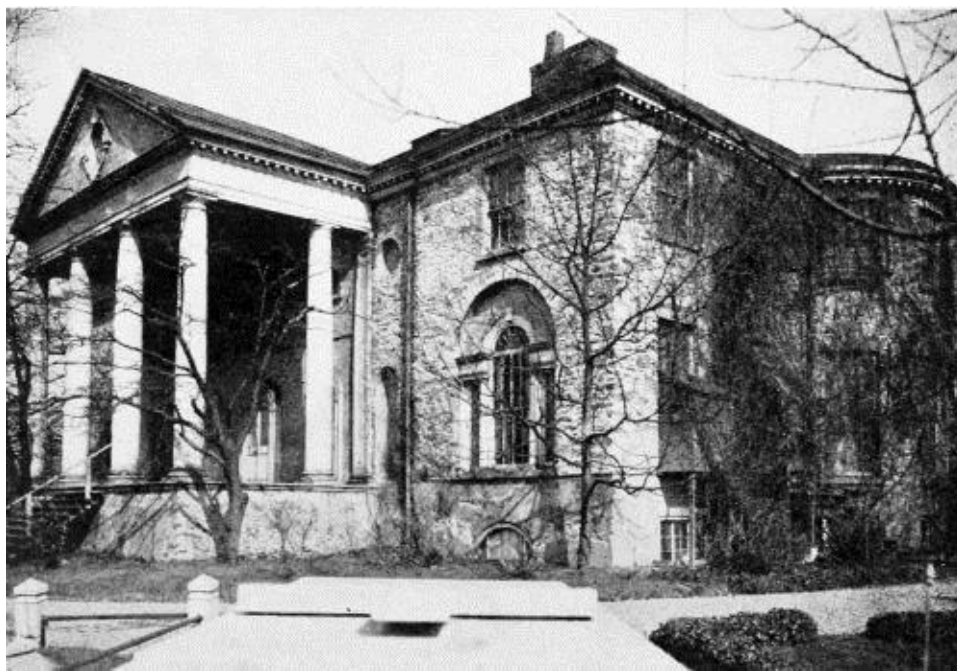
КЛИВДЕН, ДЖЕРМАНТАУН, ФИЛАДЕЛЬФИЯ. 1761 год.

Средняя колония Джорджиян, вторая фаза.

КАМИННАЯ ПОЛКА В ГОСТИНОЙ, МАУНТ-ПЛЕЗАНТ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ. 1761 ГОД.

Средняя колония Джорджиян, вторая фаза.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

ЛЕСНЫЕ УГОДЬЯ, ЮЖНЫЙ ФРОНТ. ФИЛАДЕЛЬФИЯ, С. 1770.

Средние колонии Джорджиян, третья фаза.

Пилястры и карнизы в зале исключительно изящны. В "собачьих ушках" дверных наличников вырезаны розетки, а выступы и откосы косяков отделаны панелями со скосом на одном уровне. В гостиной резьба на каминной полке и панели не имеют себе равных ни по исполнению, ни по дизайну. Центральная панель над камином имеет три фута в высоту и почти шесть футов в ширину, и в ней не видно ни единого стыка. Под ней находится полоса изысканной цветистой резьбы с высоким рельефом. Хотя можно найти и более сложную работу по дереву, редко можно встретить такую степень проработки, сочетающуюся с такой достойной сдержанностью и непревзойденным хорошим вкусом”.

Еще один дом второго георгианского типа - Маунт-Плезант, или Ключи, как его сначала называли, в парке Фэрмаунт, построенный в 1761 году капитаном Джоном Макферсоном, а в более поздние годы ставший домом Бенедикта Арнольда. Маунт-Плезант представляет собой сооружение почти баронского вида, с восточным и западным фасадами, одинаково внушительного вида. Высокий фундамент из тщательно обтесанных камней пронизан подвальными окнами с железными решетками, вставленными в каменные рамы. Над этим массивным, устрашающим основанием толстые каменные стены покрыты желто-серой грубой штукатуркой. Массивные кирпичные стены по углам, а также на северном и южном концах здания огромные четырехстворчатые дымоходы, соединенные наверху арками в одну, создают атмосферу большей, чем обычно, солидности. Широкий пролет каменных ступеней с железными перилами, заросшими густыми зарослями жимолости, ведет к просторному дверному проему. Колонны по обе стороны от двери и накладывающийся фронто́н, богато украшенное окно в палладианском стиле непосредственно над ним на втором этаже и, опять же, карнизный фронто́н, отходящий от карниза, - все это создает впечатление изысканности придворного стиля.

Над вторым этажом возвышается шатровая крыша, пронизанная с востока и запада двумя изящными мансардными окнами и увенчанная изящно изогнутой балюстрадой, которая пересекает почти все расстояние между дымовыми трубами. Плафон вентилятора над дверью имеет удивительно тяжелые рифленые стойки, и многие детали по всему дому, несмотря на высокую

ковку, тяжелые. Две примыкающие к дому хозяйственные постройки, расположенные на расстоянии 30-40 футов от северо-восточного и юго-восточного углов дома, предназначенные для помещений для прислуги и домашних офисов, придают Маунт-Плезанту особенно эффектный вид. Без них это был бы всего лишь необычайно красивый загородный дом в георгианском стиле, с ними он сразу приобретает аристократический вид одного из старых особняков Вирджинии. Внутренняя отделка деревом, как наверху, так и внизу, богата проработкой деталей, а дверные рамы с их массивными лепными фронтонами исключительно изящны.

Кливден, третий член второй группы, был построен в 1761 году верховным судьей Чу. Его прочная и тяжелая каменная кладка выполнена из тщательно обработанного камня Джермантауна, а на вершинах фронтонов и по углам крыши установлены большие каменные урны. В задней части дома есть два крыла, одно смежное, а другое полностью закрытое, используемое под помещения для прислуги и хозяйственные помещения. Все особенности и детали в Cliveden полностью соответствуют тем же характеристикам, что и в двух других уже описанных домах.

Широкие окна занимают большую часть пространства стен на фасаде, а дверной проем - важная деталь, которая была максимально использована архитектором. Как внутри, так и снаружи дома строгая классика была подчеркнута колоннами и фронтонами, пилястрами и антаблементами. Триглифы, гутты и все другие детали классического декора были выполнены с приятной точностью, подобающей достойному предмету.

Сравнивая Уитби, Маунт-Плезант и Кливден с бывшими домами первого георгианского типа, сразу бросаются в глаза определенные различия. Весь облик меняется благодаря большей ширине окон и дверей. Дома выглядят шире проснувшихся. Это изменение размера окон, конечно, означает, что комнаты внутри в большинстве случаев стали светлее и жизнерадостнее, чем раньше. Тогда же появилось окно в стиле палладио. И Маунт-Плезант, и Кливден являются хорошими примерами этого: Кливден расположен сбоку, в то время как в Маунт-Плезант он является важной особенностью как на восточном, так и на западном фронтах.

В Маунт-Плезант и Кливдене мы также видим, что дверь стала предметом тщательной обработки, что совершенно контрастирует с чрезвычайно простой и непритязательной манерой обработки той же детали в более ранних домах. В Маунт-Плезант строгость линии крыши смягчается балюстрадой и эффективным расположением дымоходов, в то время как в Уитби и Кливдене пики и углы украшены урнами. Внутри мы обнаруживаем, что начали расти листья аканта и чертополоха, расцвела роза, распустились другие обычные цветы и листва, а также появились лепные украшения из яиц и дротиков. Другими словами, резьба по дереву как способ украшения вошла в устоявшуюся моду. Формовочные профили отчасти утратили свою вызывающую смелость, и, хотя декоративные детали, как внутри, так и снаружи, по-прежнему энергичны, а порой и массивны, в целом ощущается атмосфера деликатности и утонченности, которой раньше не было.

Вудлендс, Высокогорье и Упсала являются для нас примерами третьего типа грузинского. Уильям Гамильтон построил Вудлендс около 1770 года. Энтони Моррис закончил "Хайлендс" в 1796 году, а Нортон Джонсон начал работу в Упсале в 1798 году и завершил ее три года спустя. Поперек северного фасада Леса через равные промежутки расположены шесть ионических пилястр, над вершинами которых проходит искусно орнаментированный антаблемент с патерами и каннелюрами, увенчанный фронтоном. Перед домом находится низкая и широкая мощеная терраса, заполняющая пространство между полукруглыми нишами, выступающими с торцов здания. Между двумя средними пилястрами в зал ведет круглый арочный дверной проем с веерным освещением. На южной стороне, или у реки, лестница ведет к высокому портику с белыми колоннами, из которого дверь открывается прямо в бальный зал овальной формы.

В другом отношении весь внешний вид Лесных массивов отличается от домов второго типа. Обработка окон всегда является наиболее важным элементом в определении архитектурного облика, и именно здесь следует отметить существенное изменение. Размер проема в некоторых

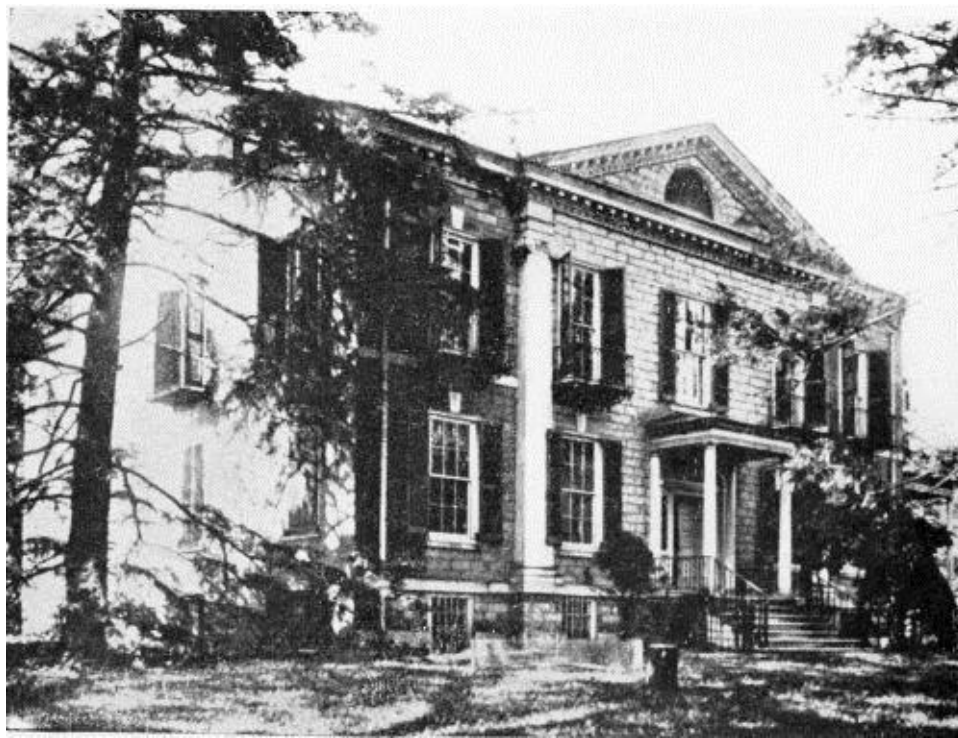
случаях такой же, в других он больше, но, что еще более заметно, мантинеи намного меньше, и мы теряем смелую, бросающуюся в глаза белую рамку, которая подчеркивала вид окон более ранних зданий.

Интерьер отделан со всей изысканностью, которую можно было бы ожидать, судя по признакам внешнего влияния Адама. Одной из весьма важных особенностей внутренней отделки в домах третьего типа является изменение, внесенное в расположение каминных полок. Мы видели, что в домах первого типа, таких как Грэм-Парк, и в домах второго типа, таких как Уитби-Холл или Маунт-Плезант, облицовке каминных панелей и украшениям уделялось большое внимание. Решетка дымохода часто простиралась на значительное расстояние вглубь комнаты, а декоративная надстройка над камином доходила до самого потолка.

Хотя эти богато украшенные каминные, достигающие до потолка, начали входить в немилость в Англии вскоре после середины восемнадцатого века, когда в окрестностях Филадельфии стали возводиться дома второго георгианского типа, колониальный консерватизм пренебрег новым стилем и придерживался стиля, одобренного освященным временем прецедентом. Камин с его обстановкой всегда занимал столь почетное положение как центр семейной жизни, что следующий отрывок из трактата Клаустона о Чиппендейле особенно проливает свет на этот вопрос. Говоря о влиянии, оказанном сэром Уильямом Чемберсом как на архитектуру, так и на мебель, он говорит: “Когда он вернулся в Англию в 1755 году [с Континента], его сопровождали Уилтон и Чипприани, впоследствии столь хорошо известные как художники и декораторы. Он также пригласил итальянских скульпторов вырезать мраморные каминные полки, которые он ввел в английских домах.

ЛЕСНЫЕ МАССИВЫ, СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

ВЫСОКОГОРЬЕ, ДОЛИНА УАЙТМАРШ, ПЕНСИЛЬВАНИЯ, 1796 год.

Средние колонии Джорджиян, третья фаза.

Авторское право, 1908, Роджерс и Мэнсон

ХОУМВУД, НЕДАЛЕКО ОТ БАЛТИМОРА.

Южная Георгия, вторая фаза перехода к третьей.

“Они были сделаны по его собственному эскизу, и орнамент из фигур, завитков и листьев был свободным по своему характеру. Как ни странно, эти каминные полки, спроектированные и изготовленные архитектором, были, тем не менее, средством полного изъятия этой важной части внутреннего убранства из рук архитектора и превращения ее в совершенно отдельное производство, производимое и продаваемое вместе с решетками.

“В прежние времена это была неотъемлемая часть комнаты, простиравшаяся от пола до потолка, уравновешенная и ставшая частью стены благодаря тому, что ее основные линии были обшиты панелями и украшены фризами. Это был лейтмотив декора, и мастер-строитель того времени проявил фантазию и приложил все свое мастерство к резьбе по дереву и причудливым образам, сосредоточив весь орнамент комнаты вокруг домашней святыни.

“Каминные полки постепенно уменьшались в высоте, хотя все еще сохраняли большую часть своих прекрасных пропорций и классического дизайна. Этому способствовали многие причины, главной из которых было неиспользование деревянных панелей и предпочтение, отдаваемое портьерам из дамаста, иностранной кожи и обоям. Во времена правления королевы Анны и Маленького голландца обычай обшивки панелями частично сохранился, но подкладка была выкрашена только в белый цвет, по голландской моде. В это время верхняя часть дымохода все еще сохранялась, но доходила лишь примерно до половины стены. Гиббс, Кент и Уэр сохранили надстройку, насколько могли, но сэр Уильям Чемберс нанес ей самый сокрушительный удар, который она когда-либо получала, скопировав более поздние французский и итальянский стили и уделив мельчайшим деталям больше внимания, чем изысканным пропорциям. Он полностью отказался от верхней части и помог сделать ”продолжение камина“, оставшееся в прошлом ”.

Широко используемый овал Адама нашел выражение даже в формах комнат, и, помимо овального бального зала в Woodlands, мы часто находим в домах третьего типа округлые или эллиптические коридоры и комнаты.

В Высокогорье, в долине Уайтмарш, мы видим фасад дома, украшенный высокими ионическими пилястрами, поднимающимися от основания к карнизу, который сам по себе искусно обработан. Внутренняя отделка деревом превосходна, но, к сожалению, каминные полки Adam с их композитной отделкой были демонтированы и теперь украшают другой дом в нескольких милях отсюда. Однако в Упсале, в Джермантауне, нам повезло больше, потому что там Адам мантелс остался нетронутым. Иллюстрации показывают остальную часть дома и делают ненужными дальнейшие конкретные комментарии, за исключением замечания относительно окон, что здесь, как и в других домах этого последнего типа, во многих случаях встречаются стекла большего размера, чем в двух предыдущих типах.

Прежде чем продолжить сравнение, следует сказать несколько слов о цвете краски, используемой для внутренней отделки дерева в георгианских домах всех трех типов. По какой-то причине за рубежом, похоже, сложилось впечатление, что белые использовались в ущерб всему остальному. Белые, это правда, преобладали, но их использование ни в коем случае не было универсальным. Внимательное изучение последовательных слоев краски на некоторых старых изделиях из дерева позволяет выявить различные оттенки серого, синего, серого, коричневатого и других оттенков под одним или несколькими слоями белого. Серый, по-видимому, был одним из самых ранних вариантов белого, и в некоторых местах больше ничего не использовалось. В Грэм-парке, например, первый слой краски был серым, и никакие другие цвета никогда не украшали его панели, наличники дверей и окон. С другой стороны, в Stenton вкус жильцов диктовал время от времени менять цвет, и мы находим большое разнообразие в сменяющих друг друга пальто. Во время распространения второго георгианского типа белый, по-видимому, пользовался большей популярностью. С нашим последним типом снова начали использоваться нежные цвета.

Сравнивая леса, Высокогорье и Упсалу с домами, иллюстрирующими второй георгианский тип, мы находим еще больше свидетельств архитектурной эволюции. Во времена преобладания второго типа отдельные черты выделялись для декоративного акцента, но во времена третьего типа весь фасад дома, а иногда и весь экстерьер рассматривался с декоративной точки зрения. В Cliveden отделка дверного проема и урн на крыше - это элементы, использованные при украшении фасада. В Маунт-Плезант дверные проемы восточного и западного фасадов, окна в палладианском стиле над ними, балюстрада на крыше и отделка дымоходов создают более полный и витиеватый

декоративный эффект. Но когда мы доходим до третьего периода, мы видим, что архитектор тщательно продумал декоративный элемент как в пропорциях, так и в деталях всего здания. Было бы трудно поверить, что проектировщик Лесных массивов, составляя свои планы, не стремился к тому, чтобы ансамбль нравился массам. Эффект закругленных торцов приятен и заметно отличается от прямолинейной прямоугольности большинства домов предыдущих типов. Высокий портик в районе Вудлендс-саут или ривер-фронт не имел прецедента в Филадельфии. Во-Хилл, или Фатленд, возведенный примерно в то же время, и Лудун, несколькими годами позже, имели тот же *мотив*, и даже Джон Бартрам в своей последней пристройке к своему дому использовал ту же трактовку. Не было прецедента и для метода решения проблемы северного фасада, поэтому мы видим, что Лесные массивы внесли две новые нотки в местную архитектуру.

В Лесных массивах и Высокогорьях мы находим пилястры на всю высоту стен — новая особенность. Остекление устроено с большим учетом внешнего вида, а не только с утилитарной точки зрения. Мы обнаруживаем, что высокие панельные перекрытия, составлявшие важную архитектурную особенность, уступили место низкой и искусно украшенной каминной доске, которую следует рассматривать скорее как предмет мебели, чем как архитектурный объект. Каминные стали меньше, вентиляционные люстры над дверями стали обычным явлением и обогатились красивым, а иногда и замысловатым металлическим узором. Поучительно сравнение этих более поздних вентиляторных светильников с их воздушным изяществом и более ранних вентиляторных светильников Mount Pleasant с их тяжеловесной лепниной. В деталях всего орнамента исчезла тяжеловесность, и его место заняла отточенная элегантность Adam influence. Повсюду мы находим патеры, капельки и свэги, рифление и перо, овальные веера и изящные вазы с изящной обработкой листьями и цветами.

Что касается текстуры каменных стен, мы должны также отметить, что во втором и третьем типах мы находим в значительной степени аккуратно обработанные камни. В Кливдене, Хайлендс и Упсале только фасады сделаны из тесаного камня, в то время как в Уитби-Холле стены со всех сторон обработаны с одинаковой формальной точностью.

Таким образом, кратко подводя итог, становится ясно, что существуют три различных типа. Первый напоминает о королеве Анне, но по времени и большей части по своим ощущениям является грузинским. Декоративные детали просты и смелы, а иногда и немного тяжеловесны. Профили молдингов прочные и выполнены с высоким рельефом. Простота и прочность в сочетании с изяществом придают преобладающую нотку в каждом экземпляре. Второй тип более легкий и богато украшенный, но с характерным консерватизмом и отвращением к новомодным прихотям сэра Уильяма Чемберса и братьев Адам, Филадельфия придерживалась модных в Англии двадцать-двадцать пять лет назад стилей и поддерживала Уэра, который в 1750 году все еще украшал свои здания тяжелыми урнами времен королевы Анны.

Однако, несмотря на твердую приверженность консервативным архитектурным принципам, повсюду чувствуется что-то новое. Хотя украшения над камином по-прежнему доходили до потолка, характер использованного орнамента был значительно более сложным и изящным, чем все, что можно было найти в зданиях первого типа. Если профили лепнины и не были столь смелыми и настойчивыми, то, тем не менее, они были столь же изящны. С появлением в резьбе цветочных и слоистых *мотивов* мы, естественно, стали уделять больше внимания всевозможным деталям. В то же время следует более внимательно относиться ко всем мелким тонкостям и характерным различиям между классическими заказами.

Ко времени появления нашего третьего грузинского типа влияние Адама стало первостепенным и развеяло всю грузинскую тяжеловесность. Даже в случае явно “плотницких” домов того периода, где, в отличие от трех превосходных примеров, выбранных здесь для представления их конкретных классов, не следует искать особых архитектурных достоинств, мы не находим тяжеловесности линий, а характер используемого орнамента явно является копией или отголоском адамовских *мотивов* и, во многих случаях, во многом отражает их дух.

Следует понимать, что дома, использованные для иллюстрации, были выбраны потому, что они представляют своих многочисленных современников в одном районе, и все они обладают одинаковыми характеристиками в соответствии с датой, в которую они были построены. Приведенный выше анализ не претендует на полноту — потребовалось бы гораздо больше места, чтобы проследить все тонкости предмета, — но направлен лишь на то, чтобы привлечь внимание к определенным фактам, которые могут способствовать нашему более ясному пониманию американского грузинского языка и его ресурсов для удовлетворения наших нынешних потребностей.

Рассматривая различия между георгианскими типами окрестностей Филадельфии, следует иметь в виду, что о них не следует судить слишком строго по современным работам в Англии. Такое сравнение было бы лишь вводящим в заблуждение и несправедливым по нескольким причинам. Во-первых, в начале георгианского периода местные условия запрещали щедрую демонстрацию резных украшений, которыми было украшено так много домов той же эпохи в Англии. В то время в Колониях было мало мастеров, способных выполнить сложную резьбу, которая была в моде по другую сторону Атлантики. Поэтому строители особняков волей-неволей должны довольствоваться строгим соблюдением линий и пропорций и обходиться без искусно выполненных резных украшений. Кроме того, помимо этой трудности, многие строители этих ранних домов принадлежали к Обществу друзей, большинство из которых из-за своих религиозных принципов питали отвращение к богатству украшений. Во-вторых, судить по современным английским стандартам было бы неправильно, поскольку в то время, когда начал процветать второй филадельфийский георгианский тип, и присутствовали средства и склонность к сложному орнаменту, колониальный консерватизм стал важным фактором в определении стиля, и как бы близко филадельфийцы ни копировали нынешние лондонские моды в вопросах одежды, в своих манерах и архитектуре они предпочитали придерживаться устоявшихся прецедентов и с тех пор всегда отставали от своих британских кузенов на двадцать-тридцать лет в методе архитектурного выражения. Отсюда, например, оверманти, доходящие до потолка, построенные еще в 1765 году. Однако на всех этапах своего развития Philadelphia Georgian, какими бы незначительными отличиями они ни отличались, была верна традициям великих английских архитекторов и благодаря своей чистоте стиля достойна пристального изучения сегодня в поисках жизненно важного источника вдохновения, который она может дать.

ГЛАВА IX

ГЕОРГИАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА ЮГА

Если Когда-либо архитектура региона или периода действительно отражала личность и образ жизни людей, то это, несомненно, была грузинская архитектура Юга в восемнадцатом веке. Плантаторы этого региона были богатыми и высококультурными и настолько в высшей степени одаренными социальным инстинктом, что поместья и особняки не могли не указывать своим материальным видом на щедрое гостеприимство и великолепное поместье, которое их владельцы имели обыкновение содержать. Огромные дома в георгианском стиле, окруженные обширными плантациями, которые усеивали всю землю, могли быть возведены только в обществе, обладавшем огромным богатством. А Юг был богатым. Страна, благословленная природой, с благоприятным климатом и плодородной почвой, а также благодаря исключительным экономическим условиям, накопила огромные состояния, которые позволяли существовать многочисленному праздному классу и поощряли глубокое уважение ко всем удобствам и утонченности окружающей среды. В Новой Англии мы видели, что архитектурное богатство георгианского стиля было в основном зарезервировано для украшения интерьера, в то время как большинству экстерьеров было позволено оставаться сравнительно без украшений, за несколькими заметными исключениями. С другой стороны, на Юге буйство природы и соблазнительное очарование климата побудили строителя дома расширить свои планы и в полной мере воспользоваться впечатляющими физическими условиями. Следовательно, мы имеем амплитуду внешнего вида, столь типичную для южного особняка, амплитуду, которая также в некоторой степени обусловлена обширным домашним антуражем и стала возможной благодаря богатым средствам жильцов.

То, что богатым плантаторам Юга требовалась обстановка домашнего великолепия, которая была бы невозможна в большинстве других частей колоний либо из-за нехватки средств, либо из-за отсутствия склонности к столь щедрым расходам, обстановка, имевшая много общего с условиями, существовавшими во многих баронских поместьях Англии, мы можем понять, если рассмотрим, в качестве примера, историю семьи Берд из Уэстовера в Виргинии. Полковник Уильям Берд, первый представитель семьи в Америке, приехал в Виргинию в 1674 году. Он построил первый дом в Вестовере в 1690 году и после своей смерти оставил в качестве части своего поместья участок площадью 26 231 акр. Его сын, полковник Уильям Берд 2-й, унаследовавший это огромное состояние и еще больше увеличивший свое состояние благодаря второму браку, начал возведение нынешнего дома примерно в 1727 году и завершил его незадолго до 1735 года. Когда этот второй Уильям Берд, “Уильям Великий из Уэстовера”, умер в 1744 году, акров благородного поместья насчитывалось 179 440, или около 281 квадратной мили, - поистине настоящее княжество”. О нем говорили, что “его жизненный путь был усыпан розами. У него было богатство, культура, лучшая частная библиотека в Америке, общественное положение и множество друзей; и когда он лег спать под памятником в саду Вестовера, он оставил после себя не только репутацию добропорядочного гражданина, но и репутацию великого виргинского остролова и писателя века”. В его эпитафии, после привлечения внимания к преимуществам образования, которыми он пользовался, и его тесной дружбе со многими величайшими людьми своего времени в Англии, далее говорится, что “он был призван в коллегии адвокатов Миддл-Темпла, некоторое время учился в Нидерландах, посетил Французский двор и был избран членом Королевского общества. Таким образом, в высшей степени пригодный для службы и украшения своей страны, он был назначен здесь генеральным распорядителем доходов его Величества, трижды назначался государственным агентом при Дворе и министерстве Англии и, пробыв членом тридцать семь лет, наконец стал президентом Совета этой колонии. Ко всему этому

добавились большая элегантность и вкус к жизни, хорошо воспитанный джентльмен и вежливый собеседник”.

Едва ли стоит удивляться, что человек, столь одаренный природой, образованием и обладающий огромным богатством, должен строить так, как соответствует его положению. На самом деле было бы странно, если бы он этого не сделал. Но Уильям Берд был не одинок в своем наслаждении необычными преимуществами. Хотя эпизоды из его истории не повторялись, его случай был почти похож на случай других людей его столетия на Юге. Почти все без исключения эти привилегированные дети хорошего воспитания, к которым присоединялись удобства достаточного достатка, проявляли элегантный вкус и активную личную заинтересованность в строительстве своих домов, и именно этой заинтересованности с их стороны мы сегодня обязаны многим из того, что является лучшим в выполнении американо-грузинских работ. Немало плантаторов Юга сами были компетентными архитекторами, но, как представителей своего класса в данном конкретном случае, будет достаточно упомянуть двух из них, личностей не менее знаменитых, чем Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон. Вашингтон всегда проявлял глубокий интерес к архитектуре, считается, что он спроектировал церковь Похик, приложил руку к планам Церкви Христа в Александрии, руководил строительством в своих собственных поместьях, оказывал направляющее влияние на судьбы общественных зданий, запланированных или начатых при его жизни в Федеральном городе, и оставил пример своих способностей дизайнера-декоратора в пластиковых украшениях знаменитой каминной доски в Кенморе. Мы хорошо знаем, насколько глубоко Джефферсон интересовался архитектурными вопросами, как государственными, так и частными, и как он всю жизнь сохранял интерес ко всему, что с этим связано, интерес, который зародился в ранней юности и становился сильнее с возрастом. Давление обременительных общественных обязанностей никогда не ослабляло его стремления к архитектурному совершенствованию по всей стране и не отвлекало его от использования всех возможных усилий для обеспечения реализации идеалов. “Архитектура, ” однажды написал он, - заслуживает большого внимания — самое важное из искусств, поскольку она так много показывает”. В другой раз он написал следующее: “Придание зданиям симметрии и вкуса не привело бы к увеличению их стоимости, это лишь изменило бы расположение материалов, форму и сочетание элементов. Это обошлось бы дешевле, чем расходы на украшение, которые часто возлагаются на эти общественные здания. Но самые первые принципы искусства неизвестны ”. Эти взгляды могут найти какое-то применение, не являющееся неприемлемым в наши дни. Джефферсон не ограничивал свои архитектурные интересы ни теоретическими вопросами, ни проектированием. Его часто можно было встретить в реальной роли рабочего.

ХАРВУД, АННАПОЛИС, 1774. БРАЙС-ХАУС, АННАПОЛИС, 1740 год.
Южная Георгианская, вторая фаза. Южная Георгианская, вторая фаза.

ШИРЛИ, ДЖЕЙМС-РИВЕР, ВИРДЖИНИЯ
Южная Георгия, вторая фаза.

УЭСТОВЕР, Джеймс-РИВЕР, ВИРДЖИНИЯ
Южная Георгия, первый этап.

Когда он начал работу в Монтичелло около 1770 года, оставив его в его нынешнем виде, он не только планировал и руководил работами, “но и лично отвечал за такие практические этапы, как отопление, вентиляция, водопровод и дренаж. Он спланировал постройки фермы и прокладку всех дорог и тропинок для верховой езды в этом месте. Кроме того, он обучил всех своих рабочих и даже сделал экспертами нескольких своих рабов, которых позже отпустил, чтобы они зарабатывали на жизнь ремеслами, которым он их научил”.

На Юге, как и в Новой Англии и Средних колониях, мы можем без особого труда различить три фазы георгианских способов выражения, и все они имеют более или менее четко определенные характеристики. Ввиду расширенного анализа этих этапов, проведенного в главе, посвященной георгианскому периоду в Пенсильвании, Нью-Джерси и Делавэре, нет необходимости подробно останавливаться на соответствующих характеристиках, которые можно найти в домашней архитектуре Юга, - курс, который потребовал бы лишь бесплодного повторения. Таким образом, при рассмотрении типичных примеров южной застройки внимание будет направлено главным образом на точки расхождения, а также на местные особенности и модификации. Практика строительства кухонь и офисов в зданиях отдельно от основного корпуса дома; планирования спален на первом этаже и придания холлу достаточно широких пропорций, чтобы при желании его можно было использовать в качестве гостиной, уже упоминалась в главе о южном колониальном стиле. Все три метода были разработаны в семнадцатом веке и благодаря практическому использованию доказали свое превосходство, так что они были сохранены, когда новый и более элегантный архитектурный стиль вытеснил моду прежних времен.

В нескольких примерах, таких как Таахо, возведенный около 1707 года, Бельвуар в округе Энн Арундел, штат Мэриленд, построенный примерно в ту же дату, и Ганстон-Холл, построенный после середины восемнадцатого века, мы можем проследить переходную форму, сохранившуюся от прецедентов семнадцатого века. Общий контур этих домов демонстрирует сильное сходство с истинно южным колониальным типом жилья, но по манере исполнения и использованию декоративных деталей мы находимся по грузинскую сторону границы.

Для первого георгианского этапа мы не можем придумать ничего лучше, чем изучить такие дома, как Carter's Grove на реке Джеймс, построенный примерно в 1737 году, и Westover, построенный за несколько лет до этой даты. В обоих местах мы находим множество характеристик, на которые нам следует обратить внимание после внимательного прочтения заметок о самом раннем типе георгианских домов, приведенных в главе VIII. По общему контуру и обработке крыши Carter's Grove мало чем отличается от Stenton. Однако в дополнение к деталям, упомянутым в главе VIII, мы находим в Картерс-Гроув исключительно широкий коридор, характерный для Юга, шириной двадцать восемь футов. Следует также отметить, что там, как и в других местах на Юге, можно увидеть богато украшенные веретена балясин, закрученные спиралью или с резьбой, точно так же, как в некоторых более изысканных домах Новой Англии. В этой связи важно помнить, что в Таахо, помимо спиральных балясин, на лестнице есть необычно тонкая резьба, выполненная в более широком и плавном стиле, чем резьба середины или конца века. Богатые пилястры и фронтоны дверного проема в Вестовере также свидетельствуют о родстве с более ранней традицией, как и некоторые украшения современных дверных проемов в Новой Англии.

Тюльпановый холм в Уэст-Ривер, округ Энн-Арундел, штат Мэриленд, является прекрасным примером дома в стиле Южной георгианской эпохи, возведенного примерно в середине восемнадцатого века. Что касается деталей, то на нем есть обычные отметки даты его возведения, возвращаться к которым нет необходимости. Однако следует отметить несколько других моментов. Рельефные декоративные панели по бокам круглого окна на переднем фронте и декоративноприспособление на фронте портика являются элементами украшения, которые не часто встречаются на Севере, и они имеют аналог во многих подобных орнаментах, которые можно найти на других домах на Юге, построенных примерно в этот период. Следует также отметить, что портик или веранда начинают занимать признанное архитектурное место на Юге. Несколько лет спустя он приобрел более внушительные пропорции в виде огромных белых колонн высотой в два этажа, поддерживающих массивный фронтон, выступающий вперед как неотъемлемая часть крыши. Говоря о верандах, не следует забывать, что южнокаролинскому типу георгианских домов принадлежит заслуга двухэтажного крыльца, столь часто встречающегося в этом штате.

Необходимость или желательность развития элемента крыльца, возможно, ускорила принятие классического возрождения на Юге из-за возможности, которую оно дало для строительства этого архитектурного дополнения внушительным, тщательно продуманным и гармоничным методом. В любом случае, возрождение классики, похоже, получило более раннюю поддержку на Юге, чем где-либо еще, и его мода была практически синхронна третьему, или адамовскому, типу грузинского самовыражения. В качестве примера можно привести Монтичелло, но следует отметить, что концепция Джефферсона о классическом способе Возрождения, если Монтичелло следует рассматривать как образец классической работы по Возрождению, отличалась достоинством, честностью и искренностью, которые впоследствии часто упускались из виду, когда на них работали другие люди.

КАРТЕРС-ГРОУВ, Вирджиния, 1728 год.

Южная Георгия, первый этап.

АНДАЛУСИЯ На РЕКЕ ДЕЛАВЭР, ПЕНСИЛЬВАНИЯ, 1794-1832гг.

Возрождение классики.

СТАРАЯ МОРСКАЯ БИРЖА, ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

Возрождение классики.

Невозможно отказаться от рассмотрения грузинской архитектуры Юга, не испытав глубокого впечатления от великого достоинства и широты, проявляющихся во всех ее формах. Это было искреннее выражение архитектурных потребностей важного социального состояния, и хотя оно было основано на проверенном временем прецеденте, в то же время его применение было полностью американским и полным жизненной силы.

ГЛАВА X

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД И КЛАССИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

А После окончания войны за независимость наступил период сравнительно быстрого развития архитектуры. Эта фаза постколониальной эволюции достигла своей кульминации в знаменательных успехах и почти нелепых неудачах греческого или классического Возрождения, успехах и неудачах, которые произошли одновременно, как это ни странно, хотя и вызваны одними и теми же влияниями, и их до сих пор можно увидеть в старых городах нашей страны, часто расположенных в непосредственной близости.

С исторической точки зрения этот процесс стремительной эволюции объясняется несколькими причинами, главной из которых были быстро растущее богатство и процветание новой республики и всеобщее одобрение, с которым относились к французскому влиянию и моде. В эпоху энергичной меркантильной и промышленной реакции, после стресса и изнурительной войны, было вполне естественно, что не только торговцы, фабриканты и другие люди низшего положения, но и целые сообщества стремились выразить во внутренних и общественных структурах надлежащую гордость и уверенность в своей новообретенной политической значимости и свободе. Требовалось удовлетворить новые социальные и гражданские требования, и архитектура быстро стала отражать дух роста и прогресса. В какой-то мере также были разрушительные последствия выстрелов, гильз и пожара, а также разрушение, приведшее к длительной финансовой депрессии, которую необходимо было устранить. Вместе с доступом к материальному процветанию пришел и доступ к экономической элегантности, и люди со средствами и положением потребовали, чтобы их домашнее окружение соответствовало новым стандартам роскоши. Когда они оказывались в ситуации, когда им приходилось строить заново, что они нередко делали, их дома, хотя обычно во многом соответствовали старой планировке и количеству комнат, демонстрировали новые влияния декоративных деталей и изменения или добавления элементов в соответствии с новым укладом. Более того — и это было отнюдь не последним фактором, повлиявшим на новые условия, — в результате общего социального переворота, вызванного войной, лоялисты, которые представляли значительную часть богатства и утонченности колониального периода, были разорены, лишены своих поместий, изгнаны из страны или уехали в Англию или некоторые другие колонии, и их места часто занимали люди, которые до сих пор вели более скромный образ жизни. Эти люди с новым состоянием и положением, которые были обязаны своим продвижением горячей поддержке дела Америки, построили себе дома в соответствии со своим недавно приобретенным рангом и стремились изысканностью своих жилищ, как это принято у *парвеню*, компенсировать недостаток рождения и воспитания. Вполне естественно также, что во всех этих только что упомянутых случаях народный вкус склонялся к архитектурной моде, которая была французской по своему непосредственному вдохновению, а не к какому-либо стилю, прецеденты которого можно было найти в Метрополии, чье недавнее политическое господство все еще вызывало горькие воспоминания.

С архитектурной точки зрения эта эволюция, кульминацией которой стало полное воплощение классического Возрождения, демонстрирует три влияния, которые следует учитывать при любой попытке ее анализа. Во-первых, существовала адамовская фаза джорджианского уклада, которая начала находить ярко выраженное выражение в американских колониях примерно с 1770 года. Более крупные усовершенствования этого типа, проанализированные в предыдущих главах, были очевидны вплоть до 1800 года или вскоре после этого, и их происхождение в Адаме было четко различимо. Во-вторых, там были спроектированные и построенные плотниками дома явно грузинского происхождения. В течение восемнадцатого века общественное сознание настолько пропиталось георгианским духом архитектурного классицизма, умеренным и модифицированным,

конечно, благодаря передаче через британскую среду, но все же классицизмом, что даже самые непритязательные домики свидетельствовали о преобладающем влиянии в той или иной форме. Это может быть дверь в дом с пилястрами и фронтоном или каминная полка. Пилястры, обрамляющие дверной проем, возможно, утратили все следы близкого родства с любым из классических ордеров, что касается их деталей, как и фронтоном, но сам факт их наличия ясно указывал на источник, откуда они были получены. Эти спроектированные и построенные плотниками дома конца восемнадцатого века можно рассматривать как пережиток архитектурного духа той эпохи. И наконец, было влияние чистой классики, обстоятельства распространения которой в Америке мы рассмотрим подробнее.

И архитектура георгианского периода, и архитектура классического Возрождения были, по сути, классическими по духу, но между их несколькими проявлениями классичности существовала огромная разница, и нам очень важно понять это фундаментальное различие. Классицизм грузинской архитектуры был свободным по своему духу и интерпретации и гибким в своей приспособляемости к требованиям куполовисторических или общественных зданий. Архитекторы, применившие его, были наделены здравым смыслом, и, хотя они включили в свою работу особый элемент формального порядка, они не были скованы настолько узким конвенционализмом, чтобы бояться вносить такие изменения, какие подсказывал их собственный оригинальный гений, при условии, что они соответствовали источнику общего вдохновения. Другими словами, классицизм грузинской архитектуры был классицизмом, очеловеченным и рационализированным благодаря передаче по каналам Возрождения или трудам таких разборчивых исследователей античности, как братья Адам. Он был эластичным и одинаково подходил для общественных зданий и жилищ как высокого, так и низкого уровня. Он также был прямым и простым и обладал достоинством и жизненной силой, которые всегда демонстрирует незатронутое искусство. Именно по этой причине он был так убедителен и так долго сохранял свою популярность.

Классицизм классического Возрождения, с другой стороны, был по существу и неизменно жестким в своей приверженности формам античности и археологической манере применения этих форм. Это была не адаптация, это было, по правде говоря, *возрождение* мод двухтысячелетней давности, гигантская выставка архитектурной археологии. Сила грузинской архитектуры заключалась в свободе и эластичности ее классицизма, а также в ее готовности к адаптации. Слабость архитектуры классического возрождения заключалась в ее жесткости и непреклонном сопротивлении попыткам адаптировать ее к разнообразным современным требованиям. На Юге, это правда, были обнаружены некоторые следы более свободной интерпретации, возможно, потому, что в некоторых случаях ремесленники были неспособны воспроизвести точные копии, выполненные более квалифицированными северными механиками, но даже с этой небольшой поправкой печать жесткости оставалась неизгладимой.

Однако, несмотря на некоторую чопорность и педантичность, архитектура классического Возрождения в ее более удачных проявлениях демонстрировала немалое истинное совершенство, величие и грацию. Многие по-настоящему важные сооружения были построены в период расцвета классики, и сегодня, после многих лет переменчивости народного вкуса, их очарование изящества и спокойного достоинства все еще свежо и стойко и постоянно напоминает нам о вежливости поколения, которое мудро спланировало и осуществило их. Напротив, в своих менее регламентированных формах, вероятно, благодаря амбициозному подрядчику, а не даже архитектору низшего уровня, архитектура классического возрождения часто была неподходящей в своем применении, неудобной, а иногда и нелепой. В начале девятнадцатого века классицизм стал навязчивой идеей строителей, единственной целью которых, по-видимому, было превратить каждый город в стране во вторые Афины или Рим. Повсюду можно было увидеть здания, которые, если и не были спланированы по классическим линиям в своих внутренних подразделениях или

боковых фасадах, то, по крайней мере, были украшены греческими и римскими орденами. Эта церковь или банк были украшены портиком из коринфских колонн, та, что через дорогу, имела соответствующий портик строгого дорического стиля, в то время как другая, возможно, за углом радовала изящными ионическими колоннами, и, несомненно, сразу за ней находился дом, владелец которого по праву гордился безупречной чистотой своей тосканской площади. Иногда все заказы были неразрывно перемешаны в одном здании и заросли настоящим лесом из листьев аканта и антимии, и все же эффект был не совсем плохим, как бы это ни огорчало пуриста, потому что строители, в изобилии и свежести своей энергии, не могли не создавать некоторую жизненную силу, хотя и пытались быть скрупулезно точными, выражая свои мысли в среде, которую они не до конца понимали. Эти неприличные смешения архитектурной ботаники или ботанической архитектуры, как бы это ни называлось, не были обычным явлением, о котором приятно вспоминать. Они были исключением и служили для обозначения действительно превосходных и заслуживающих похвалы достижений, которые были достигнуты в то время, когда благопристойная формальность шла рука об руку с развитым вкусом и немалой энергией мысли.

Переход архитектурного стиля от георгианского стиля к классическому Возрождению был практически синхронным и соответствовал господству стилей ампир в мебели, декоративном искусстве и личной одежде. Классический стиль Возрождения в целом является постколониальным по времени, и его экзотический импульс и вдохновение, почерпнутые из Франции Первого Наполеона и привитые георгианскому наследию, нельзя рассматривать по существу как часть логического процесса архитектурной эволюции, который до сих пор продвигался постепенными и, по большей части, почти незаметными шагами от одной традиционной формы к другой.

Энергичный классицизм георгианского периода, благодаря его фильтрации по каналам эпохи Возрождения, был гибким и уместным в своем применении. Даже элегантность и утонченность грузинской школы самовыражения Адама, хотя и почерпнутые непосредственно из сокровищницы классической древности, были разумно адаптированы к современным потребностям мастерами искусства различения. Но тип классицизма, воплощенный в классическом Возрождении, был намеренно перенесен *de novo* из древнего мира распоряжением Наполеона, аналогично дизайну мебели и узорам, которые доминировали в изделиях других видов декоративного искусства. Пересадчики иногда проявляли пристрастие к тяжелым римским формам, а не к изяществу греческих изысков, и пересадка иногда производилась неуклюже, без видимого внимания к физической форме или принципам разумной адаптации. При всем богатстве античности, из которой можно было черпать, было бы действительно странно, если бы создатели возрожденного классицизма не создали многого, что было бы одновременно чрезвычайно достойным и красивым. Как указывалось ранее, какой бы дефект или слабость ни характеризовали выражение классического стиля Возрождения, рассматриваемого в совокупности, их следует относить не к используемым формам, а к тому, каким образом эти формы иногда неправильно применялись и принуждались к использованию или сочетаниям, к которым они плохо подходили.

Это неоклассическое вдохновение наполеоновских французских изобретений нашло поддержку в Америке благодаря сильным франкофильским настроениям, преобладавшим во второй половине восемнадцатого века и в начале девятнадцатого, которые даже определяли цвет и дизайн женских платьев и метод их прически. В умелых руках таких людей, как Чарльз Булфинч, воплощение неоклассицизма вполне заслужило всеобщее одобрение. Однако вряд ли справедливо выдвигать Булфинча, по крайней мере в его более ранний период, в качестве типичного представителя классической архитектуры эпохи Возрождения. Он был, это правда, проникнут новыми влияниями, но у него было слишком много творческого инстинкта и слишком сильное чувство пригодности, чтобы когда-либо опуститься до простого копирования или массового заимствования. Кроме того, он был, можно сказать, по дате рождения и воспитанию продуктом эпохи Адама и, в силу врожденных предубеждений, полностью разделял ее деликатные и утонченные методы самовыражения. Действительно, мы можем с полным правом рассматривать

Булфинча как знаменующего переход от адамовской, или последней фазы георгианской архитектуры, к модусам классического Возрождения, поскольку он объединил в своих работах многие лучшие черты того и другого. Он знал, как и когда использовать адамову деликатность и утонченность деталей или адамовское изобилие украшений, не впадая при этом в излишнюю привередливость и приторную проработку; он знал также, когда и где использовать классическую смелость и энергичность и даже классическую строгость, не скатываясь от классического изящества к какой-либо из тяжелых римских форм грубой вульгарности и военной напыщенности, которые иногда омрачали работы более поздних представителей классического Возрождения.

Булфинч обладал непревзойденным вкусом, тонким чувством меры и талантом к разумной адаптации. Он получил образование, когда влияние Адама было на пике, расширил сферу своей деятельности за счет наблюдений и зарубежных поездок и начал практиковать как раз перед тем, как появился первый свежий импульс прямого классицизма. Поэтому было вполне естественно, что с его тренированным восприятием и удачной способностью к отбору и комбинированию он отбирал лучшее в каждой школе, и особенно уместно, что его работа иллюстрировала переходную стадию, на которой одно переходило в другое, поскольку в процессе эволюции, о котором уже упоминалось, чистейшая форма неоклассического дизайна нашла свой аналог в более ранней практике Адама.

Наряду с Булфинчем, как представителем переходной стадии, следует отнести Сэмюэля Макинтайра из Салема, чья работа как общественная, так и домашняя всегда пользовалась заслуженным уважением. Он тоже сохранил большую долю элегантности Адама и богатство деталей, которые он успешно объединил с мотивами и методами обработки, вдохновленными более поздним импульсом классицизма. Во многом влиянию Макинтайра можно приписать тонкую выверенность пропорций и ослабление колонн и пилястр — это ослабление нашло аналог в некоторых современных нью-йоркских голландских дизайнах, столь заметных во многих элементах архитектуры Новой Англии того периода. Он устранил всю грубость и уменьшил размеры колонн, одновременно увеличив их длину до такой степени, которая не имела прецедента в древней практике и шокировала бы французских пуристов, под эгидой которых было положено начало новому движению. Однако, несмотря на эти отклонения от архитектурной и археологической ортодоксии, работы Макинтайра полны изысканного очарования и оправданы применением к ним пробного камня хорошего вкуса.

КРЫЛЬЦО ЭНДРЮ САФФОРДА, САЛЕМ,
Массачусетс.

Переход к возрождению классики.

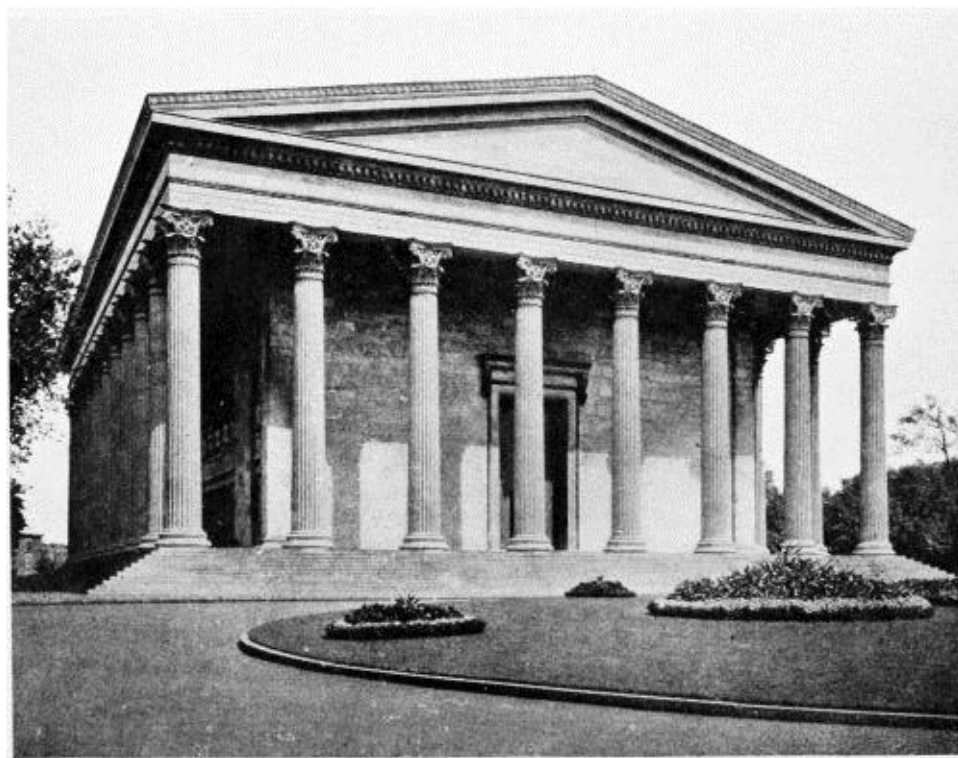
МЕЖКОМНАТНЫЙ ДВЕРНОЙ ПРОЕМ, НИКОЛС-ХАУС, САЛЕМ,
МАССАЧУСЕТС.

Фотография К. В. Бака из Underwood & Underwood, Нью-Йорк

КАПИТОЛИЙ В ВАШИНГТОНЕ.

Возрождение классики.

КОЛЛЕДЖ ДЖИРАРД, ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

Возрождение классики.

Латроб, Маккомб в своих более поздних работах, Л'Энфан, Хобан, доктор Торнтон, Томас Джефферсон, Стрикленд и другие известные архитекторы последних лет восемнадцатого века и первой половины девятнадцатого несколько более внимательно следовали классическому прецеденту в своей профессиональной практике и, следовательно, могут считаться наиболее верными и типичными выразителями принципов классического Возрождения. Большая часть их работ благородна по замыслу и особенно соответствует монументальному характеру спроектированных ими зданий.

Влияние классического возрождения раньше всего было отмечено в общественных зданиях, таких как Бостонский государственный дом на Бикон-Хилл, Новый театр или Банк Соединенных Штатов в Филадельфии, или, прежде всего, в Капитолии в Вашингтоне, в проектировании, возведении и реставрации которых принимали участие многие из самых выдающихся архитекторов того времени. Там классические ордена были воспроизведены с предельной точностью в сочетаниях, которые самым достойным и впечатляющим образом демонстрировали их целомудренную красоту и благородные пропорции. Капители с безупречной точностью и верностью своим прототипам, фронтоны и антаблементы должных пропорций, триглифы, полумесяцы, модиллионные скобы, листья аканта, лепнина в виде яиц и дротиков, зубчатые протезы, гимнии и все другие структурные и декоративные элементы, характерные как для греческой, так и для римской архитектуры, стали привычными объектами для всеобщего обозрения и оказали свое тонкое, но мощное влияние на воспитание дисциплинированного и элегантного чувства архитектурного приличия.

Архитектура классического Возрождения, несомненно, проявила себя наилучшим образом в общественных зданиях или в больших и внушительных особняках, которые предоставляли достаточную возможность продемонстрировать ее широкие характеристики. Более того, такие конструкции не требовали большой изобретательности в создании приспособлений. В то время как колонны, возможно, придется удлинить или добавить элементы, чуждые классической концепции, задача размещения редко сопряжена с серьезными трудностями, которые необходимо

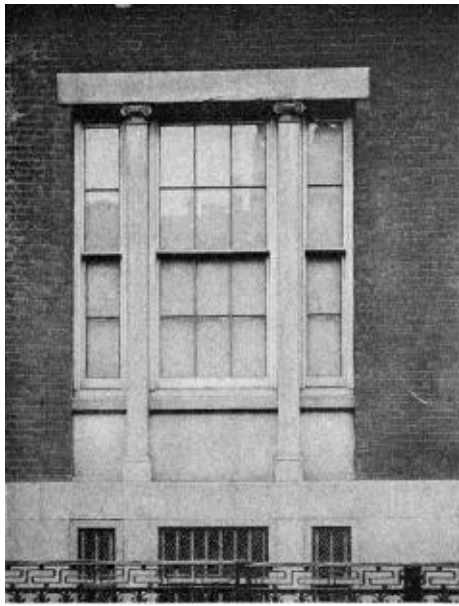
преодолеть. В руках таких людей, как Булфинч или Макинтайр, в самом начале, или Латроуба, Хобана, Стрикленда и их различных способных современников классическое возрождение дало нам множество поистине замечательных сооружений, исполненных достоинства и изящества. В руках слишком самоуверенного и недостаточно образованного механика, который рискнул попробовать свои силы в конструировании, это была действительно совсем другая вещь, и на оставшиеся образцы этого низшего типа вряд ли можно смотреть с удовольствием.

Если можно провести аналогию между стилем Адама и лучшими проявлениями классического Возрождения с его величественными строениями, полными широты, достоинства и покоя, то можно также легко провести аналогию между спроектированными и построенными плотниками домами конца георгианского периода и большей частью незначительной домашней работы классического Возрождения. Другими словами, элегантные творения Адама имели практически такое же отношение к современным домам, спроектированным плотниками, как большие и безмятежно целомудренные композиции классического Возрождения к небольшим и недорогим попыткам амбициозных строителей применить тот же стиль к маленьким, тесным строениям, для которых он явно не подходил. Однако была одна разница. Архитекторы-плотники конца георгианского периода намного превосходили своих преемников в разборчивости и вкусе, которые пытались восполнить недостаток своих знаний непродуманными эссе, которые преуспели только в том, что были смешными. Их крошечные домики с фасадами храмов не были домашними и были такими же нереальными и архитектурно неудовлетворительными, как декорации сцены, видимые сзади. Они были напыщенными — так и хочется сказать “помпезными” — и не проявили никаких реальных достоинств или утонченности, которые могли бы подкрепить их нелепые претензии на достоинство и государственное положение, совершенно не соответствующие их истинному предназначению. Так называемый “классический стиль плотников”, который на самом деле был сдержанной формой обесценившегося классического стиля Возрождения, был бесконечно предпочтительнее, потому что он был простым и не претендовал на то, чем он не был.

Среди совершенно поразительных и важных зданий, возведенных в эту эпоху, которые следует упомянуть, помимо уже упомянутых, - Казначейство в Нью-Йорке, колледж Джирард в Филадельфии, Таможня Филадельфии и Кафедральный собор в Балтиморе. Это типичные здания, и по этой причине их стоит иметь в виду, но список заслуживающих внимания примеров можно продолжать почти бесконечно.

Как прямой результат влияния классического Возрождения, возникла определенная скромная и приятная адаптация, которая создала приятный бытовой эпизод в анналах американской архитектуры. Образцы этой модифицированной классической школы неприхотливы и, по той причине, что они не отмечают амбициозных взлетов, достойны похвалы в своей области. За неимением лучшего названия мы привыкли называть этот архитектурный вид “Классикой плотников”. Какими бы ни были его недостатки — а от него многого ожидать не приходится, поскольку он не претендует на звание лучшего, — он был бесконечно лучше, чем многое из того, что за ним последовало.

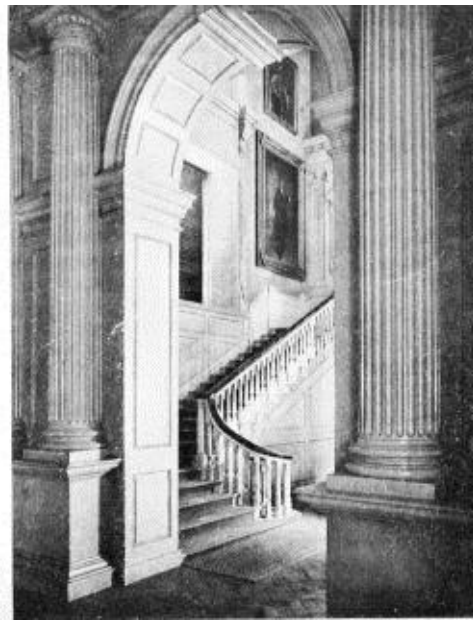
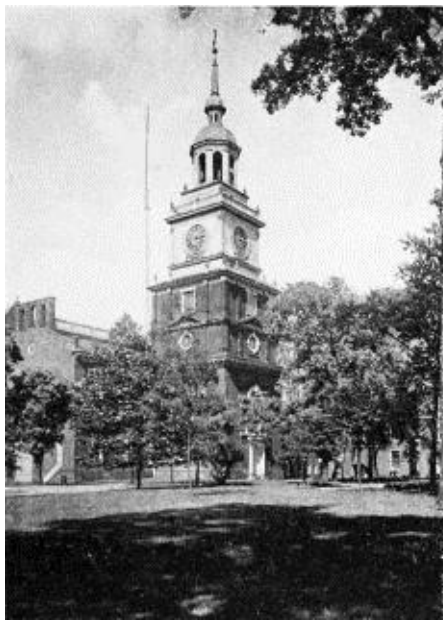
Размышляя об истории возрождения классики, можно найти многое, за что можно быть благодарным.

ДЕТАЛЬ ОКНА, ДОМ В ФИЛАДЕЛЬФИИ. ДЕТАЛЬ ДВЕРИ, ДОМ В ФИЛАДЕЛЬФИИ.

Возрождение классики.

Возрождение классики.

ДОМ ШТАТА, ФИЛАДЕЛЬФИЯ, ЮЖНЫЙ ФАСАД. 1733 ГОД. ПРИХОЖАЯ, ДОМ ШТАТА, ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

Какими бы ни были его неудачи, во многом благодаря работе, проделанной в период его господства, мы обязаны определенной традиции и прецеденту в общественной работе, которые принесли пользу и продолжают работать в наши дни.

ГЛАВА XI

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДОВ

Т Архитектура колониальной Америки, за исключением церквей, была почти полностью отечественной по своим масштабам и дала сравнительно немного примеров впечатляющих общественных зданий пропорционально площади охватываемой территории. Однако было достаточно светских общественных зданий, разбросанных по всей длине и ширине Колоний, чтобы представлять поразительное представление, будучи сгруппированными вместе, и то, чего не хватало совокупной коллекции таких сооружений с точки зрения количества, было в достаточной степени восполнено с точки зрения индивидуального совершенства или исторического интереса, или того и другого вместе, со стороны нескольких единиц. В рамках одной главы было бы явно невозможно полностью обсудить все светские общественные здания колоний, но их можно рассмотреть достаточно, чтобы дать исчерпывающее представление о гражданской архитектуре колониальных времен.

Если дома и церкви колониального периода в Америке отражают социальную и религиозную жизнь наших предков, то не менее верно общественные здания отражают гражданскую и политическую сторону их существования. Безусловно, общественные здания не лишены интереса и способности проливать свет на социальные и экономические условия, но их привлекательность для нас особенно велика благодаря их гражданскому и политическому потенциалу. Тогда мы также можем с уверенностью сказать, что они составляют большую часть декораций для драматической стороны нашей истории, и, следовательно, живописная ассоциация является мощной. С Государственным зданием в Филадельфии (Индепенденс-холл, как его стали называть в последующие годы) мы не можем не ассоциировать Декларацию независимости и разработку нашей национальной конституции одиннадцать лет спустя. Мы также не можем не связать с Фаней-холлом или Старым Государственным домом в Бостоне волнующие события, предшествовавшие началу войны за независимость.

Из всех общественных зданий в Колониях Здание правительства штата в Филадельфии, как место зарождения нашего национального существования, заслуживает первого внимания и высочайшего почета в глазах всех лояльных американцев. С архитектурной точки зрения, все общественные здания, выбранные для рассмотрения в этой главе, более или менее точно отражают местные особенности мест, в которых они были построены. Поэтому мы, естественно, ожидаем найти в Доме штата в Филадельфии образец георгианского стиля Средних колоний в лучшем его проявлении, и мы не разочарованы. С архитектурной точки зрения Государственный дом был заметным и внушительным сооружением, когда его возвели в 1733 году, и, с той же точки зрения, он был бы столь же заметным и внушительным, если бы был построен только вчера. Масштаб настолько широк и впечатляющ, что затмевает другие здания гораздо большего размера и более возвышенной структуры поблизости. В этом отношении его можно сравнить с маленьким человеком с широкой осанкой и большим достоинством, скудная мера дюймов которого не учитывается при впечатлении, производимом на его окружающих. Мы все видели таких. Хотя фактическая площадь, занимаемая Государственным зданием, невелика — всего сто футов в длину и сорок четыре фута в глубину, с башней на южной стороне или сзади размером тридцать два на тридцать четыре фута, - в комнатах такая амплитуда пропорций, размеры всех центральных элементов и детали орнамента, что посетитель инстинктивно чувствует себя в одном из величайших зданий страны, совершенно независимо от смелых воспоминаний, которыми увековечены его стены.

Если смотреть снаружи, Государственный дом - самое приятное произведение георгианской работы. Северный фасад, пронизанный единственной дверью и восемью широкими окнами на нижнем этаже и непрерывным рядом из девяти окон на верхнем, обладает завораживающим

очарованием сочетания достоинства и простоты. Дверной проем строго прост и имеет пропорции, характерные для той даты, когда было построено здание. Широкие выступы небольших застекленных окон, хорошо расположенные струнные ряды и продолговатые панели из голубого мрамора под окнами верхнего этажа разнообразят поверхность и придают ей изящество, которое совершенно не создает впечатления унылой массивности, которое иногда создают менее тщательно оформленные георгианские фасады. Белая балюстрада, идущая по всей длине здания и установленная там, где скат крыши переходит в сильно приплюснутый выступ, образующий палубу, придает дополнительную нотку изящества и легкости, хорошо сочетаясь с тройными дымовыми трубами с арочными верхушками на каждом фронтоне.

Контраст между темно-красной кирпичной кладкой башни, возвышающейся на одну ступеньку над карнизом корпуса зала, и белой деревянной надстройкой для часов, увенчанной открытым куполом над колоколом, разителен и особенно эффектен при взгляде с юга солнечным утром зимой или ранней весной, когда все украшено кружевным узором из голых ветвей окружающих деревьев. На втором ярусе южной стороны башни, сразу над дверью, находится окно в палладианском стиле, которое всегда вызывало восхищение. Дробленные капители пилястри разделительных колонн, хотя, возможно, и грубые по форме и исполнению, восхитительно подчеркивают вес и солидность башни над ними. Гротескные головы и лица в качестве украшений для краеугольных камней не очень широко использовались в нашей колониальной георгианской архитектуре, но над окнами с трех сторон самой верхней кирпичной ступени башни расположены лица, которые по пафосности выражения вполне могут сравниться с лицами на башне Крайст-Черч, которые поднимают свои, казалось бы, незрячие глаза одинаково к солнцу, снегу и слепящему дождю. Хотя их мало кто замечает из тысяч ежедневно проходящих мимо людей, они достойны внимания. Маски или гротескные головы также используются в одном или двух других местах, таких как резьба над дверью во внутренней части здания.

Особенно приятен теплый тон стен. Годы, погода, да, и грязь придали чрезвычайно мягкий оттенок твердому обожженному кирпичу, уложенному методом фламандского скрепления, и хотя глазурованные черные перекрытия, встречающиеся во многих старых домах, встречаются редко, оттенок колониального кирпича особенно насыщенный. Стены, украшенные отделкой из местного голубоватого мрамора и выветрившимися швами строительного раствора, отличаются прекрасным качеством текстуры и цвета.

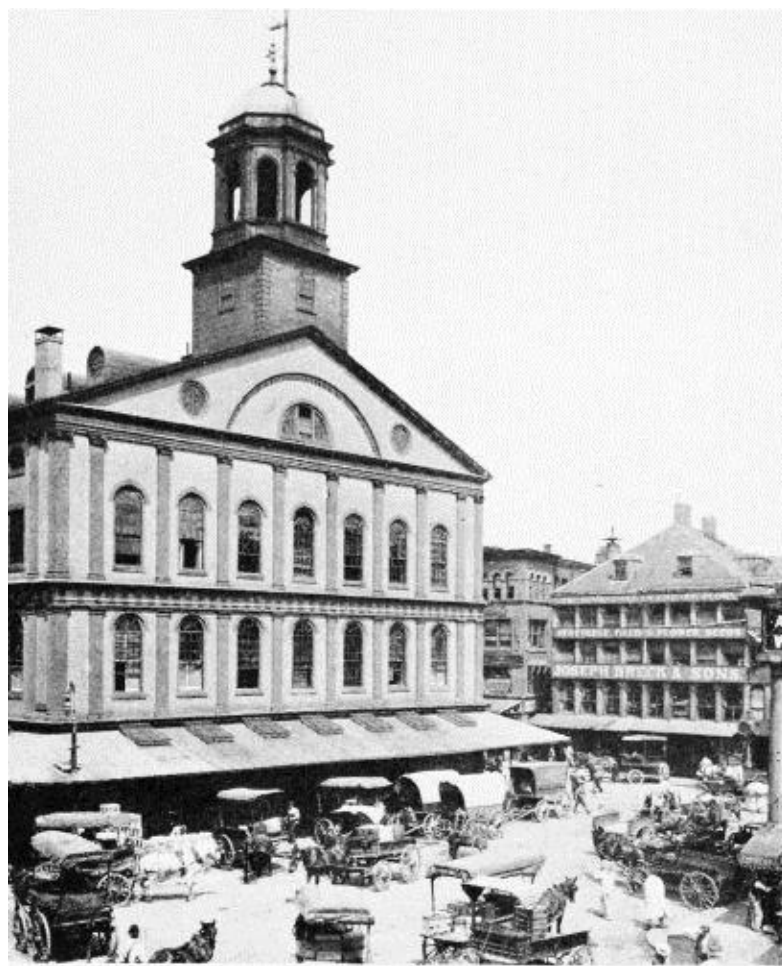
Хотя аркады с тремя арками и низкие здания с шатровыми крышами по обе стороны от Государственного здания новые, они являются результатом реставрации и соответствуют положениям первоначального плана. Этот план предусматривал строительство таких сооружений, и они были начаты через несколько лет после начала работ над основной частью Государственного здания, но позже их место заняли отвратительные казармы, спроектированные для удовлетворения потребностей общественного бизнеса, которые просуществовали до тех пор, пока последняя волна реставрации, к счастью, не убрала их.

Здание Государственного совета было спроектировано для размещения законодательной и исполнительной ветвей власти провинции. Большая восточная комната, расположенная слева от двери при входе, предназначалась для проведения Ассамблеи. В этом зале была подписана Декларация независимости, и в этом же зале одиннадцать лет спустя заседал Конституционный конвент, принявший Конституцию Соединенных Штатов. Неизвестно, предназначалась ли западная комната, расположенная через коридор и соединяющаяся с ней тремя большими открытыми арками, первоначально для Верховного суда провинции, но, во всяком случае, со временем она была приспособлена для этой цели. На втором этаже есть длинная галерея, проходящая по всей длине здания вдоль северной стороны, выходящей на Честнат-стрит, и эта квартира по-разному обозначалась как "Длинная комната", "Банкетный зал" и под множеством других названий. Окнами на юг выходят две комнаты меньшего размера, разделенные просторным

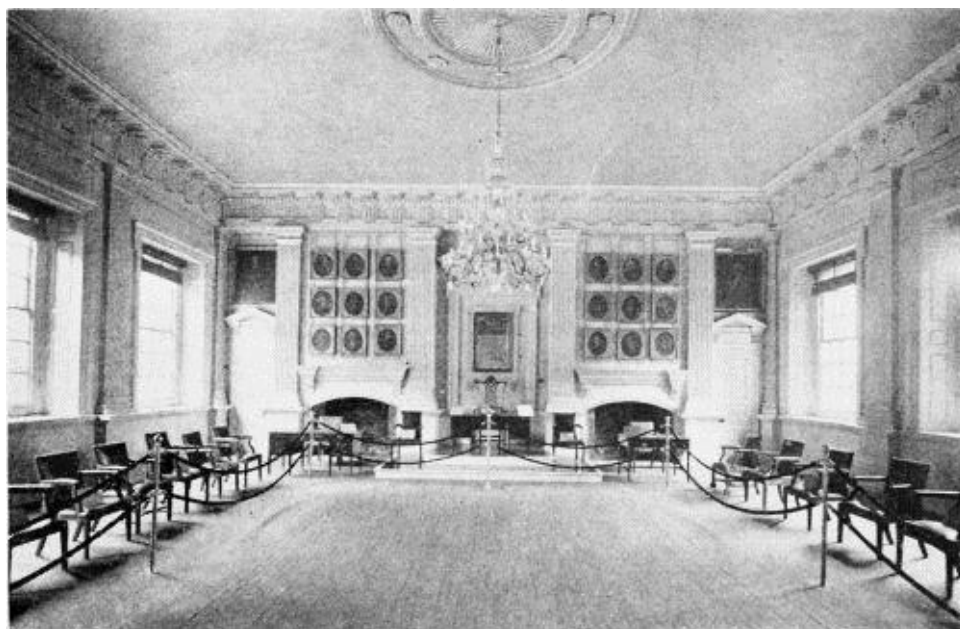
коридором или вестибюлем, который также выходит в Длинную комнату. Одна из этих комнат поменьше, по-видимому, предназначалась для Совета губернатора.

Хотя датой строительства Государственного дома был 1733 год, его завершение было завершено только восемь лет спустя. Этот факт, вероятно, в какой-то мере объясняет сходство деталей внутренней отделки из дерева со вторым георгианским типом, упомянутым в главе о георгианской архитектуре в Филадельфии и окрестностях. Дверной проем на фасаде Честнат-стрит, как по своим пропорциям, так и по строгой простоте, относится скорее к первому типу георгианского стиля, примером которого являются Стентон, Хоуп Лодж и Грэм Парк. Внутри здания, однако, мы находим лепнину в виде яиц и дротиков, модиллионные кронштейны с резьбой в виде листьев аканта, декоративные карнизы с триглифами, зубцами и музулами, рифленые колонны и пилястры с витиеватыми римскими капителями, розетки, искусно выполненные модиллионные кронштейны под ступенями лестницы, обшитые панелями откосы и косяки, декоративные фронтоны над дверями и над каминными полками и все другие детали, характерные для второго георгианского периода. Деревянная отделка Государственного дома не только чрезвычайно сложна, но и выполнена виртуозно и отличается смелостью и необычной степенью изящества.

На крайних восточном и западном концах группы Государственных домов два здания, выступающие дальше к улице, чем остальные, имеют приличный внешний вид, но довольно непритязательный. Что касается внешних архитектурных украшений, которыми может похвастаться Государственный дом, то они невинны, за исключением куполов, которые хороши. Внутри радуют детали из дерева. Западное здание, Конгресс-холл, было возведено в 1788 году; здесь состоялась вторая инаугурация Вашингтона, и здесь Джон Адамс был введен в должность президента. Восточное здание, предназначенное для мэрии, было построено в 1791 году. В то время как Филадельфия была резиденцией национального правительства, она была передана Верховному суду Соединенных Штатов, и здесь председательствовали главные судьи Джон Джей, Джон Ратледж и Оливер Эллсворт.

ФАНЕЙ-ХОЛЛ, БОСТОН, 1741 год.

КОМНАТА НЕЗАВИСИМОСТИ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОМ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

СТАРЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОМ, БОСТОН, 1728 ГОД.

В Новой Англии самыми впечатляющими светскими общественными зданиями являются Старый государственный дом в Бостоне, построенный в 1728 году, Фаней-холл, построенный в 1741 году, и Государственный дом Булфинч на вершине Бикон-Хилл, построенный в 1795 году.

Старый государственный дом, сооружение с особенно приятными пропорциями и достойным восхищения спокойствием, в полной мере отражает лучшие георгианские традиции периода его возведения как по конструкции, так и по деталям. Особенно интересен его квадратный трехъярусный фонарь, а также ступенчатые фронтоны на каждом конце с резными фигурами британского льва и единорога, которые, по-видимому, являются геральдическими опорами богато украшенной вершины с часами. Из-за этих ступенчатых фронтонов иногда выдвигалась критика, что в дизайне Старого Государственного здания прослеживаются следы голландского влияния. Хотя совершенно верно, что ступенчатые фронтоны характерны для многих голландских зданий, приписывание голландского влияния в оформлении Старого Государственного здания вряд ли может быть оправдано, поскольку нигде больше не наблюдается каких-либо намеков на голландские тенденции, а прецедент со ступенчатыми фронтонами в явно английских работах более раннего времени ни в коем случае не является недостатком. Богатый историческими воспоминаниями, из которых, пожалуй, ярче всего выделяется Бостонская резня, он заслуженно пользуется гражданской гордостью как древний центр провинциальной жизни, и отрадно видеть, с какой тщательностью и аккуратностью он был восстановлен в первоизданном виде под умелым руководством Джозефа Эверетта Чандлера, энтузиазму которого обязаны многие другие добросовестные реставрации архитектурных сокровищ Новой Англии семнадцатого и восемнадцатого веков.

Расположенный неподалеку Фаней-холл также достойно поддерживает грузинские традиции середины восемнадцатого века в своих многоэтажных фасадах, изящных пропорциях и детализированном куполе, а также в совершенстве внутренних карнизов, колонн и резных капителей. Эта “колыбель американской свободы” - поистине благородное здание и достойная декорация для волнующих исторических эпизодов, которые разыгрывались под его крышей или в тени его стен.

Государственный дом Булфинч, “образец классицизма”, как кто-то вполне уместно назвал его, является исключительно впечатляющим предвестником греческого, или классического Возрождения. Спроектированный в то время, когда изящная интерпретация георгианского стиля, представленная братьями Адам, все еще была доминирующей, он сочетает в себе характерную элегантность своей эпохи со смелой энергией классического вдохновения, почерпнутого непосредственно из античного шрифта, который отличал лучшую общественную архитектуру начала девятнадцатого века. Несмотря на изменения и дополнения, которым он подвергся, его сильная индивидуальность по-прежнему доминирует в конструкции, от которой оригинальная ткань теперь является лишь небольшой частью, и дышит широким духом постколониального достоинства.

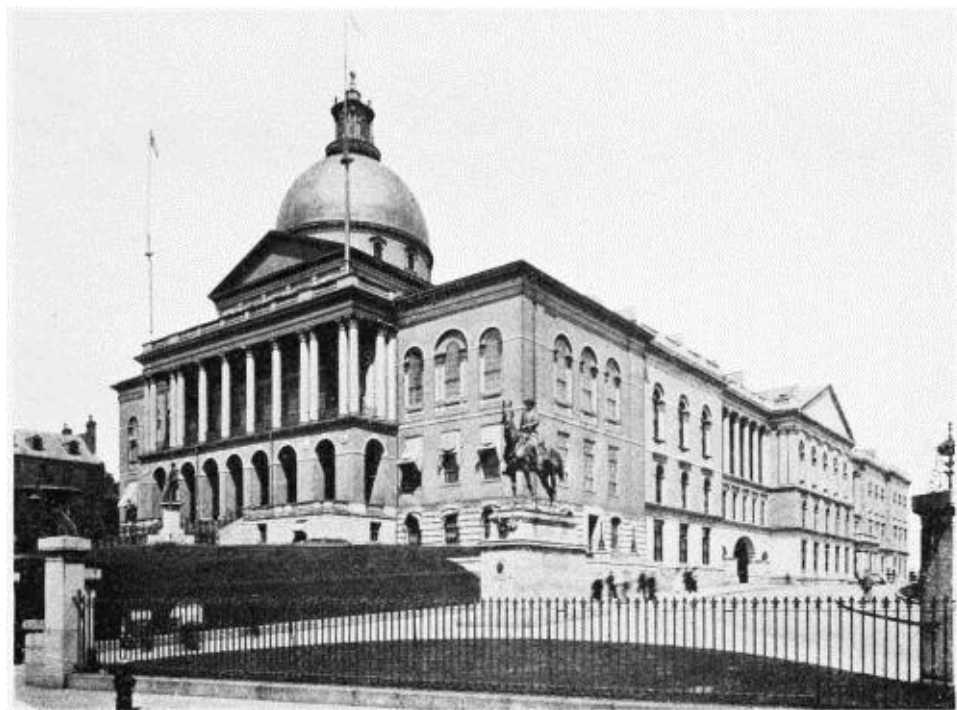
Первоначальные здания Гарварда, или, скорее, достойные преемники первых зданий, ни одно из которых не сохранилось, демонстрируют по своему плану, пропорциям и общему облику многие замечательные черты, вполне сопоставимые с лучшими современными большими зданиями в георгианском стиле в Англии, и их существенное достоинство, полностью соответствующее их назначению, отражает величайшую заслугу колониальных офицеров и благотворителей университета.

Из других колониальных или постколониальных светских общественных зданий в Новой Англии, заслуживающих восхищения и пристального изучения, о каждом из которых было бы приятной задачей написать подробно, если бы позволяло пространство, следует особо упомянуть три, прежде чем переходить к обсуждению зданий в другой части страны. Это Таможня в Салеме, которая всегда будет ассоциироваться с причудливой меланхолией литературного гения Хоторна; городской дом или Особняк штата в Ньюпорте, построенный в 1743 году по проекту Ричарда Мандея, и, наконец, Рынок или мэрия там же, построенный в 1760 году по планам Питера Харрисона, который когда-то был помощником сэра Джона Ванбру, чья тесная связь с этим выдающимся английским архитектором и последующий переезд в американские колонии проливают интересный дополнительный свет на узы, связывающие колониальные архитектурные разработки с их источником вдохновения.

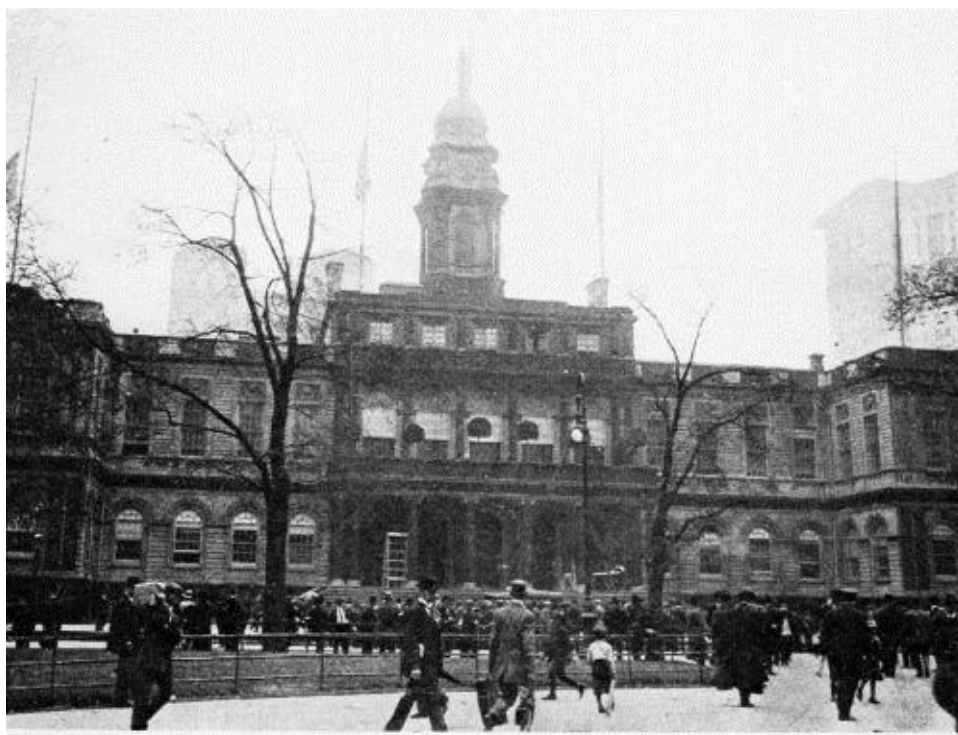
Нью-Йорк мог похвастаться величественным старым зданием Королевского колледжа; Таверной Фраунса, праздничный стол которой по случаю балов и приемов ломился от аппетитных яств, заставляя пирующих стонать от подагры на следующий день; Городской ратушей, построенной в 1803 году, чья целомудренная классическая элегантность в окружении огромных современных сооружений до сих пор красноречиво свидетельствует о хорошем вкусе граждан того периода, когда она была возведена. Генри Джеймс был очень впечатлен его “безупречным вкусом и отделкой, уменьшенным, но в то же время обширным масштабом, гармонией деталей, правильными пропорциями, скромным классическим изяществом, живым видом того типа, к которому стремились”. Глядя на такие благородные образцы архитектуры прошлого поколения, нельзя не сожалеть о том, что безжалостный размах коммерческого прогресса смел в сторону и разрушил так много памятников Нью-Йорка колониальных времен.

В колониальных городах ратуша и рынок, обычно расположенные близко друг к другу, если не занимавшие фактически одно и то же здание, согласно старому английскому обычаю, были настолько репрезентативны для видимого течения гражданской жизни, что необходимо учитывать их присутствие, хотя сейчас от них мало что осталось. Старая провинциальная ратуша или здание суда в Филадельфии, возведенное в 1707 году, было настолько типичным для этих объединенных

судебных и коммерческих структур, что, хотя оно и снесено много лет назад, заслуживает некоторого внимания в этом месте. Он стоял посреди Маркет-стрит, на углу Секонд-стрит, а за ним рыночные навесы или развалины тянулись на запад, занимая всю середину улицы и увеличиваясь в размерах год от года по мере роста города и необходимости в большем количестве жилья для фермеров. Это было солидное кирпичное строение, построенное на арках, и было похоже по характеру и внешнему виду на ратуши того времени во многих английских уездных городах. “Это было, ” писал местный антиквар в одном из своих набросков, “ важное место. Там провозглашались монархи при их вступлении на престол; отсюда объявлялись войны; и мир, когда дело доходило до благословения народа, находил голос, чтобы произнести это. Новые губернаторы обращались к народу, которым они были назначены управлять, с его балкона; там были выставлены эмблемы суверенитета, королевский герб Англии”. Там сосредоточивалась вся официальная, законодательная и административная жизнь провинции, там заседал Провинциальный совет, там проводились выборы, там была тюрьма и те страшные, но эффективные инструменты исправления, такие как позорный столб, колодки и столб для порки. Запасы, стоявшие в непосредственной близости от рынка, более грубого сорта, вызывали немалое удовольствие от забрасывания преступников перезрелыми овощами, и в воспоминаниях одного человека, который был мальчиком во времена революции, говорится, что “столб для порки и позорный столб выставлялись всегда в базарный день — тогда цены на яйца сильно росли”. Таким было старое здание суда Филадельфии, и очень похожими на него были городские дома и рынки в других колониальных городах. Одним из хороших примеров такого типа зданий, сохранившихся до сих пор, является кирпичная часть рынка на пересечении Секонд-стрит и Пайн-стрит в Филадельфии, которая почти напоминает георгианские таунхаусы, которые до сих пор можно увидеть в тихих маленьких английских торговых городках. Очень похожи на этот образец георгианского совершенства старая ратуша в Честере, штат Пенсильвания, и ратуша в Ньюкасле, штат Делавэр.

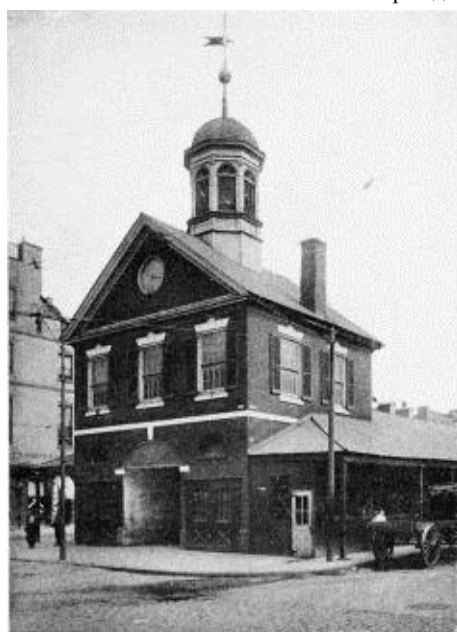
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОМ БУЛФИНЧА, БОСТОН, 1795 год.

Авторское право предоставлено Международной службой новостей.

МЭРИЯ Нью-ЙорКА.

Возрождение классики.

РЫНОК ОЛД ПАЙН-СТРИТ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ. ПЛОТНИЦКИЙ ЗАЛ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

Пытаясь составить адекватное представление о гражданской жизни колониальных времен в связи с ее архитектурным окружением, мы не должны упускать из виду гостиницы, театры, школы и больницы. Обычный человек восемнадцатого века соприкасался с общественной жизнью того периода на всех мыслимых и немыслимых этапах. Туда приезжали самые состоятельные граждане, там обсуждались общественные дела, проводились собрания, устраивались развлечения, чествовали знатных незнакомцев и путешественники находили радушный прием. Если у кого-то

есть склонность шарить повсюду и совать нос в укромные уголки, путешествие за открытиями в некоторые из наших старых городов часто будет щедро вознаграждено. На норт-Секонд-стрит в Филадельфии все еще можно нырнуть под арки и обнаружить дворы гостиниц, частично окруженные задними зданиями с балконами, которые тянутся вереницей офисов и кухонь, частично конюшнями и сараями для фургонов. Создается впечатление, что эти гостиницы были почти целиком перенесены из старого Лондона, настолько они похожи на свои английские прототипы и, можем попутно добавить, в гораздо более полной сохранности. Точно такие же постоянные дворы, как эти, служили театрами во времена Шекспира. Именно с таких постоянных дворов в старые театральные времена отправлялись почтовые кареты со щелканьем кнута и звуками рожка. Мелкие бродячие представления, которые время от времени устраивались, чтобы отвлечь наших колониальных предков видом настоящего живого льва, медведя, электрического угря или любого необычного существа, которое шоумену удавалось раздобыть, использовались для выставок во дворах гостиниц. В 1763 году Элизабет Дринкер, жившая тогда во Франкфорде, записала в своем дневнике: “Утром по этой дороге прошла львица. Заплатил 2д. за то, что увидел ее — большое уродливое животное”. Без сомнения, “большое уродливое животное” ранее выставлялось во дворах некоторых гостиниц на Секонд-стрит, поскольку по этой магистральной проходило все движение в Нью-Йорк и все места к северу.

Кофейни также были излюбленными местами сбора людей для бесед и освежающих напитков, и одной из самых известных в Филадельфии — они были практически одинаковы во всех городах — была лондонская кофейня, или Bradford's Coffee House, на углу Фронт-стрит и Маркет-стрит. Он был построен в 1702 году и представлял собой интересный образец истинно колониальной архитектуры с поразительной кирпичной кладкой, пентхаусами и остроконечной крышей. Следует отметить, что мансардная отделка крыши, очевидный пережиток английской традиции, была обнаружена на ряде других ранних зданий Пенсильвании, но практика строительства таким образом вскоре была прекращена. Уотсон в своих “Анналах” сообщает нам, что “в этой Кофейне губернатор и другие известные лица обычно заходили в установленные часы, чтобы выпить кофе из шипящего кофейника, и у некоторых из этих заявленных посетителей были свои известные прилавки. Долгое время это было центром внимания, привлекавшим всевозможных благородных незнакомцев; общее шествие проходило за пределами дома под навесом обычной постройки, простиравшимся от дома до водосточной канавы, как со стороны Фронт-стрит, так и со стороны Хай-стрит. Именно сюда, как в самое общественное место, они привозили все виды лошадей, экипажей, бакалею и т.д., и, прежде всего, сюда филадельфийцы когда-то продавали негритянских мужчин, женщин и детей в рабство”.

Следует искренне сожалеть, что Лондонская кофейня, как и ее ближайший сосед, Провинциальный зал, были снесены много лет назад, поскольку, помимо ее архитектурного интереса, ее исторические ассоциации были важны и тесно связаны не только с местными событиями, но и с событиями, имевшими отношение к делам всей страны. Одним из них стало начало противостояния Закону о чае, которое началось в Филадельфии, а не в Бостоне, как принято считать. “Когда налог на чай был снижен до трех пенсов за фунт, казалось, что все были настроены платить его. В этот момент, когда ожидалось прибытие новой партии товара от Ост-Индской компании, Уильям Брэдфорд собрал в Кофейне нескольких граждан, которые, как он знал, были горячо настроены против мер британского правительства, и вместе они составили ряд энергичных резолюций по чайному вопросу. В следующую субботу, 16 октября 1773 года, в Государственном доме состоялось ‘большое и респектабельное городское собрание’ под председательством доктора Томаса Кадваладера, и резолюции были приняты с энтузиазмом. Почти сразу же после этого те же резолюции были приняты, почти слово в слово, городским собранием в Бостоне (5 ноября 1773 г.), где стремление принимать чай стало всеобщим из-за идеи, что противодействие ему не будет поддержано ни одной из других колоний”.

До середины XVIII века американская публика не предпринимала никаких организованных усилий для представления драматических представлений, и, следовательно, до этого времени

театры не числились среди общественных зданий. Однако сразу после середины века из Англии прибыла акционерная компания и начала серию мероприятий в разных городах Колоний. Часть людей сердечно приветствовала их, но по большей части они встретили равнодушный, если не активно враждебный прием. Тем не менее, несмотря на все сопротивление, они выстояли и со временем заняли прочное положение в общественной жизни того времени. Сначала они приспособивались к помещениям, импровизированным в виде складов или других зданий, которые могли быть временно приспособлены для их назначения, но в конце концов возникла необходимость в сооружениях, спроектированных специально для удовлетворения их потребностей. В 1759 году на Саут-ор-Сидар-стрит, Саутуорк, Филадельфия, был построен небольшой деревянный театр, но использовался он недолго. Его место вскоре заняло второе строение, построенное в основном из кирпича, дальше по Саут-стрит, над Четвертой. Этот кирпичный театр был открыт 21 ноября 1766 года, “и был первым постоянным зданием, используемым в театральных целях в Америке”. И это здание, и его деревянный предшественник находились на *южной* стороне Саут-стрит и, следовательно, в Саутуорке, поскольку юрисдикция городских властей Филадельфии заканчивалась на *северной* стороне этой магистрали. В Саутуорке было больше свободы действий, и как первый, так и второй театры были расположены там, чтобы избежать яростного сопротивления влиятельных квакеров, которые неодобрительно относились к драматическим представлениям и настаивали на том, что “актерская практика будет” сопровождаться вредными эффектами, такими как поощрение праздности и вытягивание больших сумм денег у слабых и невнимательных людей ”.

В этот театр Саутуорка было вложено все богатство, красота и мода Филадельфии, в то время столицы колоний. Там до 1773 года “Американская труппа” проводила свой регулярный сезон, и, несмотря на враждебность квакеров, Филадельфия была самым важным театральным центром из всех колониальных городов. Во время острых проблем с Метрополией, предшествовавших началу революции, и пока шла эта борьба, старая акционерная компания была изгнана из Филадельфии, поскольку большинство ее членов были лояльными британскими подданными. Пока длилась британская оккупация Филадельфии, офицеры Лорда Хоу давали любительские представления в театре Саутуорка, жертвуя вырученные средства в пользу “вдов и сирот армии”. Несчастный майор Андре принимал активное участие в этих драматических усилиях и не только играл, но и помогал в написании декораций, и один опускающийся занавес, носящий его имя как художника, использовался до тех пор, пока он не был уничтожен катастрофическим пожаром в 1821 году. Это обстоятельство и тот факт, что генерал Вашингтон во время своей резиденции в Филадельфии в качестве президента Соединенных Штатов часто посещал представления, занимая одну из театральных лож, над которыми герб Соединенных Штатов заменил герб Великобритании, придали необычный интерес этому первому постоянному американскому театру. Это было прямоугольное здание с низким двускатным торцом, обращенным к фасаду улицы, и лишенное каких-либо архитектурных претензий, за исключением трех круглых окон над дверью и скромного купола на коньке крыши. Только северная стена старого здания все еще стоит и включена в структуру винокурни, которая находится на месте театра.

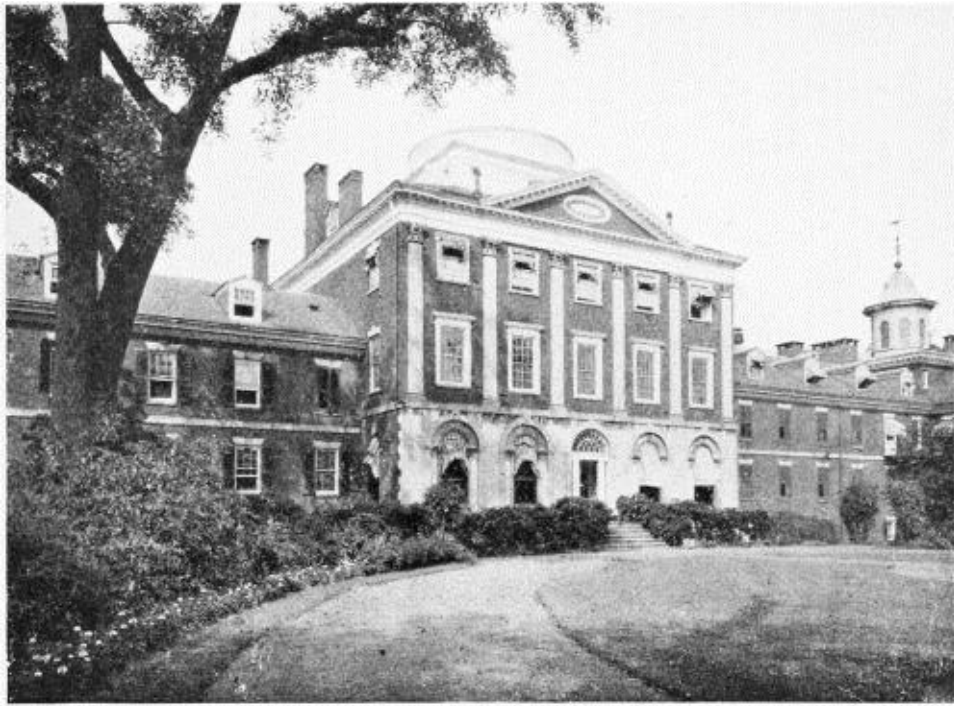
В 1793 году Чарльз Булфинч построил первый театр в Бостоне, а в 1794 году “Новый театр” был открыт в Филадельфии, на углу Шестой и Честнат-стрит. Он был спроектирован в гораздо более претенциозной и величественной манере, чем старый театр Саутуорка, и демонстрировал грядущее влияние классического возрождения. Впереди располагался длинный портик или аркада с колоннами, и весь фасад демонстрировал значительное архитектурное обогащение формального характера. Его можно рассматривать как полностью типичный образец новых архитектурных тенденций и представитель лучших игровых домов, которые возводились в течение ряда последующих лет.

Пенсильванский госпиталь был самым заметным сооружением восемнадцатого века в своем роде, и с течением лет его безупречное архитектурное совершенство становится все более очевидным. Единственные попытки украсить здание находятся в центральном павильоне и

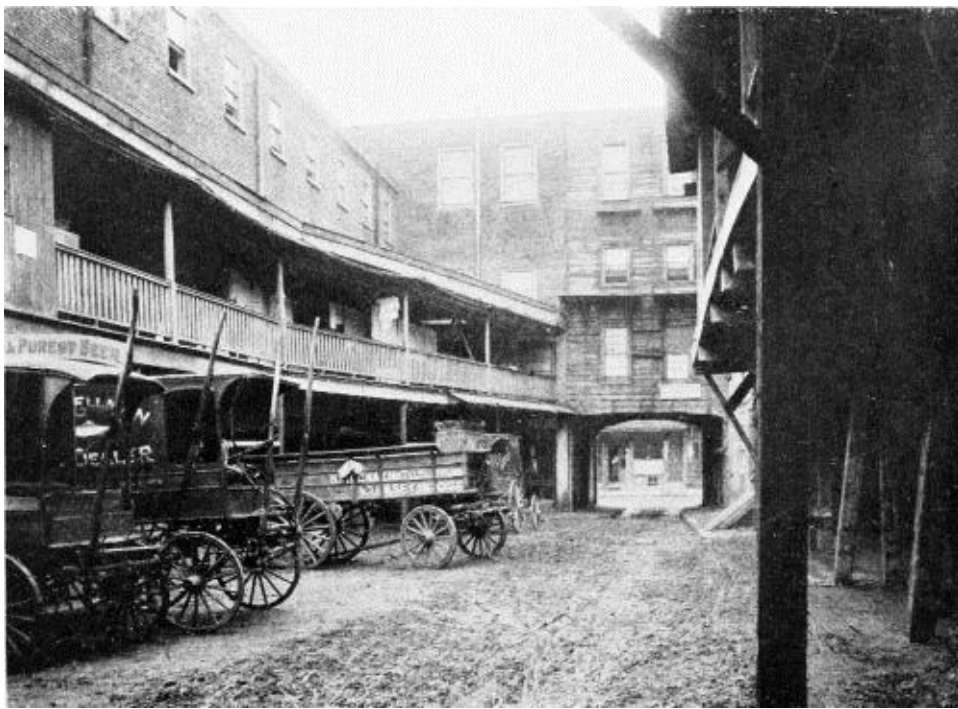
одновременно продуманны и сдержанны. Вся остальная часть здания была выполнена с предельной простотой восточного крыла, которое было первой частью, которая была построена в 1753 году. Нигде нельзя было найти более поразительного примера преобразующей силы струнного ряда контрастного цвета на строго однотонной стене. Белая струнная дорожка, рельефно выделяющаяся на фоне темно-красных кирпичных стен и проходящая между рядом оконных проемов на первом этаже и подоконниками верхнего этажа, придает чрезвычайно простому экстерьеру очарование и достоинство, которые выделяют его из голой строгости фабрики или казармы. За исключением этой струнной дорожки и купола на крыше, эта старейшая часть больницы и соответствующее западное крыло лишены архитектурных украшений, но их правильные пропорции и легкая амплитуда размеров особенно радуют глаз.

Среди общественных зданий колониального периода, примечательных как своим архитектурным характером, так и историческими ассоциациями, Карпентерс-холл в Филадельфии, где проходили сессии первого Континентального конгресса, требует внимания всех патриотически настроенных американцев. Помимо своей исторической значимости, Плотницкий зал вызывает восхищение каждого любителя грузинской архитектуры в ее самом прочном проявлении. Здание Государственного совета в Аннаполисе, здание суда в Уильямсбурге, Здание таможни в Чарльстоне и другие общественные здания аналогичного характера придавали гражданской жизни колониальных и постколониальных времен элемент достоинства и уравновешенности.

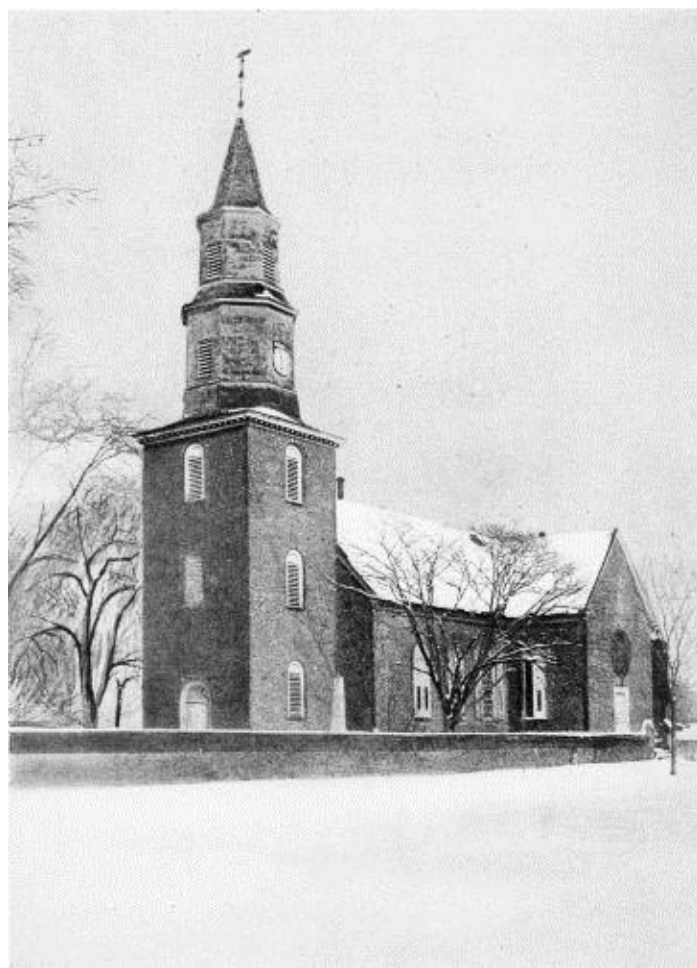
Возрождение классицизма имело одно из своих первых значительных проявлений в зданиях Университета Вирджинии, группе, за которую мы должны благодарить не меньше человека, чем Томаса Джефферсона. План воплощал в себе самую всеобъемлющую строительную схему, которая когда-либо была опробована. Разборчивому архитектурному вкусу Джефферсона и добросовестной преданности своей добровольной задаче в качестве архитектора и руководителя работ мы обязаны тем, что университетские здания достойно представляют одну из лучших фаз возрожденного классицизма в Америке. В концепции Джефферсона о возрожденном классицизме есть достоинство и честность, а также абсолютная искренность, которой часто не хватало в более поздних работах той же школы. Достигнутый результат вызывает наше уважение, и когда мы вспоминаем, что части планов и отдельные детали были записаны на клочках бумаги и на обратной стороне нацарапанных меморандумов, мы не можем не задаться вопросом, что произошло бы, если бы в наши дни придерживались того же, казалось бы, небрежного и бессистемного курса. Несомненно, именно восторженная преданность архитектора и его постоянный надзор, а также добросовестные усилия и гордость каждого ремесленника спасли положение, как это было во многих других случаях.

БОЛЬНИЦА ПЕНСИЛЬВАНИИ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

ГОСТИНИЦА "БЛЭК ХОРС ИНН ЯРД", ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

ПРИХОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ БРУТОНА, УИЛЬЯМСБУРГ, Вирджиния, 1714 ГОД.

ГЛАВА XII

ЦЕРКВИ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

ИТ - это далеко не первое место поклонения, сооруженное в Джеймстауне в 1607 году, и не величественные храмы, воздвигнутые в восемнадцатом веке во всех колониях. Однако через каждую последующую стадию развития проходит нить преемственности, соответствующая материальным условиям колонистов. Повсюду в Колониях церковные здания были чрезвычайно важным сооружением, и ни одно здание или комплекс зданий в каждой общине более точно не отражали социальные и политические, а также религиозные условия колонистов. Оставляя в стороне гражданское и оборонительное назначение, для которого часто использовались церковные здания, особенно в ранний период, и ограничиваясь чисто церковной стороной их существования, мы обнаружим, что они являются бесценным указателем на различные аспекты жизни того времени.

Ради контраста, как исторического, так и архитектурного, не лишним будет процитировать рассказ капитана Джона Смита о первом месте поклонения в Вирджинии, чтобы мы могли в полной мере осознать успехи, достигнутые слабым Джеймстауном, начиная с 1607 года. Он говорит: “Это была наша церковь, пока мы не построили невзрачное сооружение, похожее на сарай, поставленный на доски, покрытый плотами, осокой и землей; такими же были и стены. Лучшие из наших домов [были] столь же любопытны; но большая их часть была гораздо худшей работы, которая не могла хорошо защитить ни от ветра, ни от дождя. И все же у нас была ежедневная Общая молитва, утром и вечером; каждое воскресенье две проповеди; и каждые три месяца Святое Причастие, пока не умер наш священник; но наши ежедневные молитвы с проповедью о мороженом мы продолжали два или три года спустя, пока не пришли наши проповедники”. Слова “пока не пришли наши проповедники” означают, конечно, преемников преподобного мистера Ханта, сопровождавших экспедицию.

При изучении истории старых приходов и конгрегаций скорее правилом, чем исключением, является возведение двух или трех последовательных молитвенных домов, поскольку средства и растущее число людей сделали это возможным или целесообразным, чтобы заменить прежние строения из более убогой ткани, которые, по-видимому, с самого начала рассматривались просто как временные места сбора, предназначенные служить только до тех пор, пока не будут возведены достойные здания. Некоторые из самых ранних церквей были просто блочными домами или фортами, иногда окруженными частоколом, что свидетельствовало о готовности верующих к физической и духовной воинственности в их стенах, но они были заброшены, как только растущее процветание и большее чувство безопасности от нападений враждебных дикарей потребовали более мирного и удобного типа зданий для религиозных целей.

Конечно, в некоторых частях колоний характер зданий, возведенных для религиозных целей, указывал на преобладающую местную церковную организацию. На Юге, особенно в Вирджинии и Мэриленде, где Англиканская церковь была признанной доминирующей организацией, а Церковь и государство были тесно связаны, мы находим церкви, соответствующие английским церковным традициям. В Средних колониях, где свобода вероисповедания была беспрепятственно разрешена, мы находим большее разнообразие, включая сооружения, специально приспособленные для богослужения Англиканской церкви, дома собраний квакеров и здания, предназначенные для размещения различных немецких сект. В теократической Новой Англии, хотя здания Англиканской церкви можно было встретить время от времени, повсюду преобладал простой тип молитвенного дома, соответствующий конгрегационной форме богослужения.

А теперь давайте на мгновение взглянем на поведение людей, которые посещали эти церкви воскресенье за воскресеньем. Мы найдем среди них крайности как мирской пышности и показухи, с одной стороны, так и смиренной простоты, с другой, когда они приступали к еженедельному

исполнению своих религиозных обязанностей. Наши колониальные предки, какими бы демократичными некоторые из них ни были в религиозных принципах или как бы сильно некоторые из них ни осуждали установленные церемониальные формы, были, почти без исключения, большими почитателями людей, и ни в коем случае они не проявляли этот общий недостаток в большей степени — он столь же распространен в родственных формах в наши дни — чем в своих методах рассадки прихожан в соответствии с общепринятой ценностью отдельных членов.

На Юге у лордов поместий или сквайров, как и в Англии, были свои большие квадратные скамьи в алтаре или, возможно, целый трансепт был зарезервирован исключительно для их семьи, иждивенцев или арендаторов, как это было, например, в Крайст-Черч, графство Ланкастер, Вирджиния, где Роберт (“король”) Картер, на чьи средства было построено это здание, сделал такую оговорку. Собственная семейная скамья “короля”, обшитая высокими панелями, прямо перед кафедрой, имела латунные перила по верху, с которых со всех сторон, кроме той, что напротив кафедры, свисали дамасские занавески. Это защищало пассажиров, когда они вставали, от взглядов грубых любопытствующих.

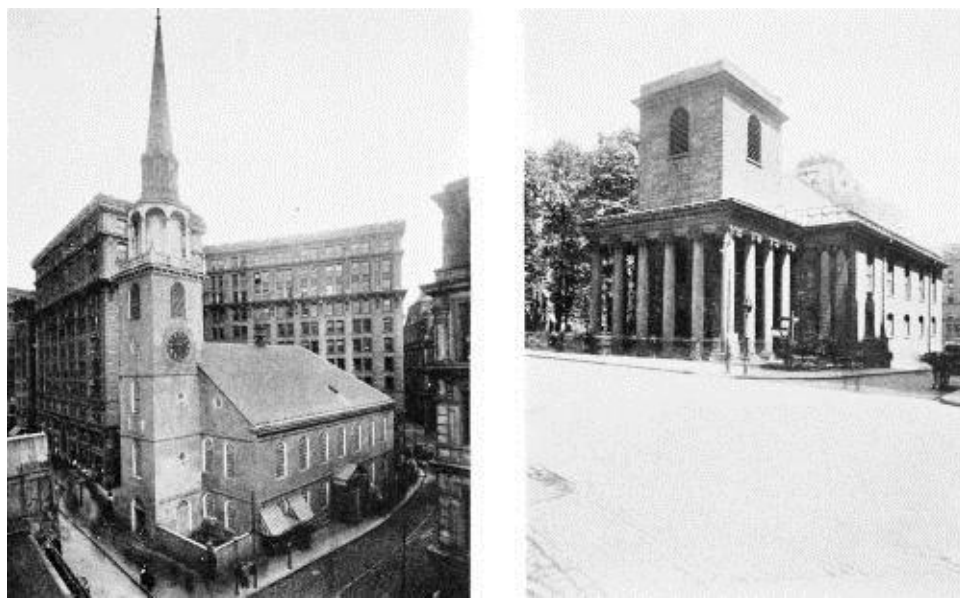
После переноса резиденции правительства Вирджинии из Джеймстауна в Уильямсбург в 1699 году приходская церковь Брутона стала “придворной церковью” колонии, и “официальное различие было признано и подчеркнуто” в порядке рассадки. Историк прихода, описывающий нынешнее здание, строительство которого было завершено в 1715 году, говорит: “Его превосходительству губернатору и его Государственному совету была отведена скамья, приподнятая над полом, с красным бархатным балдахином, вокруг которого золотыми буквами было выбито его имя, измененное по мере того, как Спотсвуд, Драйсдейл, Гуч, Динвидди, Фокье, лорд Ботетур и лорд Данмор вступали в должность. На квадратных скамьях трансептов сидели члены Палаты представителей, скамьи на хорах были отведены Генеральному инспектору и приходскому настоятелю, в то время как на нависающих галереях в трансепте и вдоль боковых стен церкви сидели спикер Палаты представителей и другие богатые и знатные люди, которым время от времени предоставлялась привилегия возводить эти частные галереи”.

В городских церквях из-за большего числа важных людей вопросы приоритета при рассадке были более сложными, чем в сельской местности. В Аннаполисе в церкви Святой Анны, в Церкви Христа в Филадельфии, а также в “придворных церквях” в Нью-Йорке и Бостоне скамьи королевских губернаторов были отмечены соответствующими символами величия государства, королевский герб, вырезанный из орехового дерева, который когда-то висел над креслом вице-губернатора, до сих пор хранится в Церкви Христа в Филадельфии. Младшие сановники расселись в должном порядке, подобающем их положению.

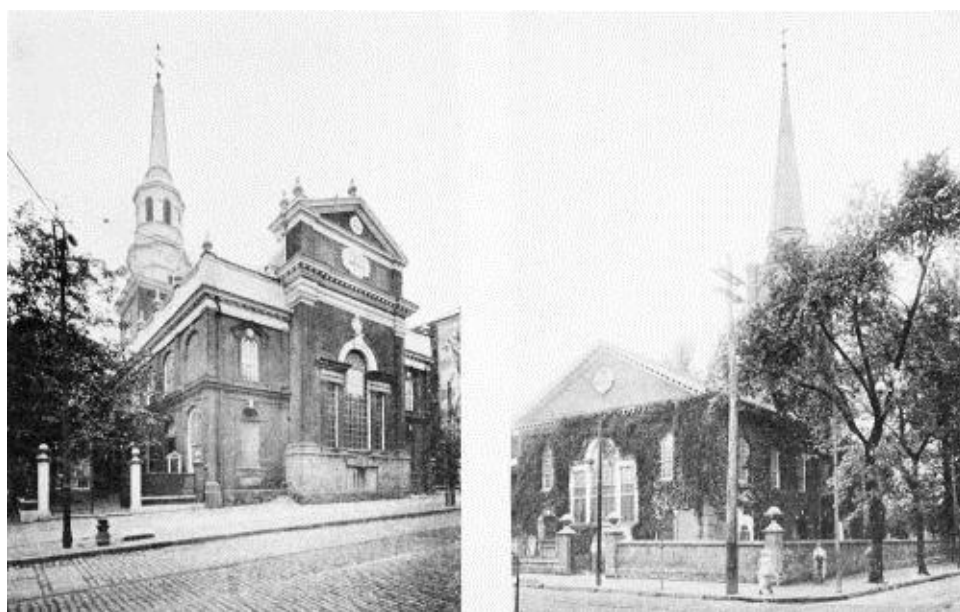
В более ранний период в Новой Англии, по-видимому, было обычным делом, когда мужчины садились по одну сторону церкви, а женщины — по другую. Впоследствии семьи садились вместе. Чтобы избежать пререканий и разногласий по поводу очередности, не было ничего необычного в назначении комитета для “придания собранию достоинства”. Члены этих комитетов время от времени менялись, “чтобы устранить любые последствия пристрастия из-за родства, дружбы, личного уважения или долга”. Был назначен второй комитет для рассадки членов первого комитета в соответствии с их надлежащим рангом. В своей очаровательной книге “Шабаш в пуританской Новой Англии” Элис Морс Эрл пишет:

“Иногда с трех сторон первого этажа строился ряд квадратных скамей, и каждую скамью занимали отдельные семьи, в то время как кафедра находилась с четвертой стороны. Если какой-либо человек желал иметь такую отдельную скамью для себя и семьи, он получал разрешение от церкви и города и строил ее за свой счет. Непосредственно перед кафедрой находилось либо длинное сиденье, либо квадратная закрытая скамья для дьяконов, которые сидели лицом к собравшимся. Обычно она находилась на фут или два выше уровня других скамей, и на нее можно было подняться по двум или трем крутым узким ступенькам. На еще более высоком уровне находилась скамья для правящих старейшин, когда там были правящие старейшины. У магистратов также была

скамья для особого использования. То, что мы сейчас считаем лучшими местами, теми, что находятся в центре церкви, в прежние времена было свободными местами”.

СТАРАЯ ЮЖНАЯ ЦЕРКОВЬ, БОСТОН. 1730. КОРОЛЕВСКАЯ ЧАСОВНЯ, БОСТОН.

ЦЕРКОВЬ ХРИСТА, ФИЛАДЕЛЬФИЯ. 1727. ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО Петра, ФИЛАДЕЛЬФИЯ. 1761.

“Впереди, по обе стороны от кафедры (или, очень редко, в первом ряду галереи), располагались сиденья высочайшего достоинства, известные как ”переднее сиденье“, на котором сидели только самые важные люди в общине”.

Не только в Новой Англии, но и в других Колониях места и скамьи на галереях, по-видимому, считались наиболее желанными людьми высокого положения в обществе по сравнению с особо возвышенными местами внизу.

Во многих местах, особенно в Средних и Южных колониях, церкви считались наиболее достойными местами захоронения влиятельных лиц, и их надгробия с гербами и надписями, почти стертыми ногами поколений верующих, можно увидеть в проходах и на тротуарах алтарей. Алтарь считался самым почетным местом захоронения, и в качестве примера этого можно упомянуть могилу генерала Форбса, героя форта Дюкен, в алтаре Церкви Христа в Филадельфии. Джон Пенн,

один из профессиональных священников, похоронен у подножия ступеней алтаря. В этой связи интересно отметить, в порядке исключения, что судья Мур из Мур-Холла, крепкий старый лоялист Пенсильвании и самый влиятельный человек в приходе Сент-Дэвид, Рэднор, распорядился, чтобы он и его жена, леди Уильямина Уэмисс, были похоронены у порога церкви. Инкубаторы с эмблемами часто использовались во время похорон, и некоторые из них до сих пор сохранились в наших старых церквях. Как и в Англии, на протяжении большей части восемнадцатого века в Колониях было модно хоронить известных людей ночью при свете факелов.

Во многих ранних церквях наблюдалось полное отсутствие единообразия в стиле используемых сидений или скамей, и влиятельным лицам часто разрешалось покупать помещения внутри церквей и устанавливать собственные скамьи в соответствии с их личными предпочтениями. Пространство, не занятое этими частными скамьями, иногда заполнялось передвижными скамейками, табуретками или стульями, и для более скромных членов общины не было ничего необычного в том, что они приносили свои места с собой и ставили их везде, где только могли найти место. Мы находим множество свидетельств такого положения вещей в таких отдаленных друг от друга местах, как простой сельский приход Сент-Дэвидс, Рэднор, в Валлийском баронстве и Королевская часовня в Бостоне. В первые дни члены конгрегации Святого Давида приносили туда невзрачные скамьи, указанные в их списке, и только в восемнадцатом веке грубые скамьи были обставлены и “взяты напрокат для поддержки Церкви”. Только в середине восемнадцатого века приходские записи свидетельствуют о существовании скамей, и, по-видимому, тогда возобладал обычай “продавать участок земли внутри церкви, на котором покупатель имел привилегию построить такую скамью, какую он пожелал”. При такой системе или, скорее, ее отсутствии в рассадке, похоже, время от времени возникали ссоры, о чем мы можем судить по следующей минуте в старом реестре:—

“26 октября 1747 года. Принимая во внимание, что возникли разногласия между Фрэнсисом Уэйном и его братом Айзеком Уэйном [отцом генерала Энтони Уэйна] по поводу их Прав на покойных Энтони Уэйна и Джона Хантера из пью, и Ризнице кажется, что вы правы. Фрэнсис и Исаак купили Землю Пью и sd. Исаак построил на части земли ризницу, согласен, что sd. У Фрэнсиса есть основания для присоединения вестсайда на половину пью к Ричарду Хьюзу и У.М.. Пью Оуэна ”.

Еще в 1763 году “Ризница предоставила Роберту Джонсу привилегию построить скамью на участке земли в церкви Святого Давида, примыкающем к скамье Уэйна и Хантера”, он заплатил за землю *4 10 фунтов стерлингов*.”В королевской часовне в Бостоне ризница “предусматривала, что каждый прихожанин должен оплатить стоимость строительства своей собственной скамьи; это было сделано соответствующим образом, но без какого-либо единообразия, так что интерьер старой церкви, должно быть, представлял забавное разнообразие работ.... Стены были украшены знаменами, гербами и гербовыми доспехами короля Англии, знати и джентри конгрегации и губернатора провинции, а интерьер считался настолько великолепным и роскошным, что был пятном на религии Массачусетса”.

Как и следовало ожидать, когда так много внимания уделялось выделению каждому члену общины места, соответствующего его достоинству, вопрос о подходящей одежде встал перед нашими предками, и от одного конца Колоний до другого они поддались искушению предстать перед соседями в своих лучших оборках и меховых поясах, так что воскресная церковная служба часто превращалась еще и в показ одежды. Эта страсть к показухе была доведена до такой степени, что привела к появлению обычая в некоторых сельских приходах Новой Англии, на который ссылается Элис Морс Эрл. Она говорит: —

“Одно очень приятное отвлечение внимания прихожан от пастора было вызвано невинным обычаем, который преобладал во многих сельских общинах. Только представьте себе суматоху июньского шаша в Киллингсли в 1785 году, когда Джозеф Гэй, одетый в бархатный сюртук, кружевную рубашку с оборками и белые суконные бриджи до колен, со своей новобрачной, с которой прожил несколько дней, великолепной в шелковом платье персикового цвета и шляпке, отделанной “шестнадцатью ярдами белой

ленты", поднялся посреди проповеди со своего переднего места на галерею и постоял несколько минут, медленно поворачиваясь, чтобы со всех сторон продемонстрировать свой свадебный наряд жадно взирающим на него друзьям и соседям. Таков был действительно восхитительный и продуманный обычай в те далекие от моды дни среди богатых людей в этой и других церквях; по сути, это была часть свадебного торжества. Даже в середине зимы, в ледяной церкви, покрасневшая невеста сбрасывала свою суконную накидку или камблет рокело и вставала, одетая в расшитое веточками индийское муслиновое платье с тонкой кружевной застежкой на шее, согретая гордостью за свое красивое платье, белую шляпку со страусовыми перьями и вышитой вуалью, а также за своего нового мужа".

Если бы тот же обычай не преобладал в других частях страны, несомненно, члены конгрегации имели достаточно возможностей и воспользовались ими наилучшим образом, чтобы внимательно изучить одежду своих собратьев по вере. Следует, однако, опасаться, что их нарядному наряду иногда наносился ущерб из-за недостаточно протертых сидений, поскольку мы читаем, что пономарь церкви Христа в Филадельфии, вероятно, самой богатой и великолепной церкви в Колониях, подав в 1761 году прошение об увеличении жалования, было решено выплачивать ему "20 фунтов стерлингов в год при условии, что он будет "мыть церковь два раза в год и шлифовать ее на Пасху и всубботу сентября; а также подметать церковь *раз в две недели*".

Музыка носила чрезвычайно безразличный характер с художественной точки зрения и не всегда была назидательной и искренней со стороны прихожан. В Новой Англии музыкальные инструменты появились только после бури ожесточенного сопротивления и всеобщего отвращения к "коробкам со свистками", как презрительно называли органы. Даже в Средних и Южных колониях, где не существовало предубеждения против инструментов, музыка часто должна была вызывать беспокойство. Еще раз обратившись к Церкви Христа, мы читаем, что "певцом, которого тогда называли Клерком, был Джозеф Фрай — невысокий мужчина с великолепным голосом, который, стоя на органной галерее, имел обыкновение оглашать всю церковь своими сильными, глубокими и серьезными тонами". Когда после Революции в общей музыкальной ситуации наметилось некоторое улучшение, "усилия церковных музыкантов по повышению уровня музыки, по-видимому, не были восприняты благосклонно. Джозеф Фрай или его преемники не "производили веселый шум перед Господом", что пришлось по вкусу прихожанам, поскольку в 1785 году ризница приняла постановление, "чтобы клеркам было желательно петь только те мелодии, которые понятны и знакомы прихожанам; пение других мелодий и частая смена мелодий, насколько известно этой ризнице, в целом неприятны и неудобны".

Хотя первых поселенцев Новой Англии сначала созывали на собрание "барабаном, рожком и раковинной", вскоре появились колокола, и в Средних и Южных колониях их стали очень ценить, и сюда из Англии привезли не один прекрасный звон. Колокола Крайст-Черч в Филадельфии были особенно знамениты и постоянно звонили, так что немецкий путешественник доктор Шепф сказал, что можно подумать, что находишься в папском или имперском городе — всегда есть во что позвонить. "С того момента, как "колокольный звон" — первый в Колониях — был впервые вывешен, их металлические глотки были заняты провозглашением всевозможных событий, начиная с годовщин реставрации короля Чарльза, Дня Гая Фокса и Дня рождения короля, вплоть до проводимых раз в полгода ярмарок или прибытия в Делавэр "Миртиллы", корабля капитана Баддена, на котором колокольный звон был доставлен из Лондона".

В предыдущей главе упоминалось о великолепных экипажах, в которых богатые люди Северных и Средних колоний приезжали в церковь. Для полноты картины необходимо добавить несколько слов о том, каким образом прибыли южные конгрегации. В то время как некоторые из очень богатых людей ехали в церковь в своих государственных каретах, подавляющее большинство возвращалось верхом, поскольку расстояния были слишком велики, чтобы преодолевать их пешком. Лошади были привязаны группами к деревьям вокруг церквей, и общепризнанным обычаем было собираться прихожанам во дворе церкви до и после службы, и они с радостью воспользовались предоставленной таким образом возможностью для общения. В

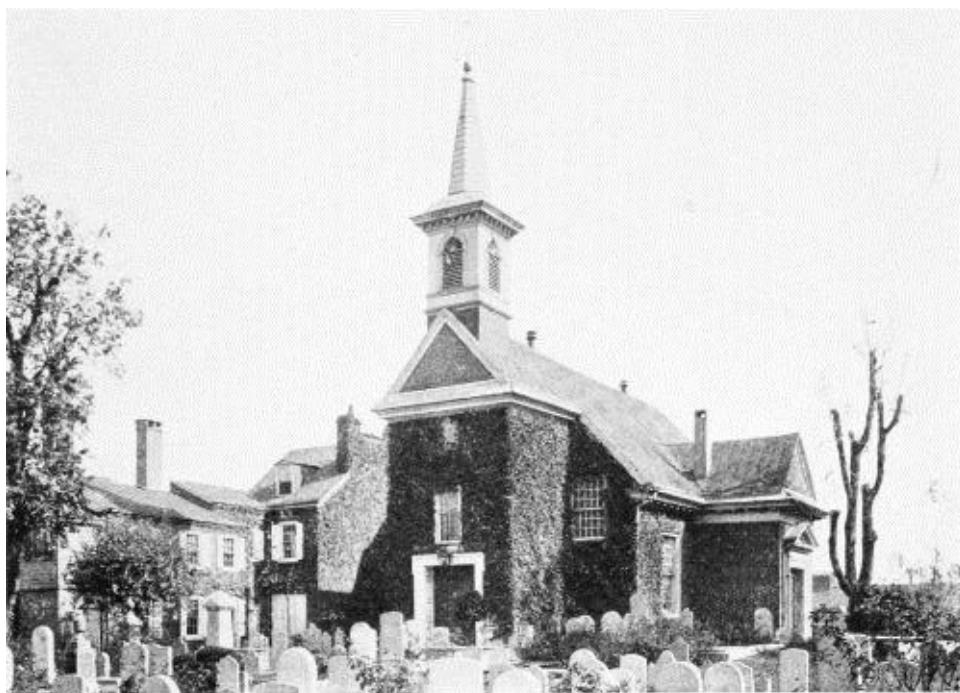
сельских районах Юга и по сей день царит та же ситуация, и оседланных лошадей и багги можно встретить группами под всеми деревьями возле здания церкви или в сараях, где таковые имеются.

А теперь перейдем к рассмотрению архитектурных особенностей церковных зданий в нескольких колониях. Начнем с церковных зданий в Вирджинии, поскольку они были самыми ранними. В Старом Доминионе сохранились только два сооружения семнадцатого века, но они достаточно самобытны, чтобы дать нам вполне определенное представление об архитектурных идеалах, которые двигали колонистами Вирджинии. Это собор Святого Луки в Смитфилде, построенный в 1632 году, и собор Святого Петра в округе Нью-Кент, построенный в самом начале восемнадцатого века, но настолько повторяющий тип первого упомянутого здания, что его можно причислить к сооружению семнадцатого века. Помимо этих двух, есть башня старой церкви в Джеймстауне, к которой в ходе реставрации был пристроен корпус, выполненный по образцу церкви Святого Луки в Смитфилде.

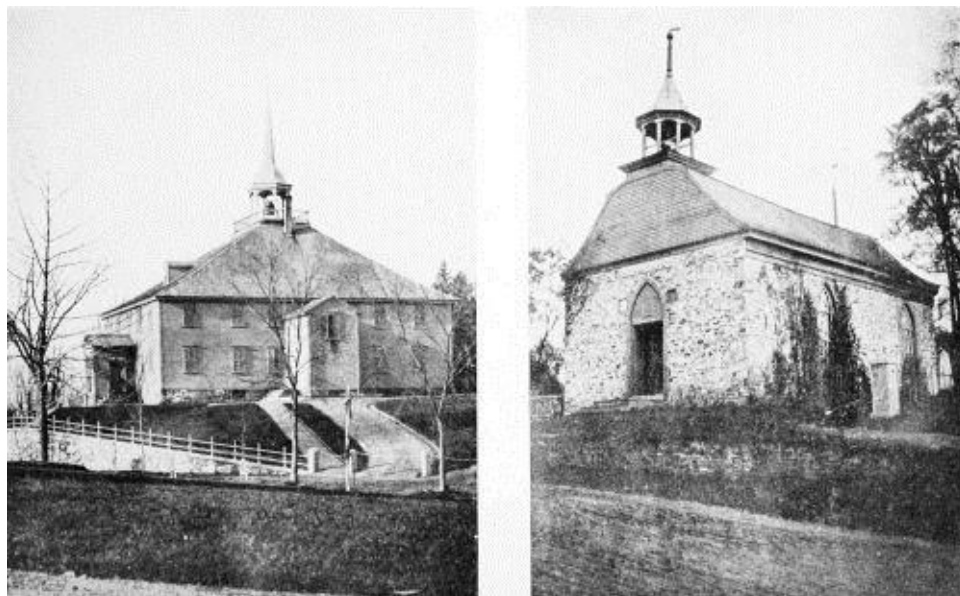
Собор Святого Луки представляет собой прочно построенное прямоугольное кирпичное строение с крутой скатной крышей и тяжелой квадратной башней в три яруса на западном конце. Обрамление восточного фронтона необычно ступенчато, что наводит на мысль о голландском или фламандском влиянии. Общий вид здания напоминает сельскую английскую деревенскую церковь, которая, возможно, была перенесена в новое окружение. В его контурах, пропорциях или деталях мало что напоминает о вдохновении эпохи Возрождения, доминировавшей в то время в Англии, скорее это отдает старой английской готикой, которая характеризовала многие сооружения шестнадцатого века, когда готический дух был действительно декадентским, но все еще достаточно сильным, чтобы сохранить определенные традиционные черты. Боковые стены укреплены и разделены контрфорсами на отсеки, а над сдвоенными стрельчатыми окнами сохранена стрельчатая арка. Средники этих окон и восточного окна, с его необычным сочетанием круглых арочных и заостренных арочных секций, в основном построены из кирпича. Одной из особенностей, в которой заметно влияние эпохи Возрождения, является использование опор вместо контрфорсов для усиления углов башни. Круглая арочная дверь имеет почти нормандский характер. Внутри стены оштукатурены поверх деревянных панелей, а потолок представляет собой единый бочкообразный свод.

Собор Святого Петра, округ Нью-Кент, имеет тот же общий контур, так что семейное сходство безошибочно, но во всех деталях оно менее удачное. Башня пронизана такими большими арочными проемами спереди и по бокам, что кажется, будто она стоит на ножках и не имеет особой связи с землей. Здесь нет контрфорсов, поддерживающих стены, окна прямоугольной формы с плоско-арочными перемычками и заполнены створками. Несмотря на почтенный и интересный вид, собор Святого Петра вряд ли можно считать столь же привлекательным с архитектурной точки зрения, как собор Святого Луки. Насколько это отсутствие очарования связано с так называемой “реставрацией” и “улучшениями”, было бы трудно сказать из-за отсутствия достаточно конкретных данных.

Одним из самых ранних сооружений, в котором отчетливо ощущается ренессанс, предполагающим предшественника построек в георгианском стиле, которые вскоре последовали, была приходская церковь Брутон в Уильямсбурге, построенная в 1715 году. Здесь впервые можно увидеть крестообразный план, часто встречающийся в других церквях Вирджинии, иногда выполненный на латыни, иногда на греческом языке. Любопытно, что эта особенность, присущая исключительно зданиям готического происхождения, впервые появилась в сооружении, вдохновленном эпохой Возрождения. Уклон крыши крутой, и этот факт, наряду с крестообразным планом, придает контуру отчасти готический характер. Все остальное напоминает ренессанс.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ЛУКИ, СМИТФИЛД, Вирджиния, 1632 год.

ЦЕРКОВЬ СТАРОГО КОРАБЛЯ, ХИНГЕМ, МАССАЧУСЕТС. ЦЕРКОВЬ СОННОЙ ЛОЩИНЫ, ИРВИНГТОН, Нью-Йорк

Здесь нет контрфорсов, высокие окна с круглыми или циркулярными головками содержат створки с широкими выступами, а прочная квадратная башня из трех ступеней на западной оконечности увенчана восьмиугольным деревянным шпилем, который, хотя и очень прост и лишен архитектурного орнамента, предполагает в архитектурной обработке методы Рена и его современников. Круглые окна пронизывают торцевые стены трансепта и алтаря, и первоначально они были заполнены простыми стеклянными панелями в широких рамах. Кирпич выложен фламандским способом, а карниз чрезвычайно прост и гораздо менее заметен, чем в более поздних зданиях чисто георгианского характера.

В качестве примеров типично георгианских церквей Юга мы можем привести церковь Христа, округ Ланкастер, Вирджиния, “Олд Похик Черч”, округ Фэрфакс, Вирджиния, строительством которой Вашингтон был глубоко озабочен и в которой он был священником, и Церковь Христа, Александрия, где Вашингтон также был священником и частым посетителем. Последнее названное здание было спроектировано Джеймсом Реном, как говорят, потомком великого сэра Кристофера. Можно было бы выбрать и другие церкви, столь же типичные, но эти три полностью соответствуют поставленной цели.

Крайст-Черч, округ Ланкастер, был построен в 1732 году по распоряжению Роберта (“короля”) Картера, как указывалось ранее. План местности выполнен в форме греческого креста, все ветви которого имеют одинаковую длину. Крыша из дранки шатровая с крутым уклоном, карниз смелый и с четкими пропорциями, стены из кирпича, выложенного фламандской вязкой, с черными заглушками. Окна имеют круглую форму или форму циркуля, а кирпичные обрамления слегка выступают от лицевой стороны стены, соединяясь сверху белым замковым камнем. Выступы створок тяжелые, а стекла маленькие. Дверь установлена между тяжелыми пилястрами и увенчана прямым фронтоном. Над фронтоном и чуть ниже карниза находится небольшое эллиптическое окно. Внутри проходы вымощены камнем, скамьи высокие с прямыми спинками, кафедра представляет собой внушительное сооружение, а оштукатуренный потолок сводчатый. Все детали, как внутри, так и снаружи, характерны для грузинского стиля.

“Старая Похикская церковь”, приходская церковь Маунт-Вернона, была построена в 1769 году и в некоторых деталях демонстрирует более поздний грузинский колорит. Примечательно, что карниз стал более утонченным в пропорциях и контурах лепнины, а мунтины стали менее пышными. Здание выше, чем Крайст-Черч в округе Ланкастер, а стены пронизаны двумя ярусами

окон, те, что на нижнем ярусе, прямоугольные, а те, что на верхнем ярусе, - круглые. Как верхние, так и нижние окна облицованы однотонным кирпичом, не выступающим, как в Крайст-Черч, а расположенным заподлицо с поверхностью стены. Здание практически квадратное в плане, углы усилены выступами из белого камня, а крыша шатровая. Внутри проходы вымощены камнем, стол для причастия, окруженный перилами, стоит в одном конце церкви, а задняя стена обшита панелями и украшена ломаным фронтоном, опирающимся на четыре ионические пилястры, на панелях между которыми нарисованы Молитва Господня, Символ веры и Десять заповедей. У одной из боковых стен установлена высокая кафедра из стекла для вина с большим деком над ней и, чуть ниже нее, стол клерка. На стыке стен и потолка расположен необычайно тяжелый и замысловатый деревянный карниз. Все детали внутренней отделки из дерева демонстрируют растущую утонченность пропорций и деталей, характерных для этой части георгианского периода.

Церковь Христа в Александрии, построенная немного позже церкви Похик, практически не отличается по плану, основными отличиями являются окно в палладианском стиле на одном конце здания и башня и портик на другом, причем последнее украшение является более поздним дополнением. Внутри главное отличие состоит в размещении кафедры непосредственно перед центральным элементом палладианского окна, обшитые панелями пространства по обе стороны окна, согласно общепринятому обычаю, посвящены Символу веры, Молитве Господней и Десяти заповедям. Крайст-Черч в Александрии также отличается от церкви Похик наличием галерей по трем сторонам, поддерживаемых стройными тосканскими колоннами. Сводчатый карниз на стыке стен и потолка, хотя и чрезвычайно изящный, не так красив, как деревянный карниз в церкви Похик.

С точки зрения даты и географии, нашего внимания далее требует группа небольших церквей в Средних колониях, которые могут быть представлены Gloria Dei (Старые шведы) в Филадельфии, Сент-Дэвидс, Рэднор и Тринити в Оксфорде. Нынешнее здание Gloria Dei было построено в 1700 году на замену старому блочному дому, построенному в 1665 году, который служил местом поклонения для прихожан с 1677 года. Если смотреть снаружи, церковь крестообразная в плане с апсидальным восточным концом. В западном конце находится небольшая остроконечная колокольня, венчающая выступ перед церковью, который поднимается до вершины крыши на манер башни, нижняя часть которой образует вестибюль. Крыша имеет чрезвычайно крутой уклон и, к тому же, свидетельствует о шведском происхождении ее планировки. Апсидальный ист-энд также указывает на его шведское происхождение, поскольку и крутая скатная крыша, и апсида были характерны для скандинавских церковных сооружений. Кирпич выложен фламандским способом, днища, которые, по-видимому, были сводчатыми кирпичами в печи, покрыты стекловидной сине-черной глазурью. В нескольких местах стены украшены интересным рисунком подгузника благодаря оригинальному использованию этих застекленных перегородок. Большие квадратные окна заполнены тяжелыми переплетами и небольшими стеклянными панелями. Довольно рано было обнаружено, что боковые стены надвигаются из-за выступа крыши, и для их крепления трансепты, которые не указаны на внутреннем плане, были построены примерно в 1703 году, придав зданию крестообразный вид. Южный трансепт представляет собой вестибюль или паперть, в то время как северный трансепт используется как ризница. Потолок сводчатый. Северная и южная галереи относятся к раннему периоду, но были построены несколько позже, чем остальная часть сооружения. Детали отделки панелями и деревом имеют явное догрузинское сходство.

Собор Святого Дэвида в Рэдноре был построен в 1714 году и, по-видимому, стал результатом усилий местных ремесленников без особых попыток архитектурного руководства или планирования. Он чрезвычайно прост во всех отношениях. В плане он прямоугольный, с более поздней пристройкой с одной стороны для размещения ризницы. Органная галерея находится в одном конце, и к ней ведет внешняя каменная лестница. Крыша крутая, а карнизы строгие. Круглые окна теперь заполнены маленькими стеклами в широких рамах, но, если верить традиции, первоначально они были заполнены освинцованными створками с ромбовидным

остеклением. Пожалуй, самой интересной архитектурной особенностью Сент-Дэвидса является текстура каменной кладки в его бутовых стенах, которые сложены из местного камня произвольного размера и заострены белым раствором. Эта каменная кладка полностью отражает традиционную манеру возведения каменных стен, которую валлийские ремесленники, по-видимому, привезли с собой из своей родины в Кембрии и которая оставила такой сильный отпечаток на каменных изделиях многих старых домов в Пенсильвании. Это один из ярчайших примеров выживания в Америке методов ремесленного производства, привезенных из определенных мест старого света.

Церковь Троицы в Оксфорде была построена в 1711 году и упомянута здесь главным образом потому, что в своем первоначальном дизайне она отличается более амбициозным планом, с трансептами внутри, которые значительно увеличивают вместимость и воплощают идею крестообразности как внутри, так и снаружи. Детали его дизайна, каменная кладка и изделия из дерева демонстрируют сходство с самым ранним этапом грузинского творчества.

Церковь Христа в Филадельфии, к которой мы сейчас подходим, олицетворяет все лучшее в церковной архитектуре колониального периода Америки. Нынешнее здание было возведено в 1727 году по планам, подготовленным доктором Джоном Кирсли, который, похоже, черпал свое вдохновение в основном в Сент-Мартинс-ин-те-Филдс, Лондон. Из какого бы источника ни черпало его вдохновение, Крайст-Черч - необычайно красивое и грациозное сооружение, вполне заслуживающее всех похвал, которые ему воздавались, и, кстати, представляющее собой яркий пример того, чего могли достичь архитекторы-любители восемнадцатого века, которые верили, что знание архитектуры является неотъемлемой частью образования каждого джентльмена, и которые были готовы на время отложить в сторону свои профессиональные призвания, чтобы планировать возведение какого-нибудь общественного сооружения и руководить им в качестве своего рода общественного долга.

Во всех отношениях здание полностью соответствует лучшим грузинским традициям. В общих чертах план прямоугольный, с нефом и проходами. Круглые окна нижнего яруса отделены друг от друга пилястрами, капители которых поддерживают выступающий карнизообразный струнный ход. Над этим элементом расположены основания других пилястр, разделяющих окна верхнего яруса, и, хотя их капители находятся непосредственно под деревянным фризом карниза, крыша окружена балюстрадой с тяжелой резьбой, столбы которой увенчаны вазами правильной формы. В восточном торце церкви большое окно в палладианском стиле освещает алтарь. Башня на западной оконечности представляет собой массивное кирпичное сооружение, увенчанное деревянным шпилем необычайно изящных пропорций и красивых деталей, вдохновленным некоторыми виртуозными творениями сэра Кристофера Рена. Несмотря на массивность всех пропорций, сооружение имеет легкий и изящный вид, что в значительной степени объясняется тем, что боковые стены пронизаны множеством окон, а пространство в стенах нарушено изящными архитектурными украшениями, такими как пилястры и струнные ряды. В этом общем эффекте освещения нельзя забывать о триглифах на фризе карниза и стержнях венчающей его балюстрады.

Внутренняя отделка деревом полностью соответствует лучшим грузинским традициям: рифленые колонны, тщательно вырезанные триглифы и гутты, изящные панели. Проходы сейчас вымощены плиткой, но, к счастью, древние надгробия занимают большую часть пространства между рядами, так что современная плитка не мешает. Древние скамьи были заменены современными сиденьями, но исторические места тщательно отмечены маленькими латунными табличками.

Церковь Святого Петра в Филадельфии, построенная в 1761 году, особенно интересна тем, что она никогда не подвергалась профанации со стороны улучшителей или реставраторов. Старые скамьи сохранились в их первоначальном состоянии, как и мощение из небольших квадратных каменных блоков в северном и южном проходах. Внешний вид собора Святого Петра менее богато

украшен, чем внешний вид церкви Христа, но он сохраняет ту же интересную особенность - наличие дверей примерно по четырем углам, причем башня в обоих случаях либо служила, либо служила в то или иное время ризницей. Собор Святого Петра имеет в своей восточной части большое окно в палладианском стиле, более обширных размеров, чем в Церкви Христа, которое, однако, полностью соответствовало тенденции времени, поскольку окна в палладианском стиле, похоже, увеличивали свои размеры по мере развития георгианского периода. Фронтоны над четырьмя дверями собора Святого Петра особенно интересны, а карниз отличается значительной изысканностью.

Галереи внутри здания опираются на тосканские колонны, а другие изделия из дерева, несмотря на превосходные пропорции, чрезвычайно просты и величественны. Интересно отметить, что на кафедру можно попасть, только поднявшись на башню; места клерков находятся непосредственно под ней. Галерея органов построена над алтарем, который находится в восточном конце церкви, в то время как кафедра и стол клерков находятся в западном конце, так что иногда необходимы частые процессии духовенства во время службы.

В одном ряду с церковью Христа и собором Святого Петра следует упомянуть церковь Святого Михаила в Чарльстоне, Южная Каролина, и часовню Святого Павла в Нью-Йорке. Собор Святого Михаила был построен в 1742 году по планам, как полагают, разработанным Джеймсом Гиббсом, известным английским архитектором, в то время как собор Святого Павла выполнен по проекту коренных американцев. Обе церкви демонстрируют сильное влияние ренессанса, который сохранился в церковной архитектуре георгианской эпохи.

Говоря о церковной архитектуре Средних колоний, мы не должны упускать из виду дома собраний квакеров, которые обычно строились из кирпича или камня и иногда покрывались грубой облицовкой. Они имеют прямоугольную форму со скатными крышами и обычно имеют два ряда квадратных окон. Карнизы простые и строгие, а вся деревянная отделка чрезвычайно простая. Как правило, имеется четыре двери, по две с каждой из более длинных сторон. Деревянные элементы внутри нередко лишены краски и с возрастом приобрели удивительно насыщенный цвет. Во многих домах собраний есть галереи, хотя галерея ни в коем случае не является универсальным атрибутом. Меньшие по размеру и старые молитвенные дома, как правило, одноэтажные, но более поздние часто бывают двухэтажными, и в этом случае обычность галереи. Все детали обработки дерева настолько чрезвычайно просты, что вряд ли можно сказать, что они демонстрируют заметное сходство с грузинскими моделями, хотя по большей части они относятся к грузинскому периоду.

Мы также не должны забывать о домах собраний, возведенных для размещения различных немецких сект. Эти здания в целом демонстрировали архитектурное сходство с тевтонским характером. В качестве примера этого мы могли бы упомянуть старый молитвенный дом Траппе в Перкиомене или некоторые моравские церкви и реформатские костелы во внутренних районах Пенсильвании.

Нет необходимости в дальнейшем упоминании георгианских церквей Нью-Йорка, поскольку они, в основном, похожи на те, что были упомянуты в предыдущей части этой главы. Однако следует обратить внимание на маленькие голландские церкви, которые иногда можно встретить, например, в Тэрритауне-на-Гудзоне. Здесь мы видим такое же постоянство голландских церковных традиций, какое было отмечено в Пенсильвании в случае с немецкими традициями, примером чего являются такие сооружения, как Молитвенный дом Траппе. Общую форму здания и метод его выполнения легко можно было бы сравнить с Голландией.

Теперь мы переходим к Дому собраний в Новой Англии как к следующему типу, требующему проверки, и для этого мы не можем найти более подходящего примера, чем Дом собраний на Старом корабле в Хингеме, штат Массачусетс. Это здание было возведено в 1680 году, и, как говорят, его обрамляли корабельные плотники. Это просторное квадратное здание с чрезвычайно строгими линиями. Крыша шатровая, или была бы идеально шатровой, если бы не была усечена

вверху и не заканчивалась балюстрадой и колокольной с небольшим остроконечным шпилем. Внешний вид здания настолько лишен каких-либо архитектурных изысков, что вряд ли можно говорить о том, что в нем вообще есть какая-либо архитектура. Стены обшиты вагонкой, а карниз имеет простейший контур. Интерьер простой и благодаря модернизации стал непривлекательным и прозаичным. Для нашей цели это здание ценно тем, что оно символизирует четырехугольный тип дома собраний, который так часто встречается.

Там, где старые собрания не стали жертвами современных улучшений, их интерьеры, хотя и строгие и непреклонные, обладают определенной долей очарования благодаря старинным скамьям с высокими спинками, высоким кафедрам и сиденьям для старейшин собрания непосредственно под ними. Их чрезмерная незамысловатость, конечно, вошла в поговорку, но, хотя при их строительстве ощущался недостаток архитектурных изысков, следует признать, что многие из них обладали очарованием ненавязчивой простоты.

Старый Южный молитвенный дом, построенный в 1730 году, является ярким представителем аналогичных сооружений, где архитектурным начинаниям уделялось больше внимания. Был соблюден общепринятый план размещения кафедры с одной из длинных сторон, а с других сторон тянулась галерея. Двойные ряды окон имеют круглую арочную форму и являются главной достопримечательностью как снаружи, так и внутри. Кирпич выложен фламандским способом, и основание слегка выступает на несколько футов от земли. Карнизы простые, а обширная крыша довольно плоская по высоте. Башня, хотя и достаточно изящная по пропорциям, строго невзрачна. Тем не менее, следует признать, что уменьшенные пропорции шпиля с небольшой аркадой вокруг его основания обладают определенным очарованием, которое чрезвычайно трудно проанализировать.

Королевская часовня совершенно иного типа. Здесь мы находим множество свидетельств внимания к архитектурным возможностям и обогащению. При соблюдении прямоугольной планировки интерьер разделен на неф и проходы колоннами, которые выполняют двойную функцию поддержки крыши и галерей. Окна в нижнем ряду, под галереей, имеют меньшие размеры, чем окна в верхнем ряду, которые отбрасывают свет на галереи в середину нефа. Окна нижнего ряда имеют плоские арочные верхушки, в то время как окна верхнего ряда имеют круглую форму. Каменная кладка выполнена из тщательно обработанного камня, и, хотя контрфорсов здесь нет, фасад здания украшен пилястрами по углам и аркадой с колоннами, образующей крыльцо вокруг квадратной башни. Крыша шатровая. Внутри здания архитектурной проработке уделяется гораздо больше внимания, чем снаружи. Здесь мы находим пары колонн, поддерживающих крышу, и галереи, рифленые сверху донизу и увенчанные искусно вырезанными коринфскими капителями, на которые наложены секции фриза и карниза, из которых снова вырастают арки сводчатой крыши. Хотя эффект достаточно приятный, нельзя отрицать, что аранжировка и общий метод исполнения нелогичны и капризны.

Церкви Олд-Норт и Троицы в Ньюпорте также демонстрируют несколько схожее и нелогичное расположение потолка и способ его поддержки. Тринити, Ньюпорт и олд-Норт упоминаются в дополнение к Королевской часовне, потому что все они представляют тип церковного здания Новой Англии, возведенного в георгианский период, который представляет собой антитезу типу аудиторий, представленному Старым Югом, который можно рассматривать как логическое развитие типа, примером которого является дом собраний на Старом корабле в Хингеме.

Было бы непростительной оплошностью завершить эту главу, не упомянув такие здания, как церковь на Парк-стрит в Бостоне с ее изящным шпилем и другие здания аналогичного типа, возведенные примерно в тот же период, вдохновением которых мы отчасти обязаны прежним церковным традициям, а отчасти новому духу классического возрождения. В Бостоне и в других местах Новой Англии можно найти множество подобных церквей, которые освещают эпоху, в которую мастер архитектурного мастерства Сэмюэл Макинтайр так успешно творил.

Предыдущие страницы, каким бы беглым ни был обзор церковной архитектуры, покажут разнообразие стилей, преобладавших в Колониях с Севера на Юг, и, попутно, читатель получит возможность сравнить способы архитектурного самовыражения с идеалами и привычками людей, населявших различные районы страны.

ГЛАВА XIII

МАТЕРИАЛЫ И ТЕКСТУРЫ

Материалы, из которых построена любая конструкция, и способ манипулирования этими материалами имеют такое же отношение к общему виду, как масса или контур. Поэтому крайне важно, чтобы мы уделяли должное внимание материальным ресурсам, имевшимся в распоряжении строителей в колониальный период. Кроме того, следует иметь в виду, что материалы в некоторой степени влияли на архитектурные формы, в то время как, с другой стороны, традиции и наследственные предпочтения, как мы видели, оказывали мощное влияние на выбор материалов и способ их использования.

Как указывалось в предыдущей главе, очень большое число поселенцев Новой Англии были выходцами из датских частей Англии, где традиции производства древесины были особенно сильны. Следовательно, несмотря на изобилие камня на новой земле, который они могли бы легко использовать, в большинстве случаев они предпочитали строить свои дома из дерева. Конечно, в этом отношении также необходимо делать некоторые поправки на легкость и оперативность работы, а также на климатические условия. В Средних колониях и на Юге большинство поселенцев были выходцами из саксонских частей Англии, где всегда преобладали традиции производства камня и кирпича, и, хотя хорошей древесины было в избытке, а иногда и не хватало других материалов, в целом предпочтение отдавалось кирпичным или каменным стенам, несмотря на любые неудобства, связанные с их приобретением. Ремесленники в каждой секции предпочитали работать с материалами, с которыми они были наиболее знакомы, и домовладельцы, похоже, также согласились с популярным выбором. Следует отметить, что отсутствие необходимого материала — мрамора или подходящего камня — было в немалой степени связано с обычным использованием окрашенного в белый цвет дерева для отделки и внешних декоративных элементов в георгианских зданиях, английские прототипы которых во многих случаях были украшены колоннами, фронтонами и карнизами из более прочного материала.

Теперь нам следует посмотреть, как использовались различные материалы в различных частях Колоний. Мы, конечно, найдем кирпичные и каменные строения в Новой Англии и каркасные здания в Средних колониях и на Юге, но численное преобладание отражает только что упомянутые характеристики.

Если “свиньи - это свиньи”, то, несомненно, по тому же признаку, что и “кирпичи - это кирпичи”, а также “строительный раствор - это строительный раствор”. Несмотря на глубину этого трюизма, не лишним будет помнить, что есть кирпичи и кирпичи, а также строительный раствор и известковый раствор, и что и то, и другое, будучи соединено в стене, взаимно взаимодействуют и подвержены большому разнообразию обработки. Сама эта возможность различных комбинаций предоставляла колониальному строителю поле для проявления немалой изобретательности.

Для читателей, не привыкших к техническим терминам, возможно, будет полезно пояснить, что именно подразумевается под словами “сцепление” и “текстура”, которые обязательно используются при описании кирпичной кладки.

Термин “скрепление” просто означает способ кладки или способ скрепления и обозначает положение, в котором кирпичи укладываются в своих рядах, и внешний вид, создаваемый взаимным расположением блоков. В стенах домов, построенных в колониальный и постколониальный периоды, встречаются четыре разновидности скрепления, причем две скрепления иногда используются совместно для разнообразия. Это английские или ливерпульские облигации, фламандские облигации, голландские крестовые облигации и беговые облигации. Английский или ливерпульский бонд имеет чередующиеся ряды подрамников (кирпичи уложены

так, что видна длинная сторона) и заглушек (кирпичи уложены так, что видны только концы). Курсы организованы таким образом, что жатки и подрамники ломают суставы. Flemish bond состоит из чередующихся жаток и подрамников на каждом курсе, при этом все суставы ломаются. Это самая прочная и лучше всего фиксируемая из всех связей. Голландский кросс бонд, как и английский бонд, состоит из чередующихся рядов насадок и подрамников, но с одним отличием: в английском бонде насадки и подрамники чередующимися слоями располагаются непосредственно друг над другом, в то время как в голландском кросс бонде они разрушают стыки. Бегущее соединение полностью состоит из подрамников и представляет собой разновидность дегенеративного соединения голландского креста, в котором все подрамники опущены или вводятся только с интервалом в семь или восемь рядов для скрепления лицевой стороны стены воедино. Английские или ливерпульские, фламандские и управляющие облигации были общим наследием английских строительных традиций.

В целях исторической точности важно исправить популярную ошибку, связанную с терминами “английский” и “голландский” кирпич. О многих старых зданиях обычно говорят, что они были построены из кирпича, привезенного за границу из Англии или Голландии. Без сомнения, некоторые из них были построены из кирпича, но большинство из них - нет. Джордж Кэри Эгглстон изложил весь этот вопрос в очень ясном свете, когда написал, что “почти все эти кирпичи, будь то английские или голландские, были изготовлены в Америке, как убедительно доказали более поздние научные исследования. Единственная разница между английским и голландским кирпичами заключалась в размерах. Маленькие кирпичи, отлитые по голландскому образцу, были известны как голландские кирпичи. Гораздо более крупные из них, отлитые по английскому образцу, назывались английскими кирпичами. Очень образованный историк Южной Каролины мистер Маккрэди убедительно доказал, что так называемые английские кирпичи, используемые при строительстве домов в Каролине, не могли быть импортированы из Англии. Путем простых арифметических вычислений он показал, что все корабли, заходившие в Каролину в семнадцатом веке, — даже если бы все они были загружены исключительно кирпичом, — не смогли бы привезти достаточно кирпичей, чтобы построить половину или четверть ‘английских кирпичных’ домов в этой части страны”. В Колониях было много глины, и колонисты, обычно такие изобретательные и самостоятельные, вряд ли стали бы пренебрегать возможностью, которая была у них под самым носом, и зависеть от импортного товара, даже если они могли бы позволить себе такие расходы. Действительно, кирпичи *экспортировались* из некоторых колоний.

Безусловно, одна запись показывает, что десять тысяч кирпичей были ввезены в Массачусетский залив в 1628 году, и мы знаем, что некоторые кирпичи были ввезены в колонию Нью-Хейвен в ранние времена, а также, что во время сноса некоторых очень старых домов в Коннектикуте были найдены кирпичи с выбитым на них названием “Лондон”. Кроме того, можно привести несколько примеров как в Средних, так и в Южных колониях, где кирпичи импортировались и использовались для определенных зданий, и есть несколько хорошо подтвержденных случаев ввоза кирпича из Голландии. Но против этой скудной уверенности в нескольких партиях кирпича из-за рубежа есть множество свидетельств широкого производства кирпича в Колониях с очень ранних времен. В официальных отчетах есть одно упоминание о печи для обжига кирпича в Коннектикуте в 1635 году, и, несомненно, там и в других местах работали другие печи для обжига кирпича в то же время или даже раньше этого года.

Кирпичи, использовавшиеся в начале колониального периода, были разных размеров. Как правило, чем старше кирпичи, тем они крупнее. Впоследствии они стали меньше, а теперь, в наше время, снова стали большими. Некоторые кирпичи имели размер четыре дюйма на восемь с четвертью и толщину два с пятью восьмыми дюйма, другие - два с половиной на четыре дюйма и восемь дюймов в длину. “Голландский” кирпич был тоньше “английского”. Большинство кирпичей семнадцатого и восемнадцатого веков были грубо отформованы, и немало было недожженных, в то время как другие были чрезвычайно сильно обожжены и имели множество приятных вариаций цвета. Концы арочных кирпичей в печи часто обжигали до тех пор, пока они

не приобретали синевато-черную, почти стекловидную глазурь. Они использовались для облицовки, и именно им во многом объясняется интерес к цвету и рисунку старых стен. Большие кирпичи, использовавшиеся для “заделки” отверстий между бревнами в ранних деревянных домах, едва просушивались на солнце и легко крошились и рассыпались на куски под воздействием непогоды.

Говоря о “текстуре” стены, мы должны принимать во внимание вид используемых кирпичей, их форму и размер, их цвет, их скрепление, разработанное для придания отличительного рисунка поверхности стены, швы и, наконец, вид используемого строительного раствора. Вряд ли нужно говорить, что результаты, возможные со старым кирпичом слегка неправильной формы и разнообразного цвета из английского или фламандского бондинга — фламандский бондинг был чрезвычайно популярен среди строителей восемнадцатого века, — были бесконечно более удовлетворительными, чем те, которые могли быть достигнуты при использовании более позднего “безупречно безупречного” прессованного кирпича монотонно однородной формы и размера, с поверхностью, “как нарезанный сыр, и цветом, как хлопущка”, и большая часть очарования старинной работы обусловлена приятной текстурой. В то время как в Новой Англии и особенно в долине Коннектикут есть чрезвычайно приятная кирпичная кладка, высокое качество кирпича гораздо чаще встречается в Средних Штатах и на Юге, где кирпичное строительство всегда было в большей моде. Иногда в Новой Англии, и очень часто дальше на юг, значительный интерес вызывало сочетание различных скреплений, панелей из “селечной кости”, выступов на фасадах стен, на карнизах или около верхушек дымоходов, а также узоров на подгузниках, дат и инициалов, нанесенных синими надписями на торцевых стенах и фронтонах. Для достижения хорошего эффекта были использованы специально отлитые в форму облицовочные кирпичи для оснований и для верха стен.

В Новой Англии использовался как полевой камень, так и камень, добытый в местных карьерах, и кладка обычно была бутовой, хотя иногда камни были тщательно обтесаны и обработаны. То же самое можно сказать и о каменных работах в Нью-Йорке. Иногда стены были каменными с кирпичными дверными и оконными наличниками, как в поместье в Кротоне-на-Гудзоне. В голландской части северного Нью-Джерси местный красновато-коричневый камень с превосходным эффектом использовался как для бутовой кладки, так и для огранки. В обоих случаях он часто был заострен белыми швами, которые создавали своеобразный и резительный контраст.

В Пенсильвании мы находим кладку исключительного совершенства и красоты, где, опять же, использовался как полевой, так и добытый в карьере камень. Пенсильванская бутовая кладка, заложенная рабочими, которые просто увековечивали традиции, привезенные ими из Англии и Уэльса, всегда вызывала восхищение, и в окрестностях Филадельфии те же самые унаследованные традиции кладки все еще бурно процветают. Эти каменные стены иногда были выложены камнями произвольных размеров, иногда камнями сравнительно однородных размеров. В нескольких случаях, особенно в окрестностях Кингссессинга, Филадельфия, и в стенах Бельмонта, Фэрмаунт-парк, Филадельфия, когда-то дома остроумного судьи Питерса, известного революционера, практиковался старый английский обычай покрывать широкие швы белого раствора маленькими зазубринами. Нередко случалось, что дома имели стены из обработанного и обтесанного камня спереди и бутовые стены по бокам и сзади. Некоторые из них, такие как Кливден в Джермантауне, Филадельфия, и Уитби-Холл в Кингссессинге, Филадельфия, были полностью построены из тесаного камня. Уитби-Холл и несколько других домов также представляют собой интересные образцы кирпичной отделки дверей и окон, которые немного выступают за каменную стену. В этом изделии из пенсильванского камня практически не было попыток резьбы, и единственный экземпляр, где оно было вырезано, находится в наличниках окон и ионических капителях на фасаде дома Бартрамов у реки в Кингссессинге, Филадельфия.

В связи с колониальной каменной кладкой следует упомянуть покрытие стен штукатуркой и необработанной штукатуркой, которым либо позволили сохранить их естественный цвет, либо побелили, как в Вике, Джермантаун, Филадельфия. Самые ранние дома сначала не были оштукатурены, и штукатурка, по-видимому, была добавлена позже, частично в качестве защиты от непогоды, когда для стен использовался пористый камень, например, серый камень, добываемый в окрестностях долины Уайтмарш. Слюда, столь распространенная в Пенсильвании, после нескольких лет выдержки становится непроницаемой для влаги и никогда не нуждается в защите от штукатурки. Часто штукатурка или грубая лепнина наносились по собственному выбору, а не по необходимости, особенно среди немецких колонистов, которые, по-видимому, были в основном ответственны за внедрение этой практики. Для придания отделке, контраста и чистоты внешнего вида штукатурку или шероховатое покрытие часто белили или стирали с желтизной.

Большая часть строительного раствора в ранний колониальный период была низкого качества и быстро разлагалась. Однако вскоре появилась известь. В некоторых случаях его импортировали, в других его обжигали везде, где можно было достать известняк или устричные раковины, и качество строительного раствора в целом улучшилось во всех Колониях. Некоторые из них были исключительно тонкими и сегодня такие же твердые, как кирпичи или камень, которые они скрепляют.

Дубовые бревна для каркаса домов были расколоты, обтесаны по форме и обработаны теслом. Стропила и балки иногда обрабатывались таким образом, а в других случаях распиливались. Великолепные летние балки, а часто и шпильки, были отделаны заостренными фасками по краям. Промежутки между стойками, как отмечалось в главе III, сначала заполнялись “отбойкой” из камня или кирпича и глины, смешанной с рубленой соломой, а затем оштукатуривались в манере “черно-белой” или наполовину деревянной работы в Англии. Были ли когда-либо промежутки между стойками перекрыты “плетнем и мазком” — древнеанглийской глиняной начинкой, намазанной поверх чего-то вроде рыхлой плетенки из переплетенных прутьев или ивняка, — автор не может сказать с уверенностью. Нет ничего невероятного в том, что места для гвоздей иногда были заполнены таким образом, и совершенно очевидно, что некоторые из ранних дымоходов Коннектикута были сконструированы таким образом. Сохранение работы “плетенкой и мазком” в Новой Англии в любой форме является интересным примером стойкости и преемственности ремесленных традиций.

Вагонки изготавливались в основном из дуба или сосны и прибивались горизонтально к внешней стороне шпилек. Обычно они были обшиты перьями и пришиты внахлест, верхняя часть поверх нижней. Хотя не исключено, что в Англии существовал некоторый прецедент использования вагонки, прибитой горизонтально снаружи обивки, весьма вероятно, что практика применения их таким образом в Новой Англии сначала была продиктована климатическими условиями в качестве средства правовой защиты, а затем стала неотъемлемой частью каркасного строительства. В некоторых частях Новой Англии, особенно в Род-Айленде и некоторых районах Коннектикута, обошлись без шпилек между стойками, а к перекладинам прибивали вертикальные доски из дуба или сосны, обычно толщиной более дюйма. Эта вертикальная обшивка, для которой, по-видимому, также существовал английский прецедент, обычно, хотя и не всегда, обшивалась снаружи либо горизонтальными вагонками, либо длинной дранкой.

Сосновая черепица изготавливалась как обычных сегодня размеров, так и гораздо больших, причем последние использовались для наружной обшивки стен, которые были сначала обшиты досками. Черепицу для крыши иногда укладывали на доску, иногда на “рейку” или небольшие планки, прибитые гвоздями, как прогоны, к стропилам. Черепица была обычным кровельным материалом не только в Новой Англии, но и во всех Колониях, хотя шифер не был неизвестен, и на некоторых более крупных зданиях иногда использовались медь и свинец. В сухую погоду опасность для черепичных крыш из-за искрящихся дымоходов и постоянный дополнительный источник опасности — неисправные или неочищенные дымоходы — побудили наших предков

применить некоторые довольно любопытные методы предотвращения пожаров. В ранней Новой Англии существовали смотрители за дымоходами, в обязанность которых входило осматривать дымоходы и заставлять домовладельцев штрафами или другими способами содержать свои дымоходы в ремонте и достаточно часто подметать их. Это была мера предосторожности первостепенной важности в общинах, где большинство домов было построено из дерева.

В Филадельфии, в колониальные времена, вида пылающего дымохода было достаточно, чтобы поднять шум на всю общину, и пылающие дымоходы были предметом законодательства Провинциального собрания 1775 года, которое постановило, что “Каждый человек, чья труба загорится и погаснет наверху, не будучи подметенной в течение одного календарного месяца, должен быть оштрафован и выплатить сумму в двадцать шиллингов; но если за это время подметена и загорится и вспыхнет наверху, Человек, который подметал ее сам, его слуги или негры, должен понести штраф и заплатить сумму в размере двадцати шиллингов; но если в течение этого времени она загорелась и вспыхнула наверху, человек, который подметал ее сам, своими слугами или неграми, должен понести штраф и заплатить сумму в размере двадцати шиллингов”. заплати двадцать шиллингов.

Стекло для окон в начале колониального периода было роскошью, которой пользовались лишь немногие из наиболее зажиточных поселенцев, и даже промасленную бумагу не всегда было легко достать, так что часто в более скромных домах были только ставни, закрывающие оконные проемы и обеспечивающие защиту от непогоды. Оконное стекло, однако, было импортировано очень рано, и в то же время в Колониях производилось стекло в небольших оконных рамах.

Самые ранние окна были заполнены маленькими ромбовидными стеклами, вставленными в створки, и створчатое окно использовалось повсеместно. В первой половине восемнадцатого века в моду вошли окна с двойными или одинарными створками, и очень часто старые створки заменялись изменениями, произведенными способом, упомянутым в главе III, хотя довольно часто, особенно в Средних и Южных колониях, никакое изменение формы или размеров оконных проемов не считалось желательным или необходимым. Светильники для створок были повсеместно небольшими, и только в конце восемнадцатого века они заметно увеличились в размерах. Следует помнить, что во многом очарование и индивидуальность остекления как в раннеколониальный, так и в георгианский периоды были обусловлены разнообразным разделением светильников — свинцовыми в первом случае и тяжелыми мунтиновыми во втором. В то время исчезло немало старых освинцованных гильз, которые, несмотря на благосклонность новых стилей, простояли до начала войны за независимость, поскольку свинец расплавляли для изготовления пуль. Говорят, что такова была судьба оригинальных окон в церкви Святого Давида в Рэдноре.

Краска, хотя и известная в первые годы колонизации в семнадцатом веке, не была широко распространена, и следует признать, что старые изделия из дерева, будь то дуб или сосна, в течение нескольких лет приобрели восхитительный оттенок под воздействием атмосферы и дыма от костров. В Пенсильвании и ее окрестностях краска, по-видимому, использовалась с самого начала как внутри, так и снаружи. Следует помнить, особенно в этой связи, что краска для наружного или внутреннего использования в колониальный и георгианский периоды не всегда была белой. Часто использовались цвета, и в главе VIII была сделана конкретная ссылка на использование краски различных цветов для отделки панелей и других внутренних деревянных изделий.

Обшивка многих старых колониальных домов панелями, и, если уж на то пошло, то же самое можно с полной достоверностью сказать о большей части обшивки панелями домов георгианского типа, имеет заметные неровности. Хотя почти средневековые методы ранних мастеров постепенно вытеснялись другими способами обработки материала, в отделке панелями и изделиях из дерева в целом всегда присутствовал восхитительный личный элемент оригинальности и отсутствия симметрии. Именно эта оригинальность придает ему очарование и интерес. Он в точности

повторяет черты человеческого лица. Если бы все черты любого человеческого лица были абсолютно симметричными и правильными, так что обе стороны были бы совершенно одинаковыми во всех измерениях, выражение лица было бы поистине идиотским. Именно неправильность обуславливает внешние признаки характера и придает ему какую бы то ни было красоту или противоположное качество. Ранние мастера без угрызений совести делали одну панель глубже другой, руководствуясь при этом целесообразностью, шириной используемого изделия или расстоянием, которое необходимо было преодолеть. Дело было не в том, что они не выполняли свою работу хорошо и по-рабочему, но они не видели причин, по которым они должны быть связаны рабской точностью в выполнении своего ремесла, и соответственно они позволяли себе вольности, за которые мы в наши рабски механические дни можем быть по-настоящему благодарны, и из которых мы можем извлечь ценный урок, если только будем использовать свои глаза и не побоимся действовать с некоторой независимостью.

ГЛАВА XIV

РАННИЕ АМЕРИКАНСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ И ИХ РЕСУРСЫ

Кто Жил в наших старых домах и что это были за люди, мы, к счастью, знаем. Во всяком случае, это легко выяснить. Кто спланировал и построил эти дома, мы, как правило, не знаем, и самый тщательный поиск всегда не выявит даже имени архитектора, а если им и удастся сделать так много, то полученная информация, как правило, настолько скудна, что лишь разжигает аппетит к большему. Однако, независимо от того, что мы можем или не можем узнать о проектировщике того или иного дома или общественного здания, мы можем с полной уверенностью приписать проектирование ранних американских сооружений деятельности того или иного из трех классов людей. Это тройное подразделение состояло, во-первых, из архитекторов-любителей; во-вторых, из архитекторов-плотников и, наконец, из профессиональных архитекторов. В этой группе профессиональному архитектору отведено последнее место, потому что он был представлен реже всего. Первый и второй классы были, безусловно, самыми многочисленными, и некоторые из наших лучших зданий восемнадцатого века, жилые дома, церкви и другие общественные сооружения являются результатами сотрудничества между ними.

Мы не сильно ошибемся, приписав здания семнадцатого века, почти без исключения, способным и находчивым мастерам, которые не только добросовестно сохраняли традиции, которые он усвоил в качестве ученика или подмастерья на Родине, и добросовестно увековечивали их своей практикой в качестве мастера-плотника или столяра на новой земле, но и показали себя обладающими живым умом и проницательностью благодаря скорости, с которой он модифицировал и адаптировал традиционные методы и прецеденты к новым условиям и требованиям климата и окружающей среды. Насколько он мог последовательно это делать, он отдавал предпочтение традициям в плане, методах строительства и выборе материалов. Однако, когда необходимость или здравый смысл диктовали отход от устоявшегося обычая, он был достаточно быстр, чтобы последовать подсказкам целесообразности и изобрести удовлетворительные замены недостаткам прошлой практики. Таким образом, были созданы локальные типы без каких-либо сознательных попыток агентов быть оригинальными.

Методы, которым следовали американские строители семнадцатого века, демонстрировали тесную связь практикой средневековых столяров и каменщиков. Более того, эти ранние рабочие продемонстрировали всестороннее владение своим собственным ремеслом, разумное понимание смежных ремесел и доскональное знание свойств и использования материалов, которым не мешало бы подражать их современным преемникам. Они уважали свое призвание и по праву гордились совершенством своего мастерства. Поэтому работа их рук, какой бы простой она ни была, все же обладает достоинством и честной красотой, которые ясно свидетельствуют о том, как они вкладывали душу в то, что делали, и, в то же время, вызывают наше почтение и восхищение. Старые здания сохранились так хорошо и приобрели такую атмосферу изящества, потому что ремесленники действовали по принципу: то, что вообще стоило делать, стоило делать хорошо, и придавали большое значение честному мастерству, вместо того чтобы рассматривать свое занятие как работу, которую нужно выполнять с максимальной зарплатой за минимальное время, затрачиваемое на труд. Они извлекали максимум пользы из своих материалов, потому что знали и уважали особые качества своих материалов. Будь то английские или голландские, валлийские или шведские работы этих строителей семнадцатого века, какими бы бесхитростными они ни были, они точно отражали совокупность современных этапов домашней архитектуры в странах, откуда они пришли, а также свидетельствуют как о зарождении, так и о развитии нескольких наших собственных народных проявлений, все из которых в определенной степени были затемнены и обесценивались распространением и растущей популярностью грузинских мод восемнадцатого

века. Архитекторам-плотникам семнадцатого века мы в огромном долгу благодарности за их верное сохранение освященных веками традиций в плане и способах строительства, так что мы можем легко проследить нашу архитектурную родословную, за присущее им совершенство сооружений и уроки мастерства, которые они все еще могут преподать нам, но, прежде всего, за честность и искренность разработанных ими народных форм, форм, созданных с готовностью изобретательности в ответ на местные потребности и лишенных всякого притворства и пустой аффектации. Эти формы, все до единой, полны жизненной силы. Само их соответствие условиям, для которых они были спроектированы в районах, где они были созданы, и успешное их применение в современных требованиях к характерной и неформальной домашней архитектуре подчеркивают степень нашего нынешнего долга перед забытыми и безымянными архитекторами-плотниками ушедшего поколения.

С началом восемнадцатого века становится легче связать здания с именами и личностями тех, кто их проектировал. Хотя мы не можем с уверенностью утверждать, что подобное сооружение было спроектировано таким-то человеком, мы знаем, по крайней мере, что в то время в разных городах жили люди с признанными архитектурными достижениями, что их работы можно увидеть в том или ином доме или той церкви как бесспорные свидетельства и что существует сильное предположение, что их влияние прослеживается в дизайне жилых домов или общественных сооружений, где нет документальных свидетельств, подтверждающих принадлежность их отдельному архитектору.

Одной из первых известных нам личностей, связанных с архитектурой, является Джеймс Портиус, "которого Уильям Пенн уговорил приехать в его новый город, чтобы "спроектировать и реализовать здания, принадлежащие ему лично". Он был "одним из самых активных в Компании плотников и после своей смерти в 1736 году передал избранную коллекцию архитектурных работ своим коллегам-членам, тем самым заложив фундамент их нынешней ценной библиотеки". Эта компания плотников из Филадельфии была организацией, которая позже возвела свой золотой дом, известный как Карпентерс'холл, где некоторое время проводил свои сессии Континентальный конгресс. Он до сих пор находится в отличном состоянии сохранности, и в нем до сих пор хранится упомянутая коллекция. Мастерство местных ремесленников ранней Филадельфии было незаурядным, о чем сегодня убедительно свидетельствует их ручная работа, и в 1724 году городские мастера-карьеристы "изготовили позолоту, достаточно большую и процветающую, чтобы соответствовать образцу "Почтенной компании плотников Лондона", организации, основанной в 1477 году. К сожалению, мы не можем с уверенностью отнести какие-либо здания, стоящие сейчас, к планам Джеймса Портиуса. Мы можем только строить догадки. Весьма вероятно, что дом Пенна, который первоначально стоял в Летиция-Корт, пока его не перенесли на участок в Фэрмаунт-парке, был спроектирован и возведен архитектором компании. Поместье в Пеннсбери также, по всей вероятности, было спроектировано им или, по крайней мере, построено под его руководством. Это источник нескончаемого сожаления о том, что ему позволили прийти в состояние полного упадка, а затем снесли. Если бы он сохранился, то сейчас у нас было бы бесценное дополнение к архитектурным сокровищам нашей страны и интересный комментарий к творчеству одного из первых архитекторов, которые, как известно, занимались своей профессией в Колониях.

Очень важно помнить, что некоторая значительная степень архитектурных знаний или, по крайней мере, некоторое существенное развитие архитектурного вкуса и разборчивости, по-видимому, считались неотъемлемой частью образования каждого джентльмена в восемнадцатом веке. Следовательно, неудивительно обнаружить, что некоторые из наших местных архитекторов amateur обладали знаниями и способностями, отнюдь не вызывающими презрения. Признанию архитектуры способствовал тот факт, что немало сыновей богатых людей были отправлены в Англию для завершения образования и обычно проводили некоторое время после этого в путешествиях по Континенту. Такое расширяющее влияние, естественно, имело тенденцию стимулировать и помогать развитию архитектурного вкуса, и, поскольку определенная ловкость в

рисовании высоко ценилась и практиковалась как вежливое мужское достижение, значительное число мужчин были способны, в гораздо большей степени, чем большинство так называемых хорошо образованных людей в наши дни, воплотить свои архитектурные предпочтения в форму, достаточно понятную для мастера-плотника, чтобы он мог работать над воплощением идеи в осязаемую форму.

Из вышеизложенного не следует делать вывод, что большое количество людей состоятельных и располагающих досугом для развития светских навыков были способны изготовить набор измеренных чертежей, которые готовят профессиональные архитекторы, чтобы передать подрядчику для исполнения. Это было не так. Но разделение функций было совершенно иным. Клиент, как его теперь назвали бы, продемонстрировал более разумное и конструктивное понимание архитектурных принципов в пропорционально большем числе случаев, чем он это делает в настоящее время. У него сложилось определенное представление о том, чего он хочет, и он был способен доходчиво передать свои желания с помощью чертежей или черновых набросков главному рабочему, на которого была возложена реальная задача строительства. Как средний клиент был лучше информирован и яснее мыслил в архитектурных вопросах, чем клиент более поздних времен, так, с другой стороны, мастер-плотник восемнадцатого века был бесконечно более способным, чем средний ремесленник аналогичного ранга в наши дни. Он был не только опытным мастером-механиком, способным превратить грубые наброски в тщательно подготовленные рабочие чертежи, но и человеком с определенным архитектурным образованием и вкусом, наделенным хорошим восприятием и оценкой архитектурных достоинств и приличий. Существенную помощь в его работе оказал ряд ценных и подробных архитектурных книг с измеренными чертежами, помощью которых он, не колеблясь, воспользовался. Более того, он все еще сохранял глубокое уважение к своим материалам и добросовестную оценку достойного мастерства, унаследованные по традиции от его средневековых предшественников и совершенно не связанные с современной коммерциализмом. Гордость за свое призвание побуждала его к самому пристальному личному наблюдению и кропотливому проявлению интереса. Он не был бы доволен ничем, кроме самого лучшего.

Архитекторы-любители не были простыми дилетантами, заигрывающими с вежливой и дружелюбной склонностью к архитектурным удобствам. Лучшие из них и те, кто оставил самые впечатляющие свидетельства своего таланта и мастерства, были, как мы сейчас увидим, занятыми людьми с крупными делами и серьезными интересами. Они, так же как и мастера-плотники, были досконально знакомы с лучшими архитектурными книгами того периода и часто выставляли их напоказ на полках своих собственных библиотек. Многие из них оставили постоянные заказы своим лондонским книготорговцам на отправку им после публикации наиболее ценных томов. Следует учитывать и другой фактор их пригодности. Для них не было ничего необычного в том, что они обладали подготовкой и опытом геодезистов. Действительно, крупным землевладельцам было почти императивно необходимо обладать знаниями в области геодезии, чтобы должным образом заботиться о своих интересах. Это обучение дало им представление о практике проведения точных измерений и составления чертежей, и эффект такого практического и точного обучения был не лишен веса, когда они обратились к проектированию зданий.

Одной из самых ярких и выдающихся фигур среди архитекторов-любителей XVIII века был почтенный Эндрю Гамильтон, “дневная звезда американской революции”, как называл его губернатор Моррис, когда-то генеральный прокурор провинции Пенсильвания, член провинциального совета, спикер провинциальной ассамблеи с 1729 года и в течение ряда последующих лет после этого и, прежде всего, выдающийся юрист и адвокат, чья защита Питера Зенгера, нью-йоркского печатника, в 1735 году принесла ему известность как в Англии, так и во всех Колониях. Он был человеком исключительных и разнообразных достижений, католического воспитания и мировоззрения, а также наделенным замечательным элегантным вкусом. Среди всех отвлекающих факторов и неотложных забот, связанных с успешной юридической и общественной карьерой, а также множества требований, связанных с успешным управлением большим частным

поместьем, он, тем не менее, нашел время уделить изрядную долю внимания архитектурным изысканиям и оставил непреходящий памятник своим талантам в этом направлении в Государственном доме в Филадельфии.

История проекта Государственного дома особенно интересна тем, что она проливает свет на современные условия. Преисполненный решимости возвести Государственный дом, в 1729 году Ассамблея назначила комитет из трех человек для разработки подходящих планов. Два члена этого комитета подготовили планы строительства нового здания, а именно Эндрю Гамильтон и доктор Джон Кирсли, о которых будет сделана дополнительная ссылка в следующем параграфе. Доктор Кирсли, это правда, добился значительной репутации как архитектор благодаря планам, которые он разработал для Крайст-Черч, но предполагалось, что Гамильтон не обладает никакими способностями в этом направлении. Он был юристом, много занимался общественными делами Провинции. Однако, по-видимому, он приобрел некоторые архитектурные познания, находясь в Лондоне, где, как и многие другие выдающиеся юристы Средних и Южных колоний, получил образование в Придворных гостиницах. Будучи человеком замечательных и незаурядных способностей, сочетающим в себе со своей широкой разносторонностью и широтой взглядов запас инициативы и силы, он обычно добивался успешного завершения любого дела, за которое брался сам. Его план, черновик на пергаменте, который до сих пор можно увидеть в коллекции Пенсильванского исторического общества, был представлен Ассамблее и выбран. Чтобы убедиться в совершенстве и основательности его суждений, стоит только обратить свой взор на устройство Государственной палаты.

При строительстве общественных зданий испытания и невзгоды архитекторов восемнадцатого века вполне могли сравниться с трудностями, с которыми в некоторых случаях сталкивались их преемники в двадцатом веке. Работа над Зданием Парламента действительно была начата и Гамильтон энергично продвигал ее вперед, насколько это было в его силах, но предстояло преодолеть всевозможные препятствия, а также устранить недостатки и преграды. Послышалось ворчание со стороны влиятельных людей, которые были либо полностью против этого начинания, либо недовольны сайтом. Принятый план подвергнулся враждебной критике, среди рабочих происходили забастовки, временами ощущалась нехватка квалифицированной рабочей силы, возникали споры о необходимых средствах для оплаты расходов — короче говоря, все вместе тормозило прогресс, и судья Гамильтон умер в 1741 году до того, как его планы были полностью реализованы. Хотя датой возведения Государственного здания указан 1733 год — тогда была построена большая его часть, — его завершение, как только что говорилось, было завершено только восемь лет спустя.

Еще одним архитектором-любителем того периода, заслуживающим упоминания, был Джозеф Браун, родившийся в Провиденсе в 1733 году и умерший там в 1785 году. Сколотив приличное состояние в производственном бизнесе, он посвятил себя занятиям, к которым его склоняли научные пристрастия. Он особенно интересовался электричеством и обладал всесторонними знаниями в этом предмете; он также был опытен в механике и астрономии и занимал профессорскую должность в Университете Брауна, попечителем которого он также был. О его способностях в области архитектуры свидетельствуют Первая баптистская церковь в Провиденсе, возведенная в 1775 году, и различные жилые дома.

Джон Смиберт, чье имя мы всегда ассоциируем с ранней портретной живописью Новой Англии, также расширил свою деятельность в области архитектуры и спроектировал Фаней-холл, свидетельства которого являются достаточной гарантией его мастерства. Джон Грин из Провиденса, капитан Айзек Деймон из Нортгемптона и многие другие могут быть легко добавлены к списку, который отмечен великими именами Вашингтона и Томаса Джефферсона. Говорят, что Вашингтон спроектировал церковь Похик в Виргинии, в приходе которой он был священником. Во всяком случае, несомненно, что он был глубоко заинтересован в наблюдении за его возведением, как и за возведением Церкви Христа в Александрии, где он также был священником. Его архитектурный вкус еще больше проявился в облике Маунт-Вернона. В этой связи следует иметь в виду, какой живой интерес он проявлял к планировке Федерального города и планировке его общественных зданий в соответствии с достойной и всеобъемлющей схемой. О мастерстве Джефферсона как архитектора свидетельствуют Монтичелло и здания Университета Вирджинии, которые в основном, если не полностью, приписываются ему как проектировщику.

Доктор Джон Кирсли и доктор Уильям Торнтон были двумя занятыми и чрезвычайно активными врачами восемнадцатого века, которые находили время, чтобы достойно проявить себя в области архитектурных изысканий, а также в полной мере участвовать в выполнении различных общественных обязанностей, которые им доверили их сограждане. Доктор Кирсли, прибыв в Филадельфию в 1711 году, вскоре наладил обширную практику и в то же время взялся за обучение молодого поколения медиков, которых, как говорят, он зачислил в подмастерья на семилетний срок 'отношения, которые студенты-"подмастерья", очевидно, сочли "обременительными и требовательными, поскольку они, казалось, включали обязанности слуги, кучера, посыльного, продавца рецептов, медсестры и помощника хирурга". Помимо своей врачебной деятельности, он занимался общественной и провинциальной деятельностью высшего порядка и долгое время занимал место в Провинциальном собрании. Как архитектор, он заслуживает высшей похвалы за виртуозный и необычайно красивый проект Церкви Христа, возведенной по его планам в 1727 году и, как представляется, в некоторой степени вдохновленной Святым Мартином-на-Полях в Лондоне.

Доктора Уильяма Торнтона следует помнить как проектировщика первого Капитолия в Вашингтоне, возведением которого он также руководил. Когда Латроб восстанавливал здание после его частичного разрушения британскими войсками во время войны 1812 года, он в значительной степени придерживался плана доктора Торнтона. Во время длительного проживания в Филадельфии он принимал активное участие в общественных делах, был избран членом Американского философского общества и спроектировал старую Филадельфийскую библиотеку, строительство которой было завершено в 1790 году. Многие дома также следует отнести к агентству доктора Торнтона. Его связь с федеральными зданиями потребовала его переезда в Вашингтон, где он продолжал жить до конца своей жизни, занимая должность первого главы Патентного бюро.

Как ни интересно было бы продолжить эту биографическую хронику архитекторов-любителей восемнадцатого века, необходимо перейти к рассмотрению архитектора-плотника. Сэмюэл Роудс, бывший мэр Филадельфии, проектировщик Пенсильванской больницы, строением которой мог бы гордиться любой архитектор любого столетия, занимает промежуточное положение между

любителем и архитектором-плотником, и его история проливает ценный свет на условия, влияющие на методы и практику обоих. Согласно теории квакеров о том, что каждый мальчик должен быть приучен к какому-либо ремеслу, независимо от того, каким призванием он впоследствии намеревался заниматься, Роудс “стал плотником и строителем, хотя и не ограничил свое внимание исключительно этим бизнесом, но, похоже, увлекся коммерческими авантюрами, спекуляциями недвижимостью” и тому подобным. “Он был одним из первых членов Компании плотников Филадельфии, а с 1780 года и до своей кончины” был ее хозяином. Он был чрезвычайно энергичен и принимал активное участие во всех предприятиях по благоустройству города. В течение ряда лет он заседал в Провинциальном собрании, где работал в многочисленных важных комитетах и был избран одним из делегатов Пенсильвании на Первый Континентальный конгресс. Современный писатель, описывая членов этого сообщества, сказал о нем, что “он был уважаемым торговцем из Филадельфии, принадлежавшим к Обществу друзей — не обладая талантом выступать публично, он обладал большой остротой ума, его суждения были здравыми, а практическая информация обширной”. В октябре 1774 года он стал мэром Филадельфии. Когда в 1743 году Бенджамин Франклин реорганизовал Американское философское общество, Роудс был одним из должностных лиц и в течение нескольких лет занимал пост одного из вице-президентов.

Из приведенных выше записок можно видеть, каким человеком был Сэмюэл Роудс и каким уважением он пользовался у своих сограждан. Но что в первую очередь касается нашей нынешней цели, так это его участие в качестве “плотника и строителя” в проектировании исключительно прекрасного произведения архитектуры восемнадцатого века. Когда Ассамблея Пенсильвании в 1751 году приняла закон об основании Пенсильванской больницы, он был избран вкладчиками мужчиной возраста и оставался в правлении тридцать лет подряд. Земля была обеспечена, и “после совершения этой покупки было предписано подготовить полный план зданий таким образом, чтобы можно было возвести часть, которая могла быть заселена в следующем сезоне. [1755.] Сэмюэл Роудс, один из управляющих, очень усердствовал в работе и, проконсультировавшись с врачами относительно расположения камер и других удобств, представил проект всего здания в такой форме, чтобы сначала можно было возвести только одну треть с приемлемой симметрией. После должного рассмотрения” план был принят, и вскоре после этого весь замысел этого архитектора-плотника стал свершившимся фактом к неизгладимому удовлетворению последующих поколений.

Одним из самых достойных архитекторов-плотников был Ашер Бенджамин из Массачусетса. Хотя его работа была почти полностью домашней и многие из его заказов в наши дни были бы классифицированы как “неважные”, он, тем не менее, оказал заметно благотворное влияние на архитектуру своего времени, влияние, за которое у нас есть основания быть благодарными. Кажется, он начал свою карьеру плотником в Гринфилде, Дирфилде и соседних городах Массачусетса. Работая в Гринфилде, он опубликовал “Помощника сельского строителя”, 1796 год, книгу “простого и практичного” объема, содержащую много наводящего на размышления и полезного материала. Впоследствии, переехав в Бостон, он опубликовал, частично в сотрудничестве с неким Д. Рейнердом, а частично самостоятельно, несколько архитектурных работ более амбициозного характера. Профессия плотника-архитектора и строителя также была достойно представлена многочисленными другими механиками восемнадцатого века в Новой Англии и других частях страны, которые, хотя и не пытались публиковать технические книги, тем не менее были гораздо большим, чем просто коммерсантски настроенные ремесленники, небрежно “выполняющие порученную им работу”, и они выполняли порученные им заказы таким образом, что заслуживали похвалы и подражания современных дизайнеров. Мы также не можем забыть более ранних архитекторов-плотников семнадцатого века, которые создали стандарты совершенства в качестве прецедента для своих преемников восемнадцатого века. Главным среди них следует назвать Джона Эллиса из Брейнтри, родившегося в 1642 году, который спроектировал и выполнил множество домов и церквей в Массачусетсе во второй половине семнадцатого века;

точно так же следует отдать должное Джону Элдеркину, современнику Эллиса, оставившему глубокое и благотворное впечатление на архитектуру юго-восточного Коннектикута.

Чрезвычайно трудно провести четкую грань различия между архитекторами-плотниками и первыми представителями профессионально подготовленных архитекторов, чье занятие состояло в основном в проектировании зданий и надзоре за их возведением. На протяжении большей части восемнадцатого века множество способных архитекторов-любителей и способность архитекторов-плотников переводить и приемлемо воплощать в осязаемую форму концепции, предлагаемые их работодателями, естественно, препятствовали успеху многочисленного класса людей, единственным занятием которых было проектирование и надзор. Таким образом, нет ничего невероятного в том, что некоторые из людей, которых мы должны быть склонны рассматривать как первых представителей класса профессиональных архитекторов, судя по важности и видимым свидетельствам приписываемых им сооружений, играли также роль подрядчиков при возведении зданий, которые они спроектировали, даже если они не участвовали в ручном труде. Мы знаем, например, что Ричард Мандей впервые появляется в активной карьере в качестве партнера некоего Уайатта в строительном или подрядном бизнесе. Однако его способности, продемонстрированные Городским домом в Ньюпорте, построенным по его планам в 1743 году, дают ему право на высокое место среди первых американских архитекторов.

В то время как некоторые из первых профессиональных архитекторов — термин не совсем удачный, но кажется необходимым для того, чтобы отличать их от двух других классов, — несомненно, в значительной степени обучались самостоятельно, некоторые, по-видимому, проходили обучение в Англии у компетентных мастеров. Заметным среди них был Питер Харрисон, архитектор Рынка или мэрии Ньюпорта, построенной в 1760 году, который когда-то был помощником сэра Джона Ванбру и, как говорят, был учеником Джеймса Гиббса. Макбин, проектировщик часовни Святого Павла в приходе Троицы в Нью-Йорке, возведенной в 1764 году, также, как полагают некоторые, был учеником Гиббса, хотя, по-видимому, для такого предположения нет достоверных оснований.

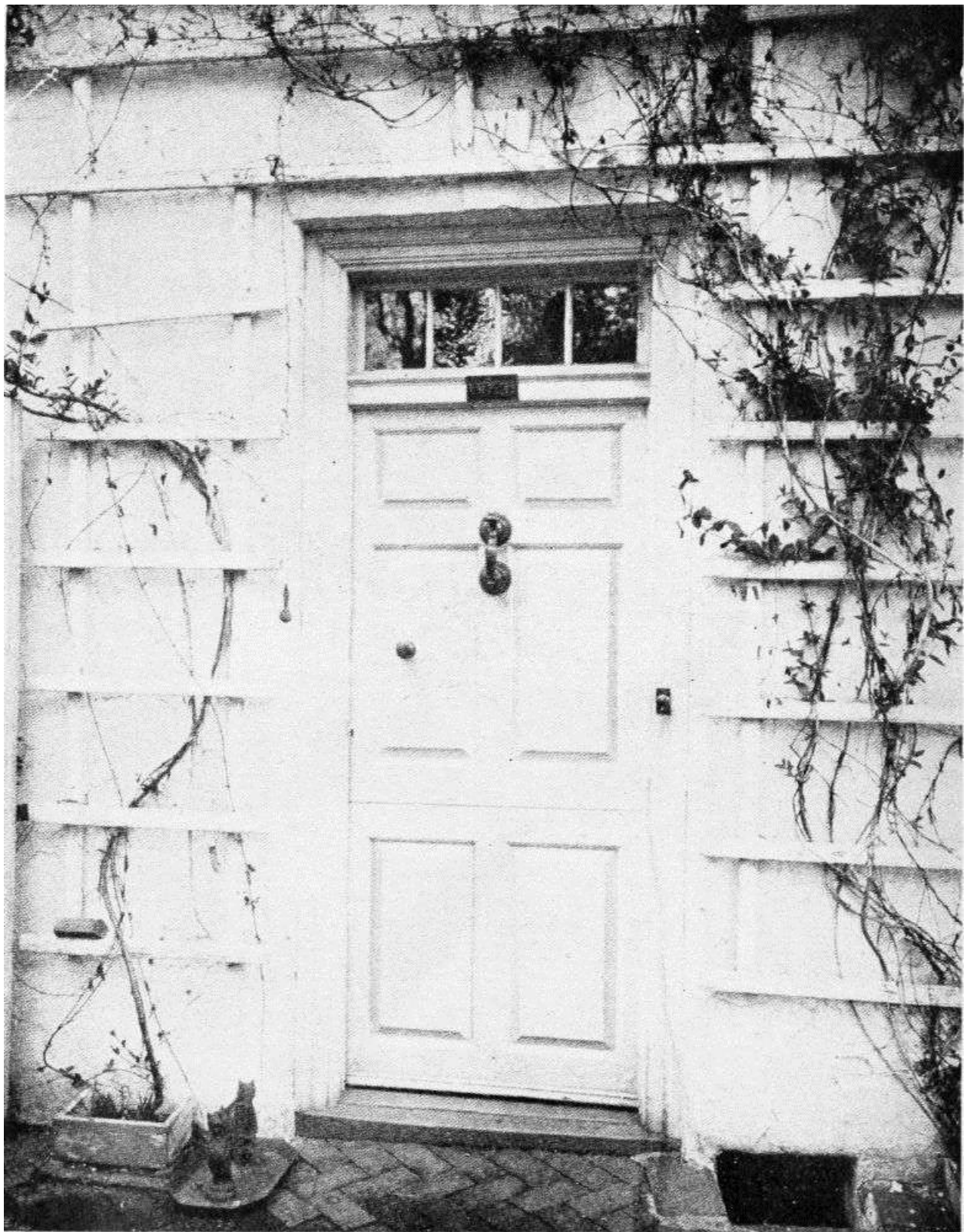
Чарльз Булфинч, столь заслуженно почитаемый в Бостоне и других городах Новой Англии за изящные и долговечные памятники его мастерства, которые можно увидеть повсюду, всегда будет занимать высокое положение среди наших первых американских архитекторов. Вероятно, ни один человек никогда не производил более сильного впечатления на архитектуру сообщества, в котором он жил. Его влияние в Бостоне и окрестностях вполне сопоставимо с влиянием сэра Кристофера Рена на облик Лондона, и мы можем легко понять это, если вспомним, что за полвека практики он спроектировал по соседству сорок церквей, библиотек, театров и других общественных сооружений в Новой Англии, помимо своего вклада в домашнюю работу. Обсуждение характеристик его индивидуального стиля можно найти в главе X этого тома. Здесь достаточно сказать, что он представлял и поддерживал все лучшие традиции и идеалы, которые необходимы для построения карьеры достойного архитектора. Ему повезло в своем окружении, и он максимально использовал свои возможности. Родившийся в Бостоне в 1763 году, сын доктора Томаса Булфинча, выдающегося врача, он получил образование в родном городе, окончив Гарвард в 1781 году. Впоследствии он путешествовал по Европе, продолжая, по ходу дела, изучать архитектуру. Этот курс, по его расчетам, должен был в полной мере использовать природную наблюдательность и тонкий вкус. В 1786 году он вернулся в Бостон и с тех пор посвятил себя практике своей профессии. Как отмечалось в другом месте, старая Бостонская библиотека, первый бостонский театр (1793) и Государственный дом на Бикон-Хилл были одними из его ранних важных вкладов в архитектуру его собственного города, но сфера его профессиональной деятельности не ограничивалась Бостоном или Новой Англией, поскольку в 1817 году он был призван руководить архитектором по восстановлению национального Капитолия в Вашингтоне и сохранял этот пост до его завершения в 1830 году. Как один из отцов американской архитектуры, Чарльз Булфинч всегда будет занимать исключительно почетное место.

Еще одним из "отцов архитектуры Соединенных Штатов" был Бенджамин Латроб, человек незаурядных умственных способностей, опытный лингвист и ученый, выдающийся инженер и архитектор, доблестный солдат и типичный джентльмен старой школы, обладающий всеми лучшими качествами, которые подразумевает такое обозначение. Родившийся в 1767 году в семье англо-моравского священника в Йоркшире, он получил образование в Англии и занял многообещающее положение в своей профессии, будучи одно время инспектором государственных учреждений Лондонского сити. В 1796 году, накануне его приезда в Америку, ему предложили должность королевского землемера с годовым окладом в 1000 фунтов стерлингов, но, к счастью для американской архитектуры, он предпочел мигрировать. В ходе своей профессиональной карьеры он довел многие важные инженерные проекты до успешного завершения и выполнил множество известных архитектурных заказов. В этой связи он, пожалуй, наиболее известен как проектировщик Римско-католического собора в Балтиморе, Банка Соединенных Штатов в Филадельфии и своей работой над зданием Капитолия в Вашингтоне, завершить которую его призвали в 1803 году и которую Джеймс Мэдисон в 1815 году попросил его восстановить после ее частичного разрушения британскими войсками во время войны 1812 года. Его ученик Уильям Стрикленд из Филадельфии постройками по собственному проекту, которые включали старую морскую биржу, старый монетный двор и Филадельфийскую военно-морскую лечебницу, зданиями, полными значительного достоинства и изящества, воздал должное мастерству и вдохновению Латроба.

В почетном списке первых американских архитекторов мы должны также вспомнить майора Л'Энфана, который так умело разработал план города Вашингтон; Джеймса Хобана, чье дублинское образование и юношеское знакомство с лучшими английскими и ирландскими грузинскими работами особенно помогли ему добиться успеха при проектировании старого Государственного здания в Чарльстоне, Южная Каролина, и Белого дома в Вашингтоне; Джона Маккомба, среди наиболее известных работ которого мэрия Нью-Йорка и часовня Святого Иоанна на Варик-стрит, и многих других дизайнеров, чьи имена и индивидуальные достижения можно было бы с удовольствием вспомнить, если бы позволяло пространство. . Однако читатель, несмотря на отсутствие дальнейших конкретных ссылок, не может не признать из уже представленных заметок, насколько достойным было наше архитектурное прошлое, насколько способными были люди, которым мы обязаны за это, как они работали и насколько пригодны примеры, которые они оставили для нашего изучения и подражания.

СНОСКА:

[A] Следует прямо заявить, что г-н Чандлер в ходе своих исследований и реставраций не обнаружил доказательств, достаточно убедительных, чтобы оправдать утверждение, *положительное вне всяких сомнений*, что вагонка была применена к самым старым домам в период, предшествующий их первоначальному строительству, и в качестве средства устранения конструктивных недостатков, присущих методам изготовления из бревен, когда они подвергались суровым условиям климата Новой Англии. Вагонка, это правда, использовалась очень рано и, возможно, с самого начала использовалась в качестве покрытия нижележащего полудревесного основания. Однако в одном не может быть никаких сомнений — в существовании фахверковой конструкции под вагонкой во многих старейших зданиях. Принимая во внимание этот неоспоримый факт и привычную верность первых поселенцев традиционным методам, представляется не лишенным оснований предположение, что заготовка древесины на несколько лет опередила использование вагонки, пока низкое качество обтачки и коробление неподготовленных досок не вынудили принять какое-либо удовлетворительное решение.

[back](#)

[back](#)

[back](#)

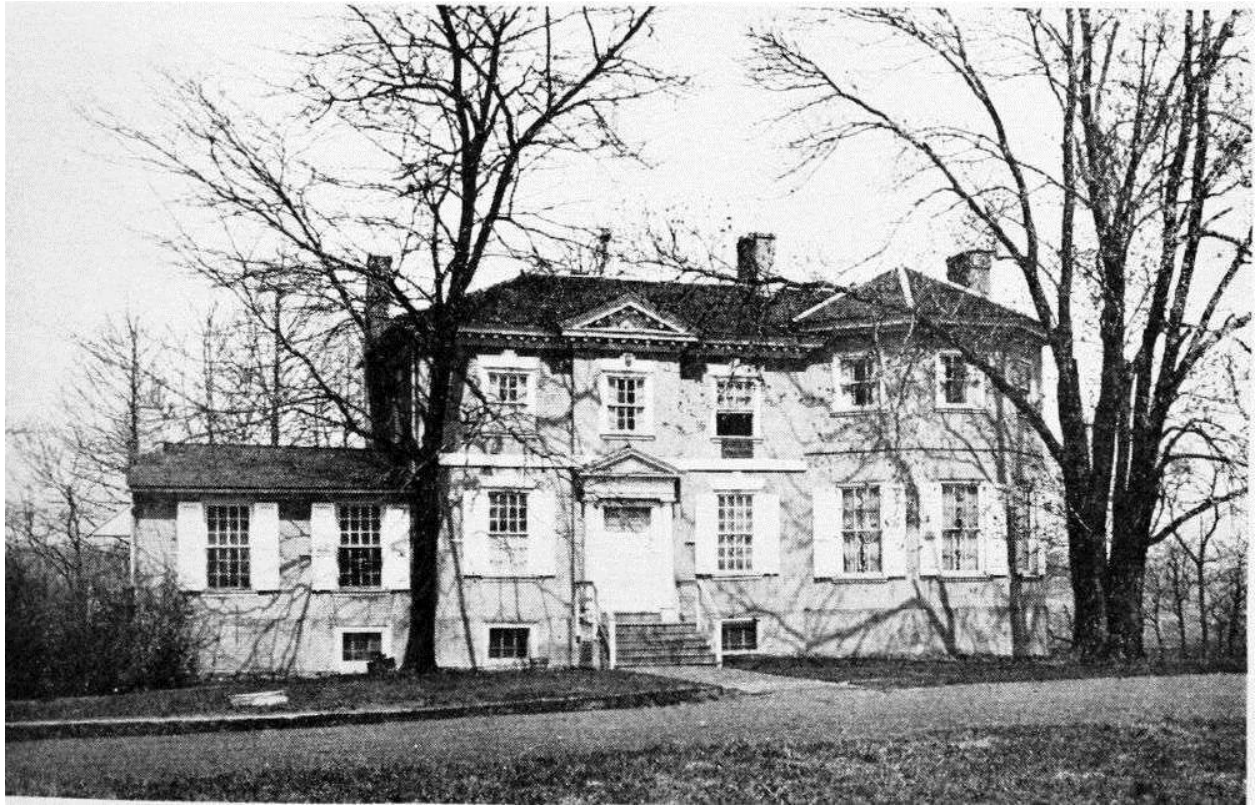
[back](#)

[back](#)

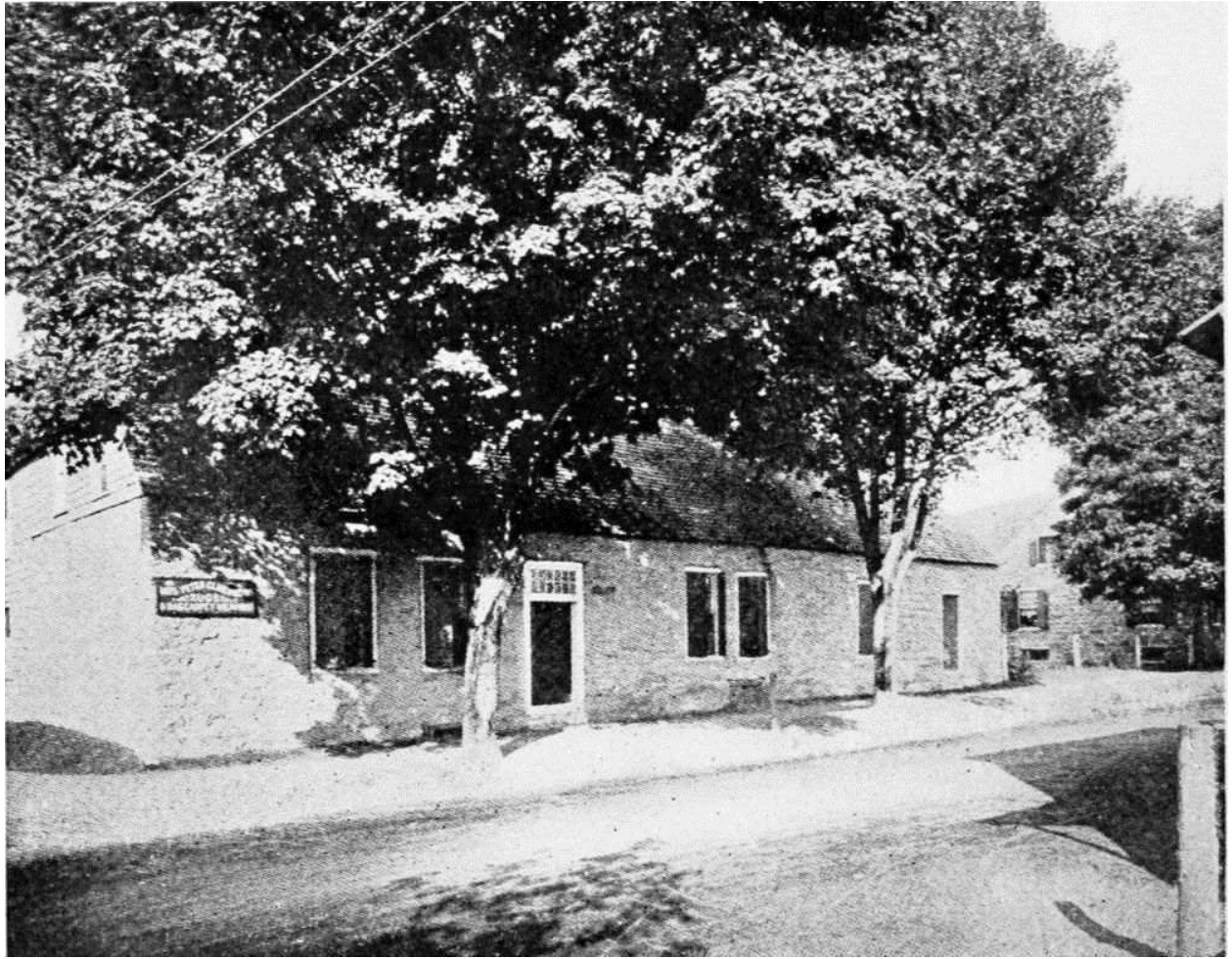
[back](#)

[back](#)

[back](#)

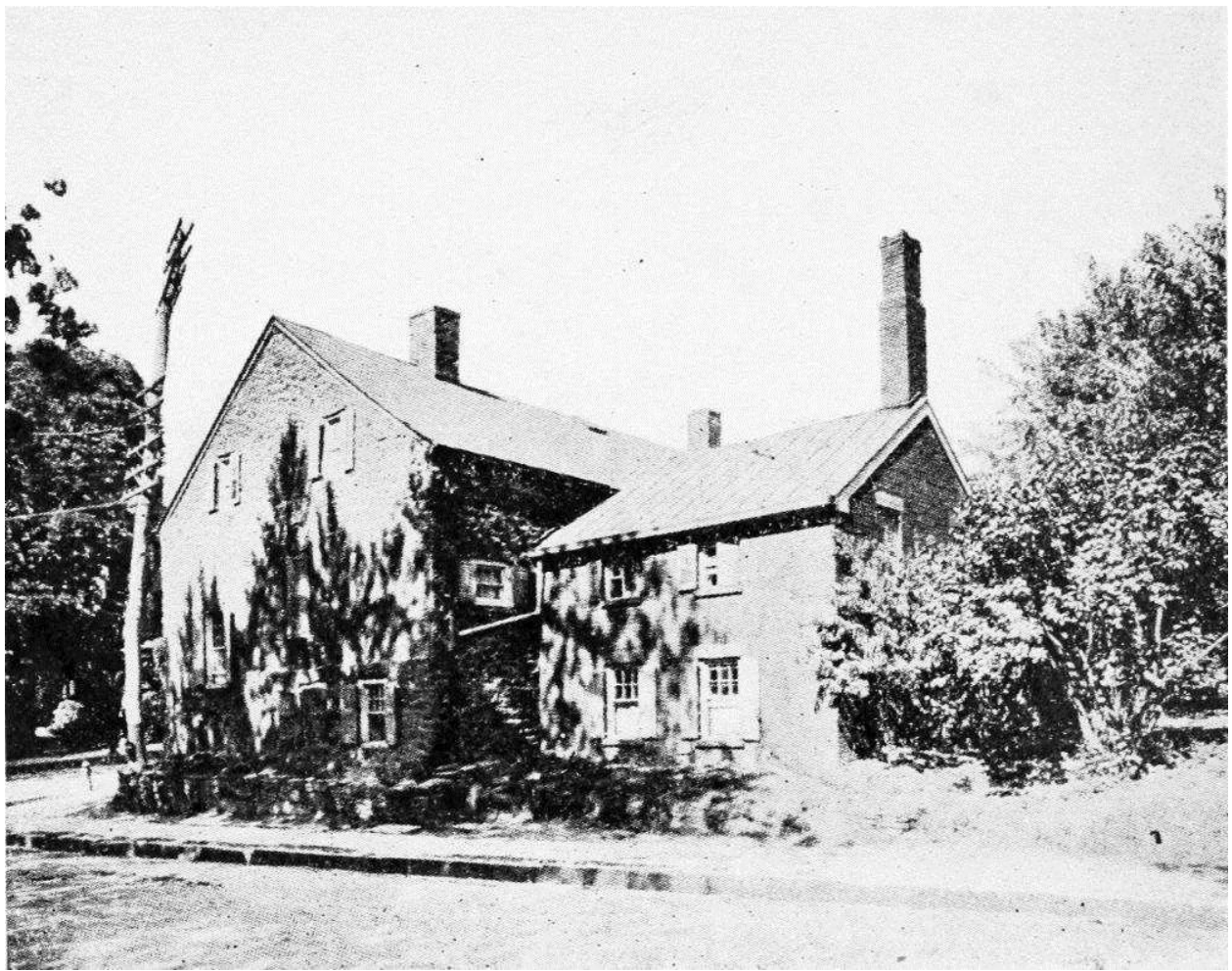
[back](#)

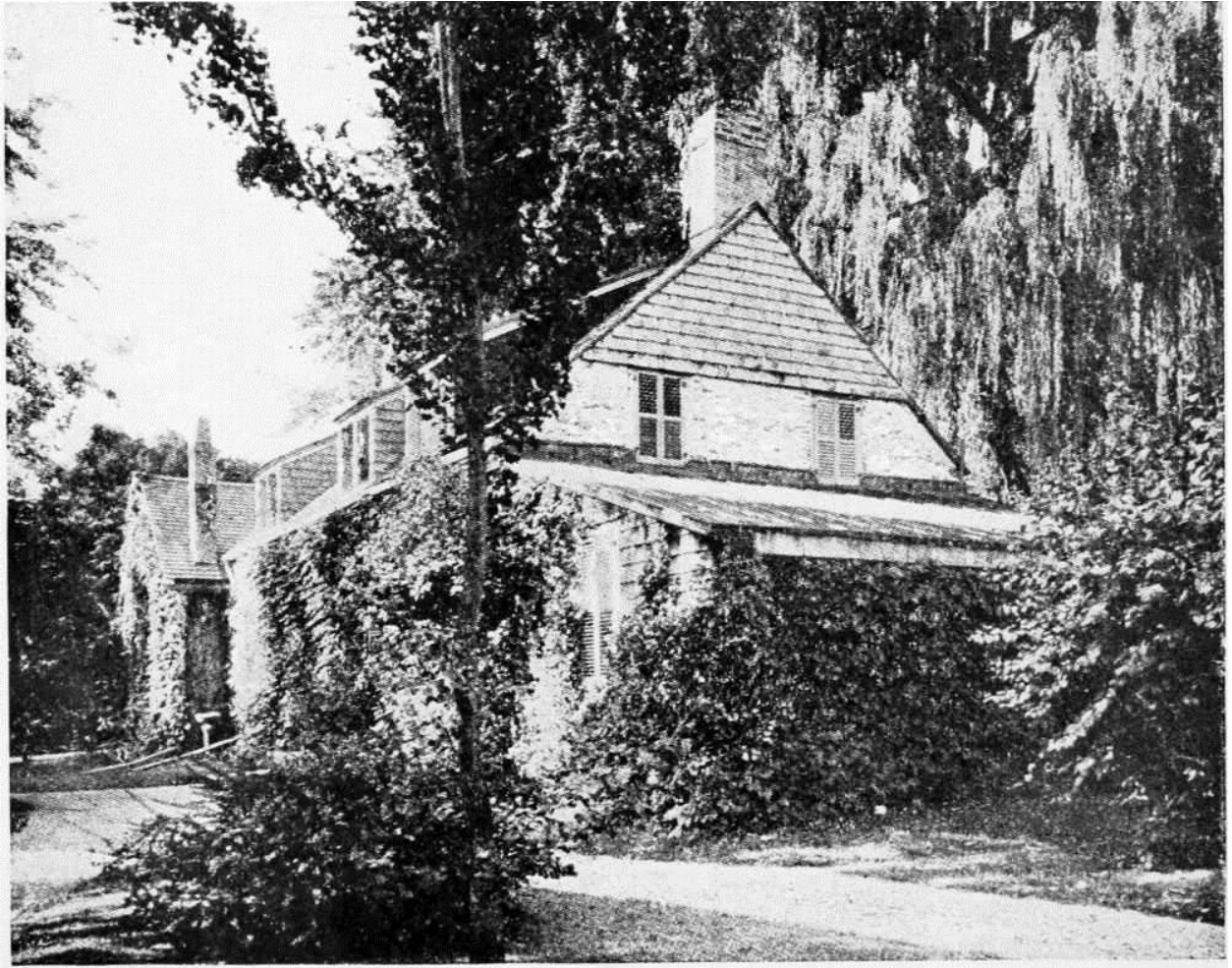
[back](#)

[back](#)

[back](#)

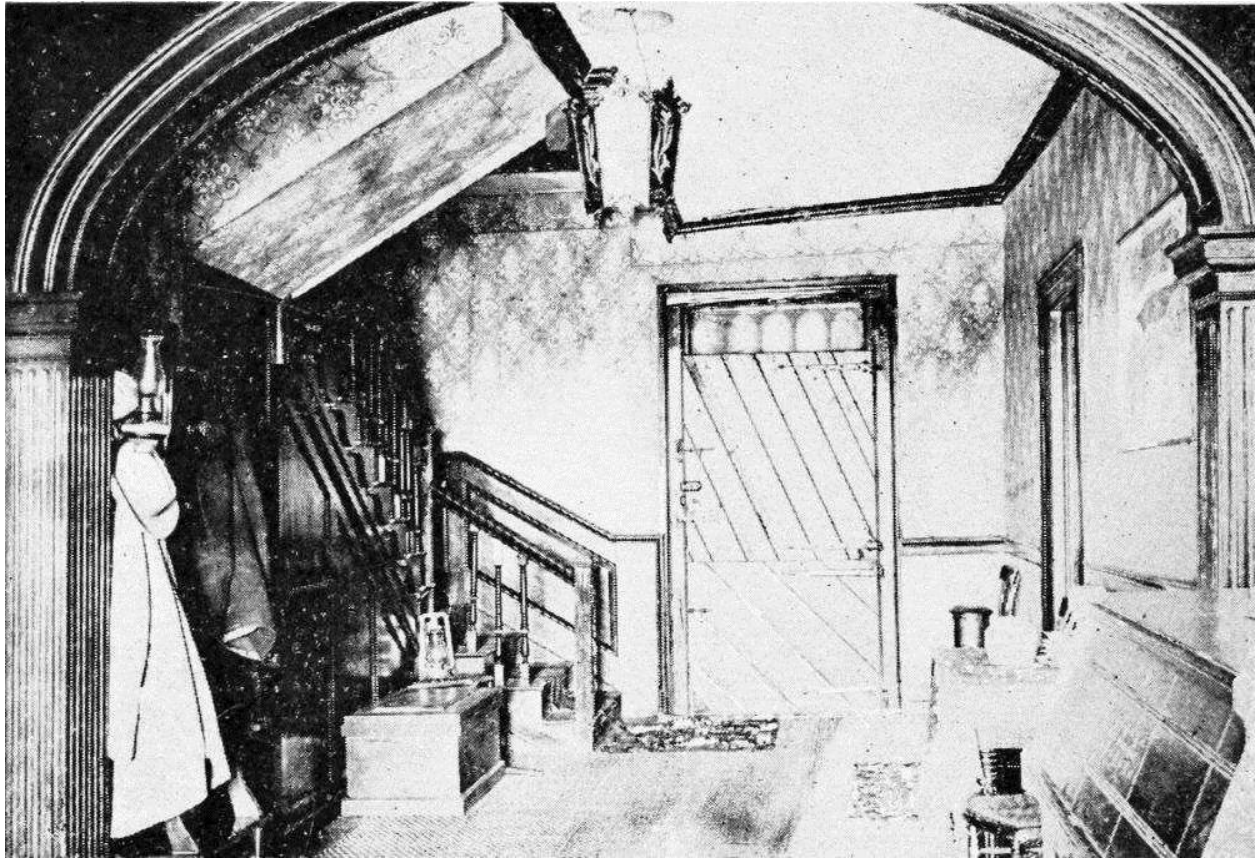
[back](#)

[back](#)

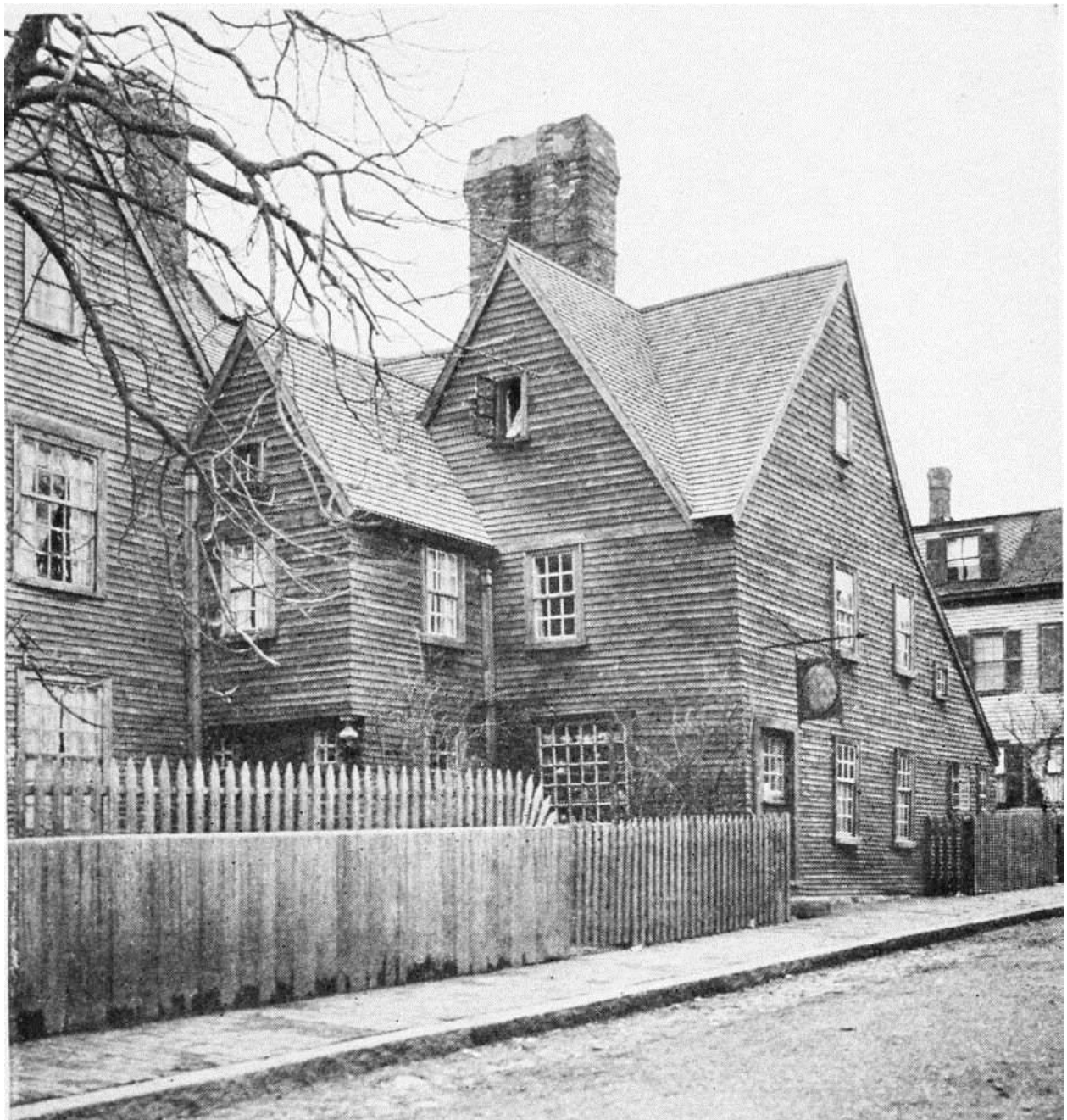
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

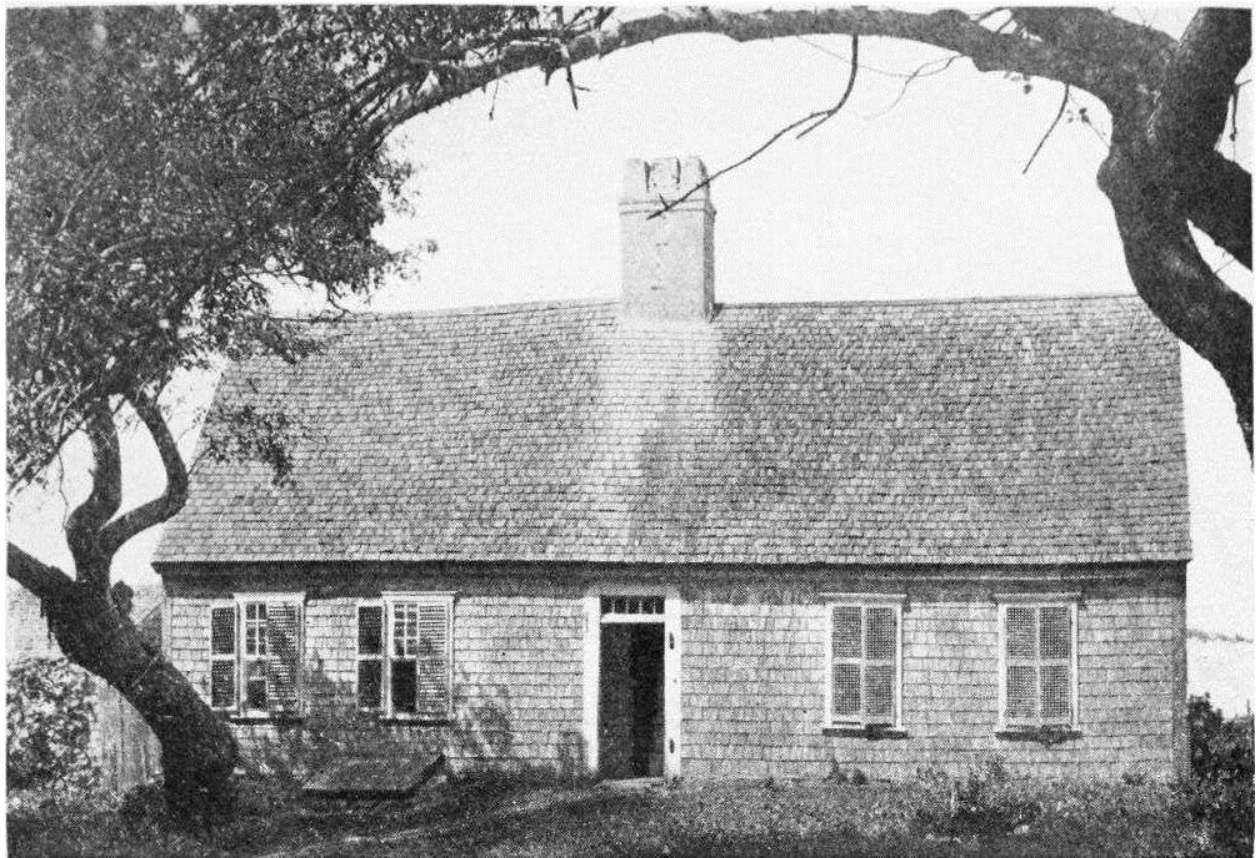
[back](#)

[back](#)

[back](#)

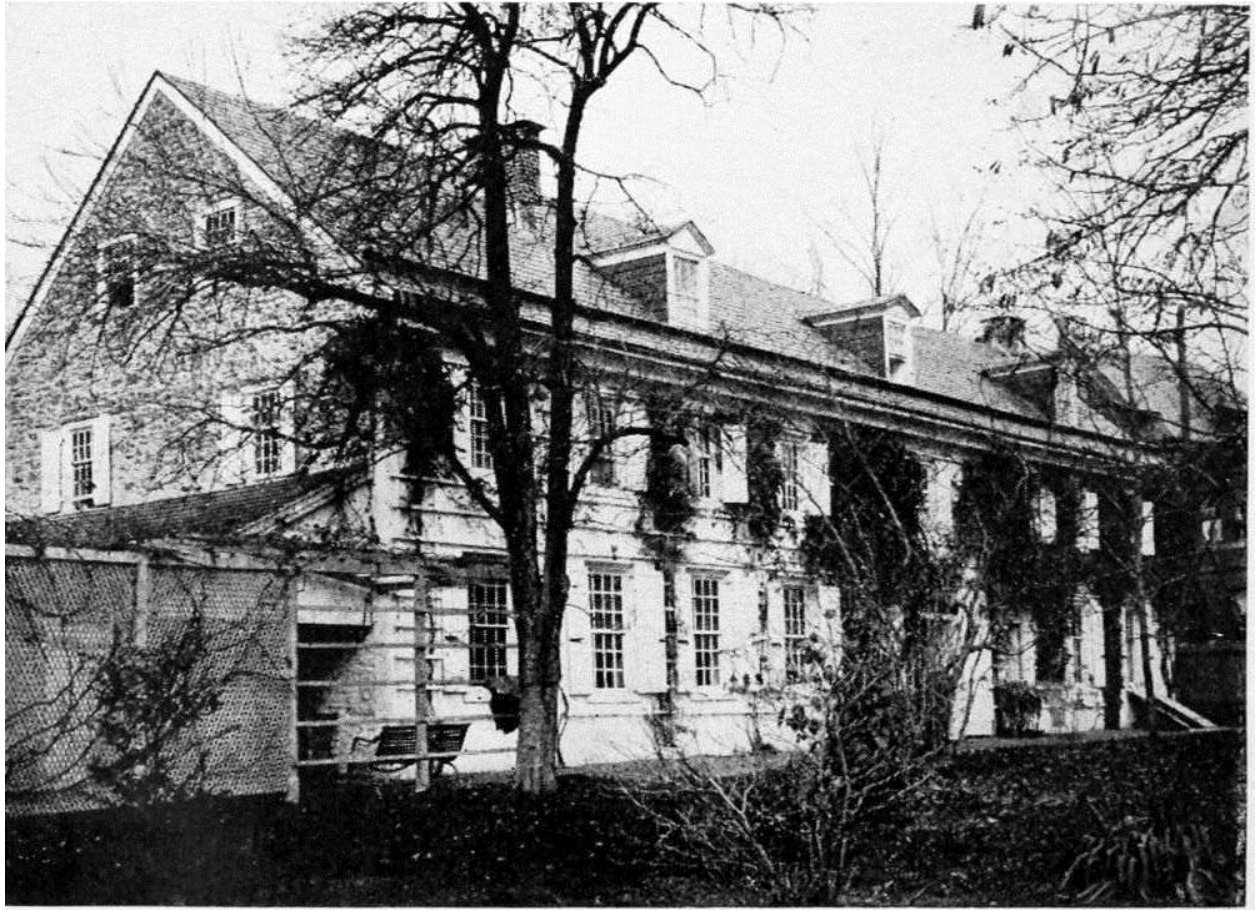
[back](#)

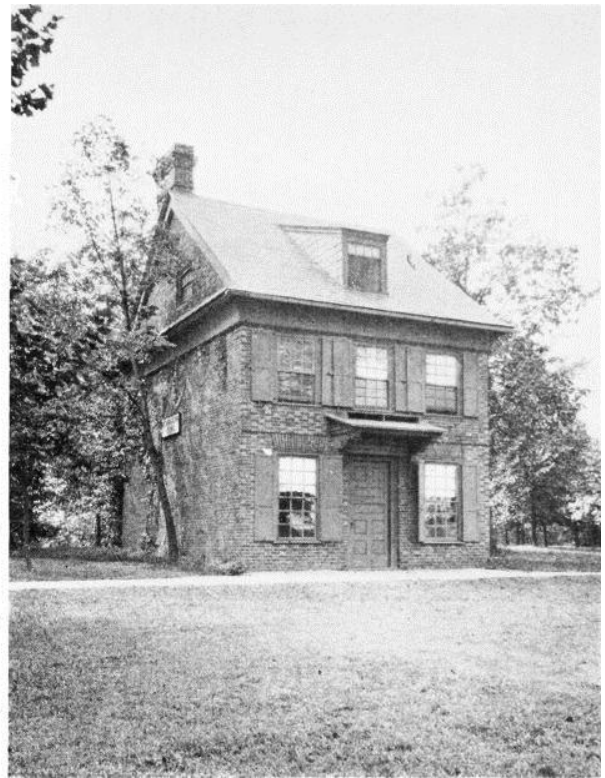
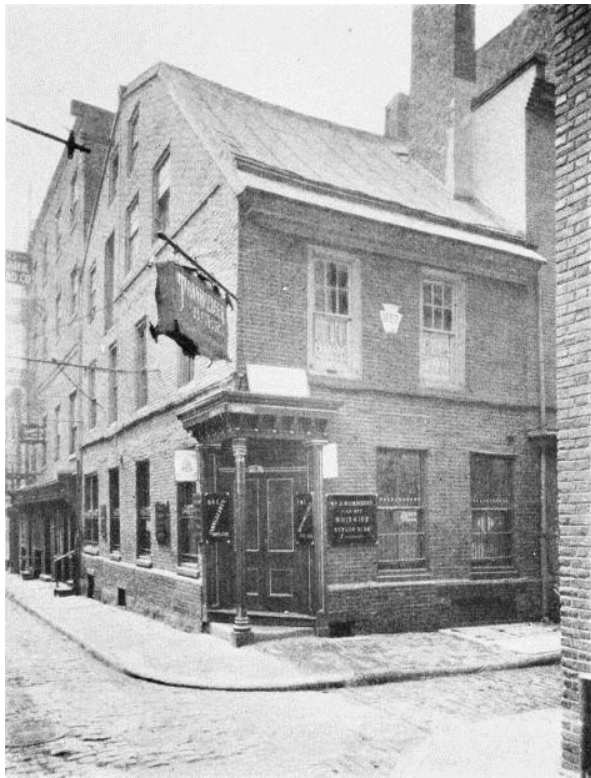
[back](#)

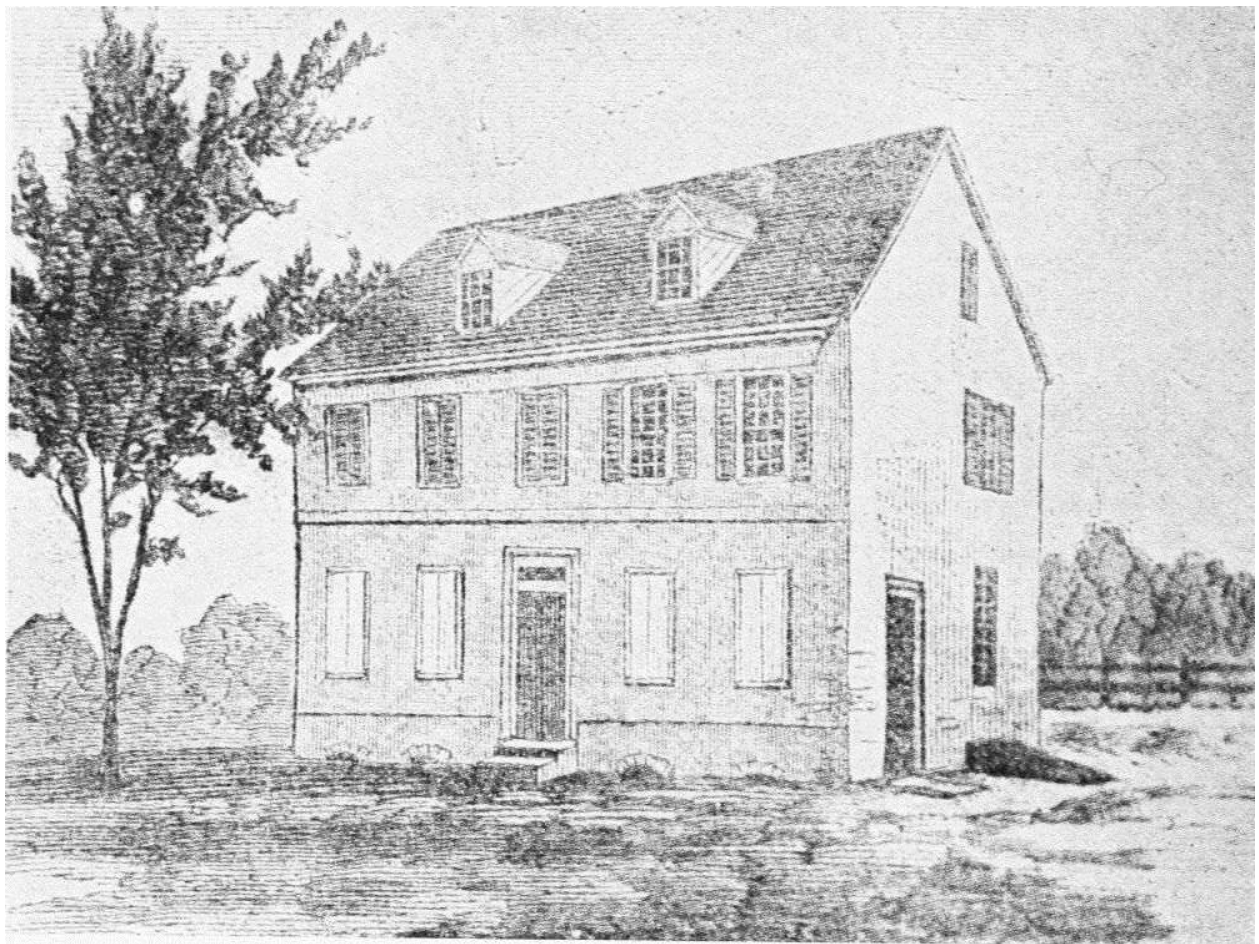
[back](#)

[back](#)

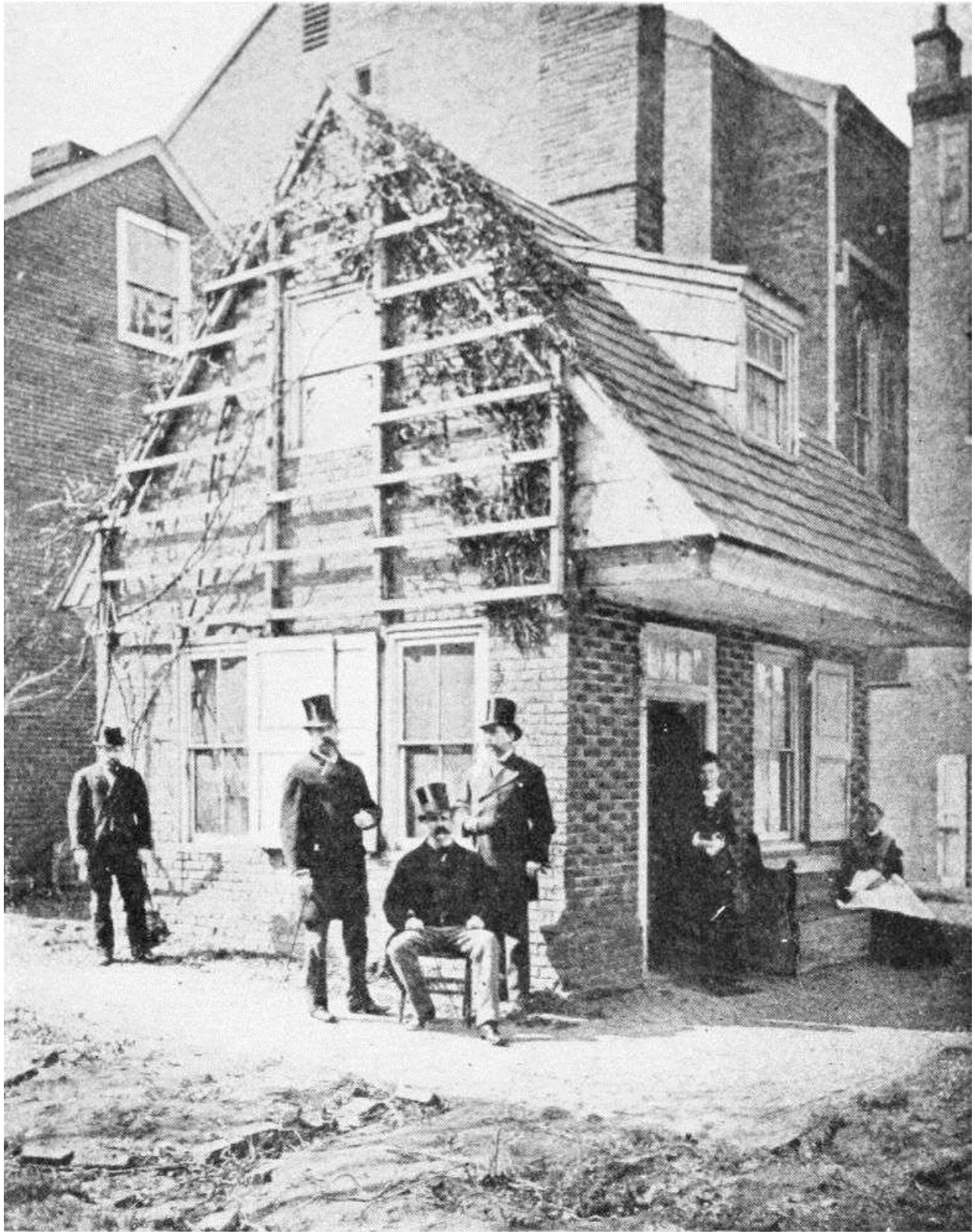
[back](#)

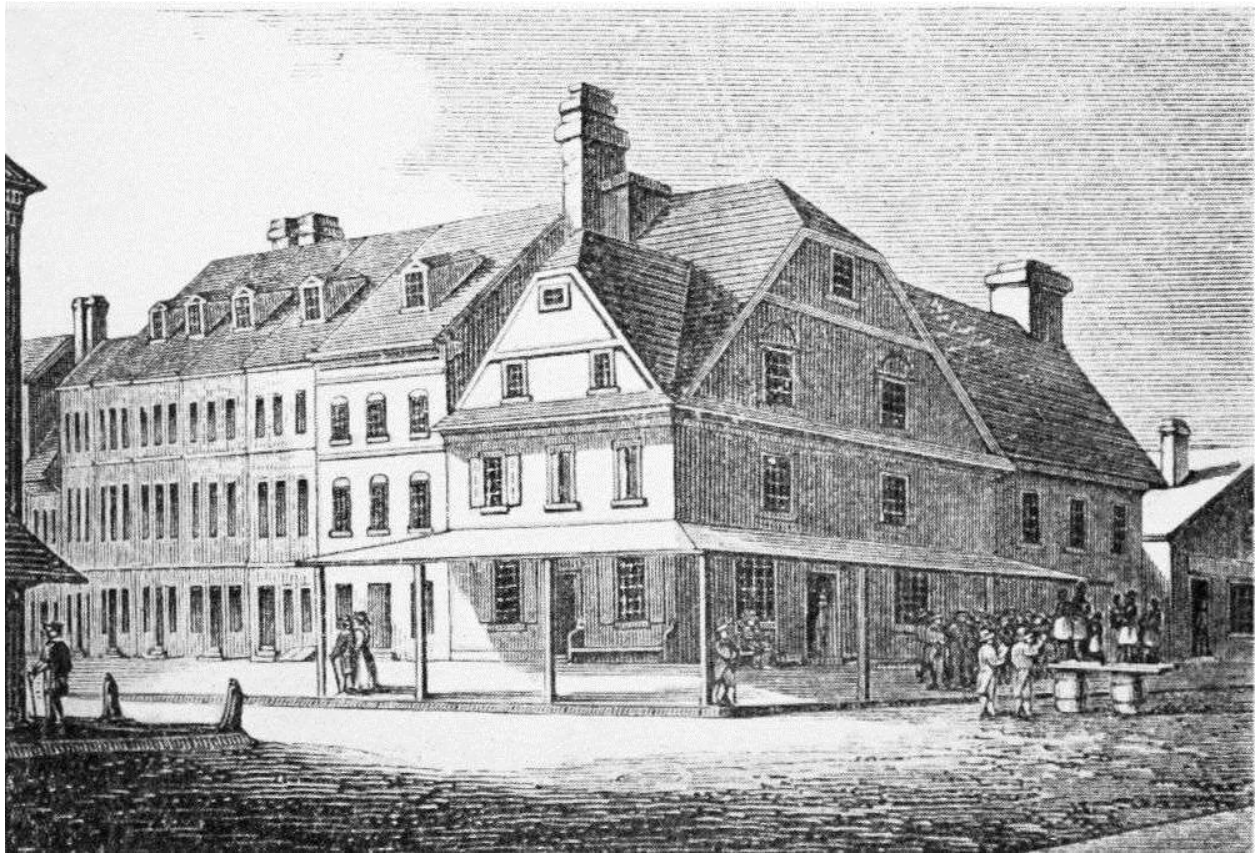
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

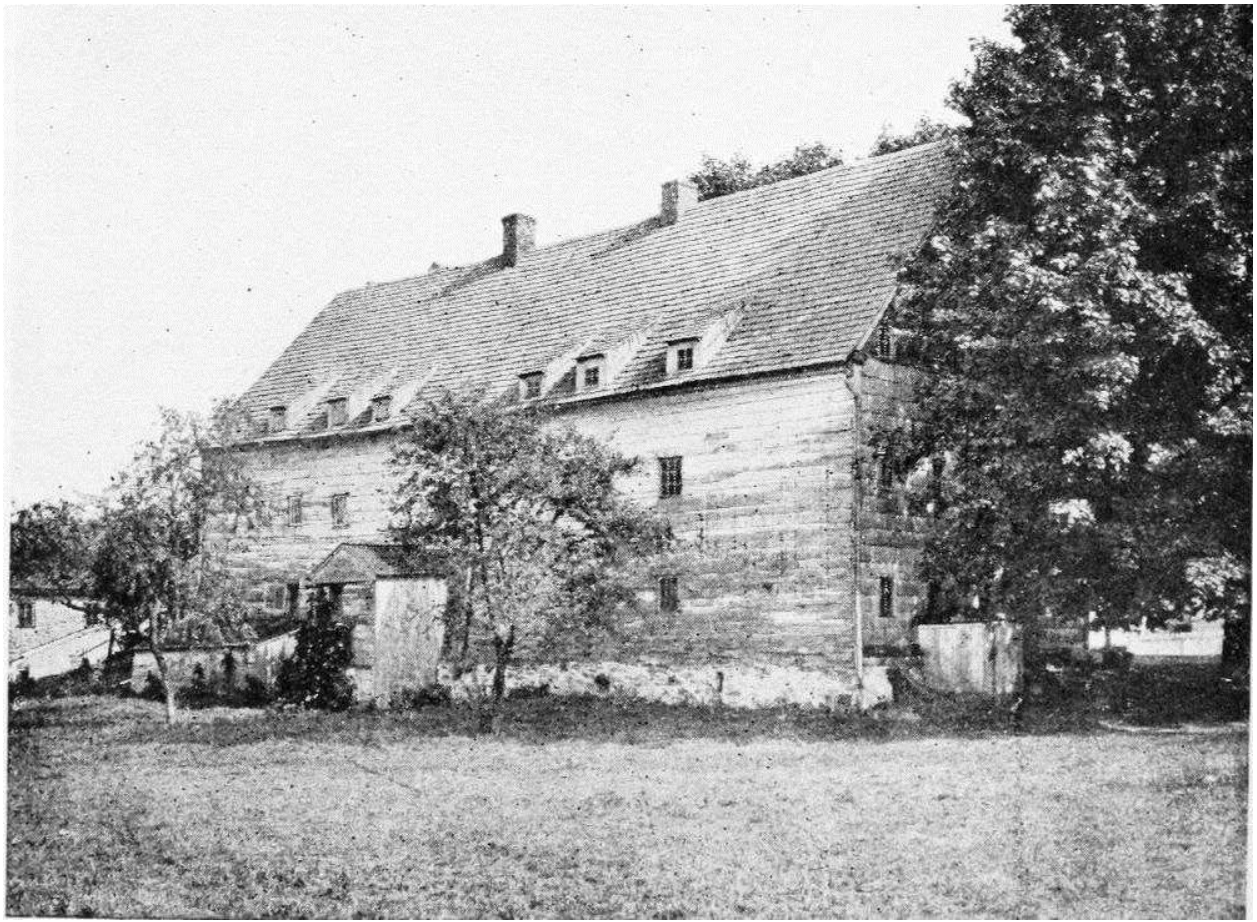
[back](#)

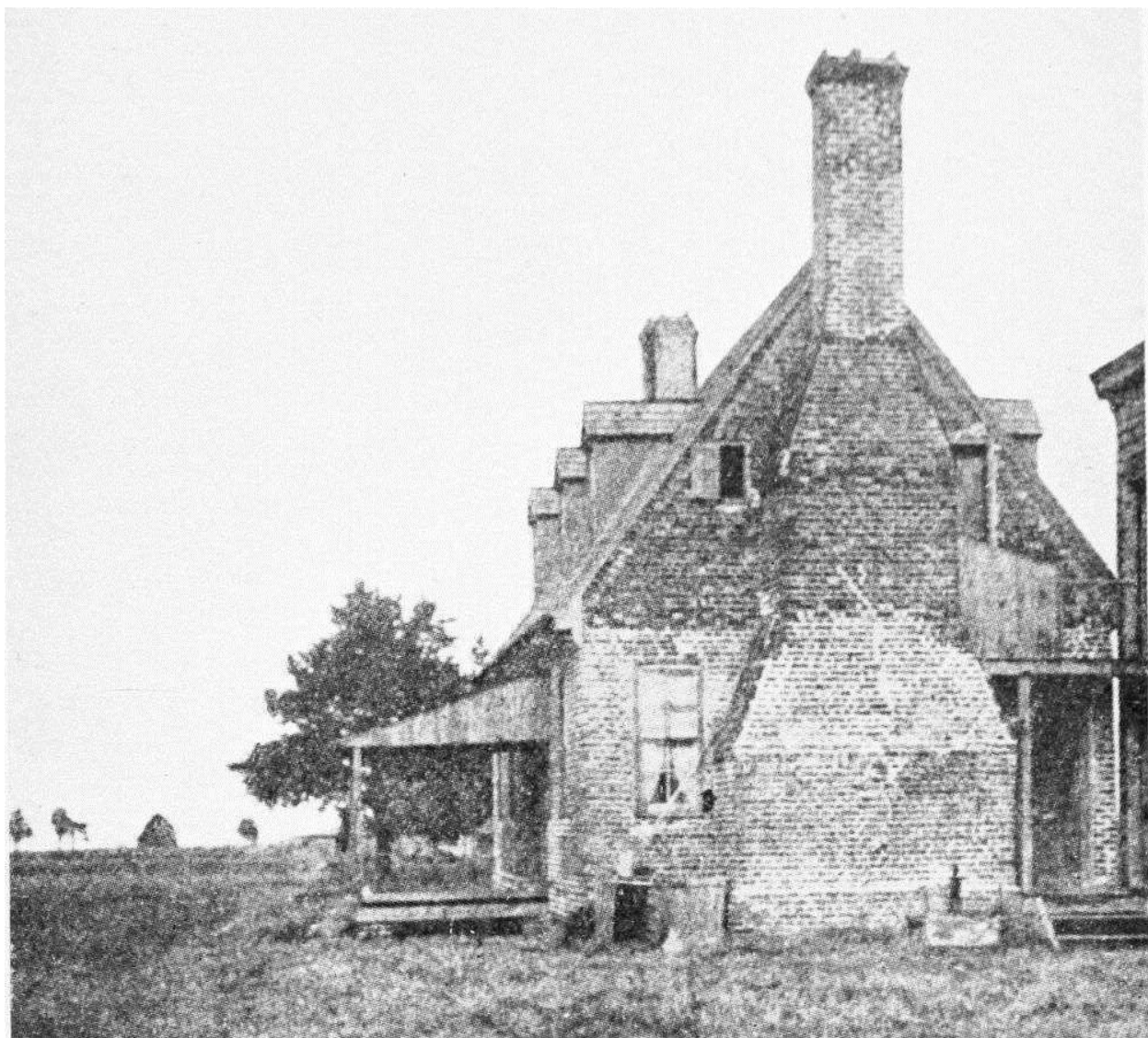
[back](#)

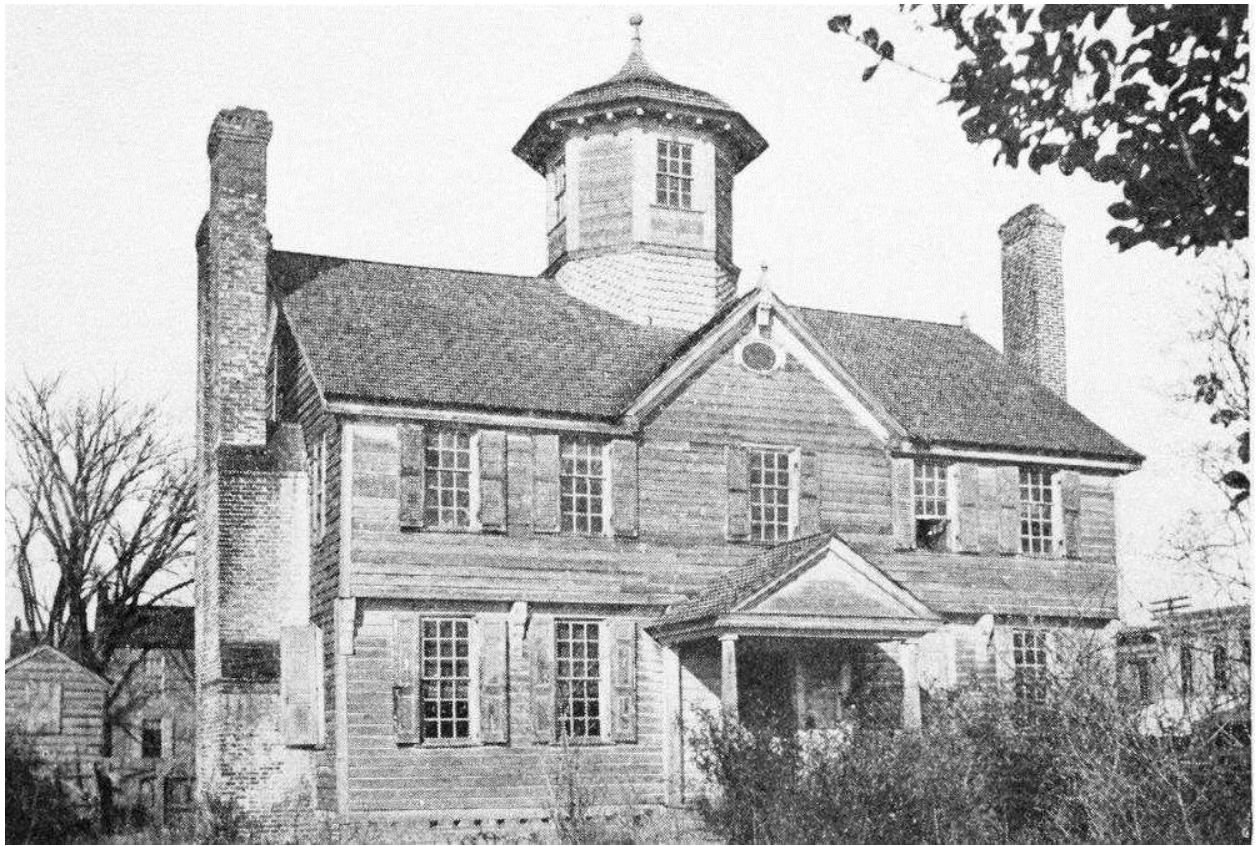
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

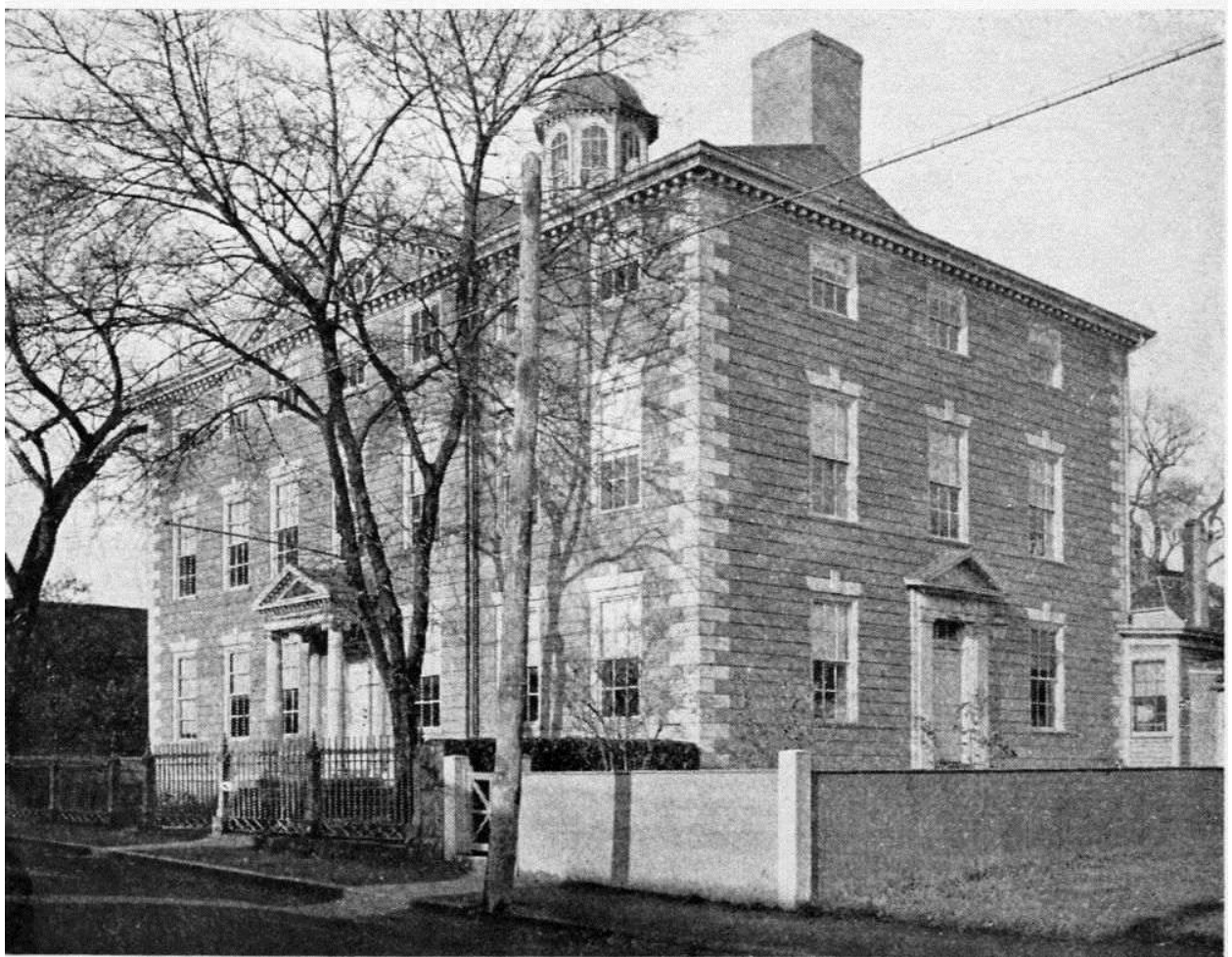
[back](#)

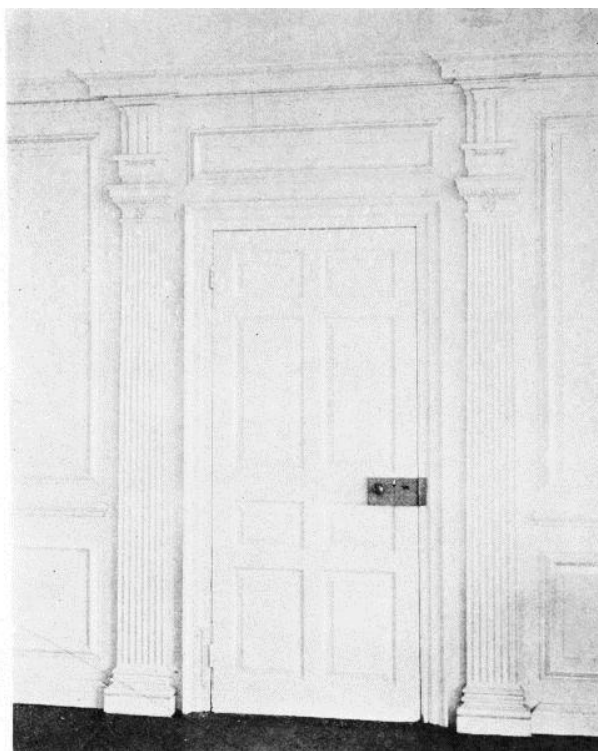
[back](#)

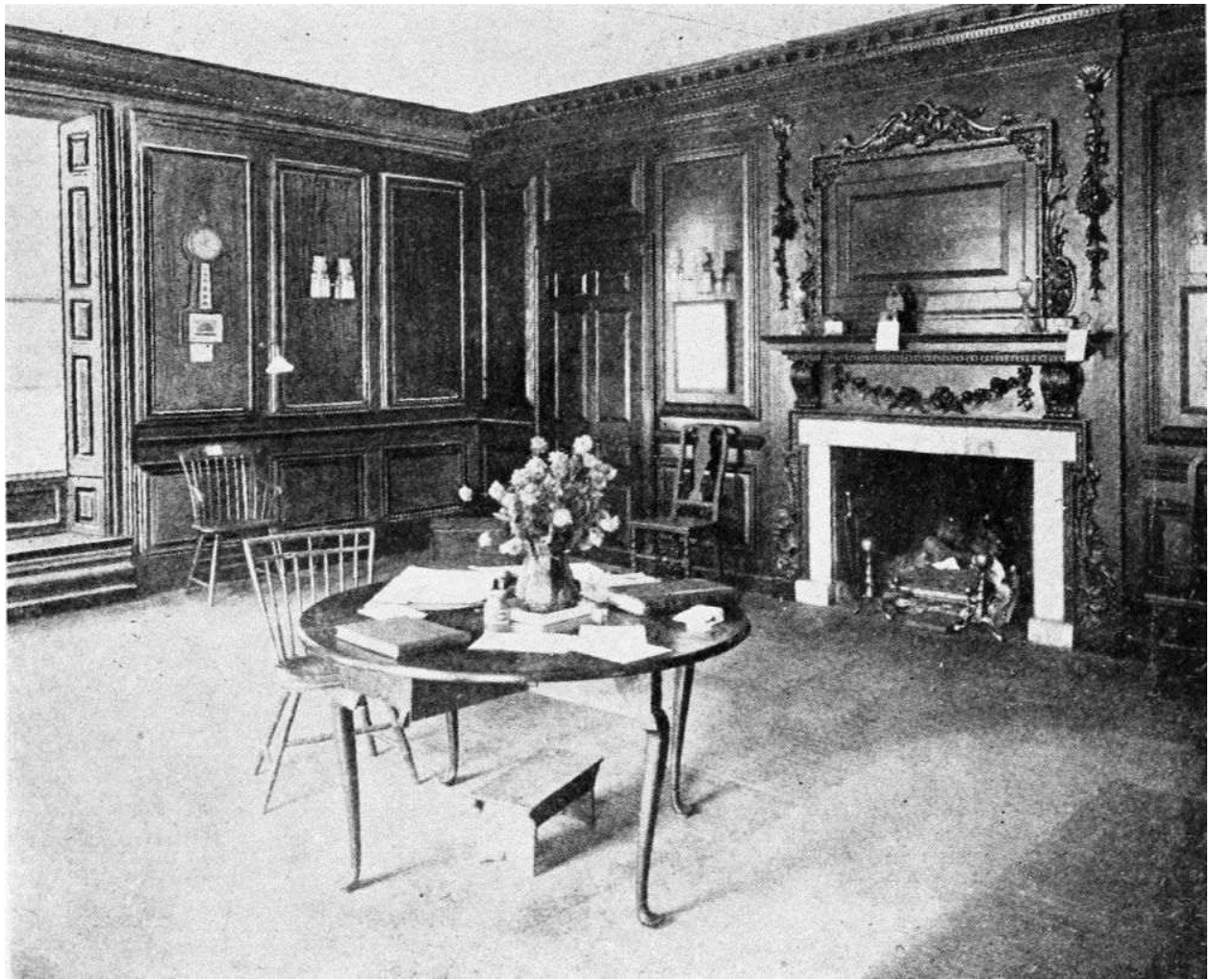
[back](#)

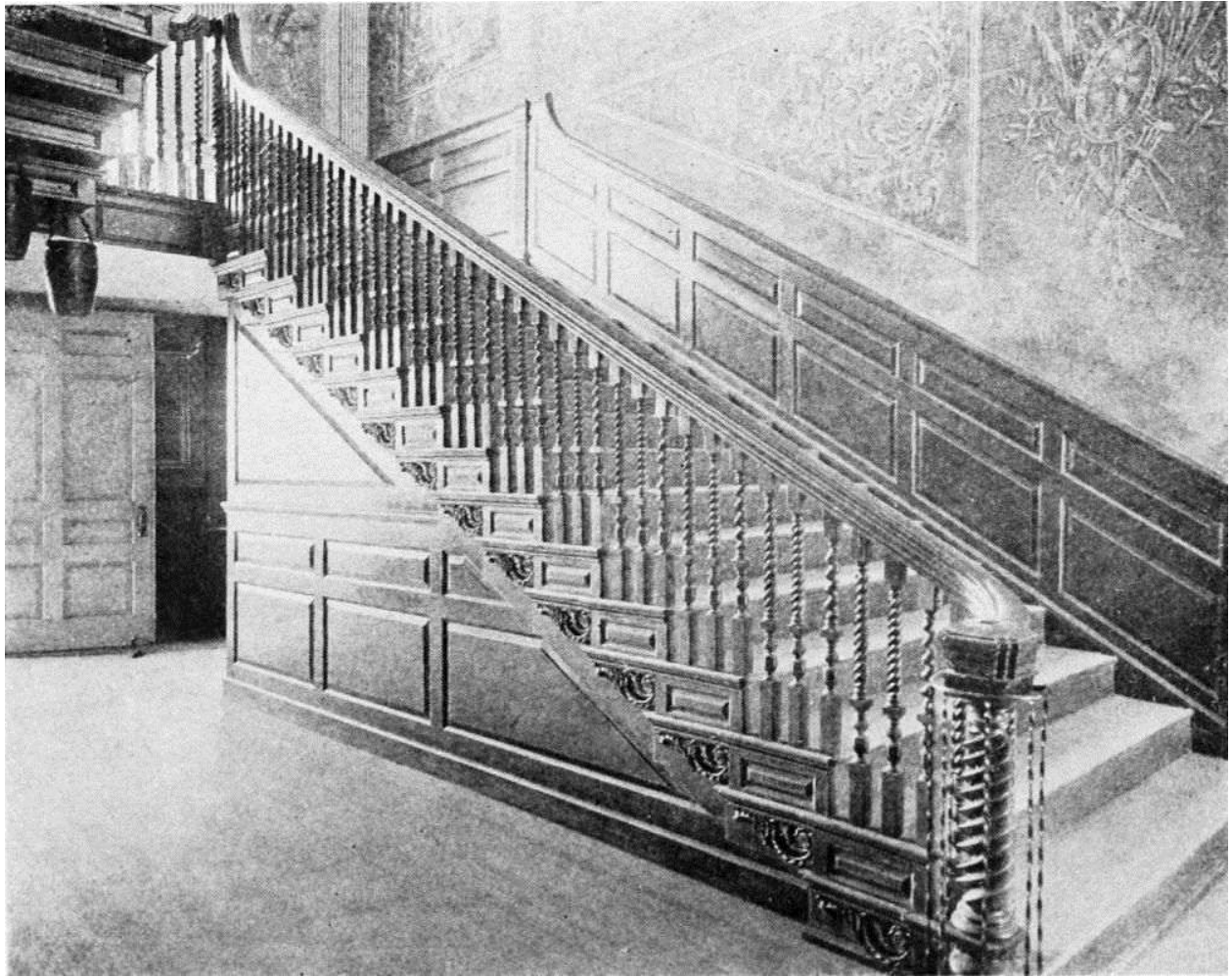
[back](#)

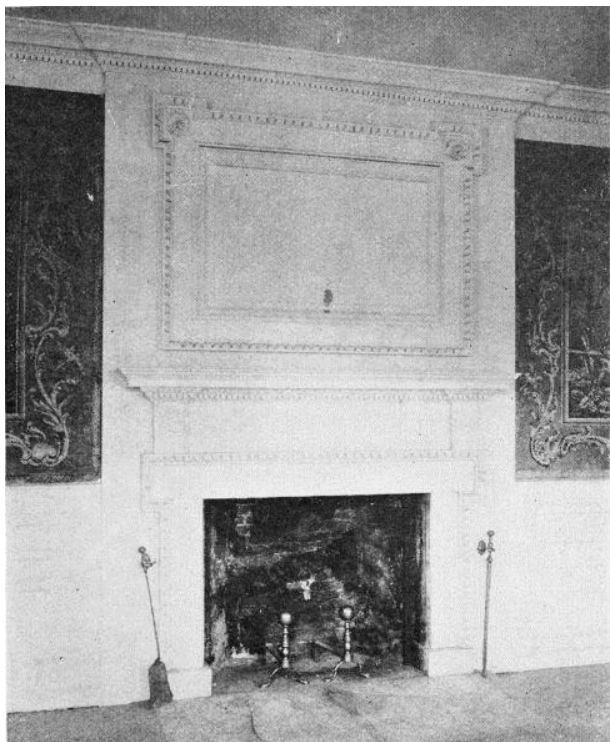
[back](#)

[back](#)

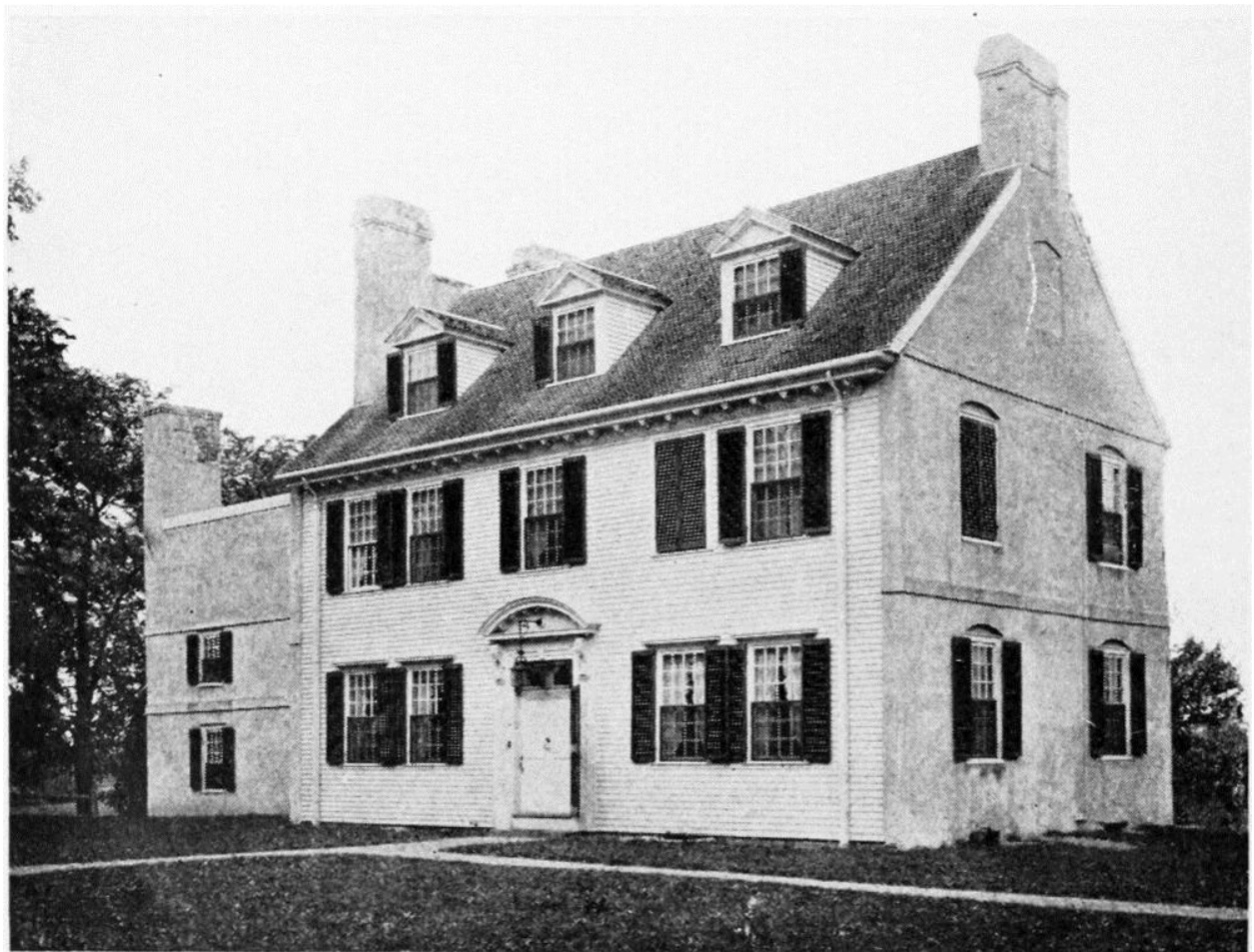
[back](#)

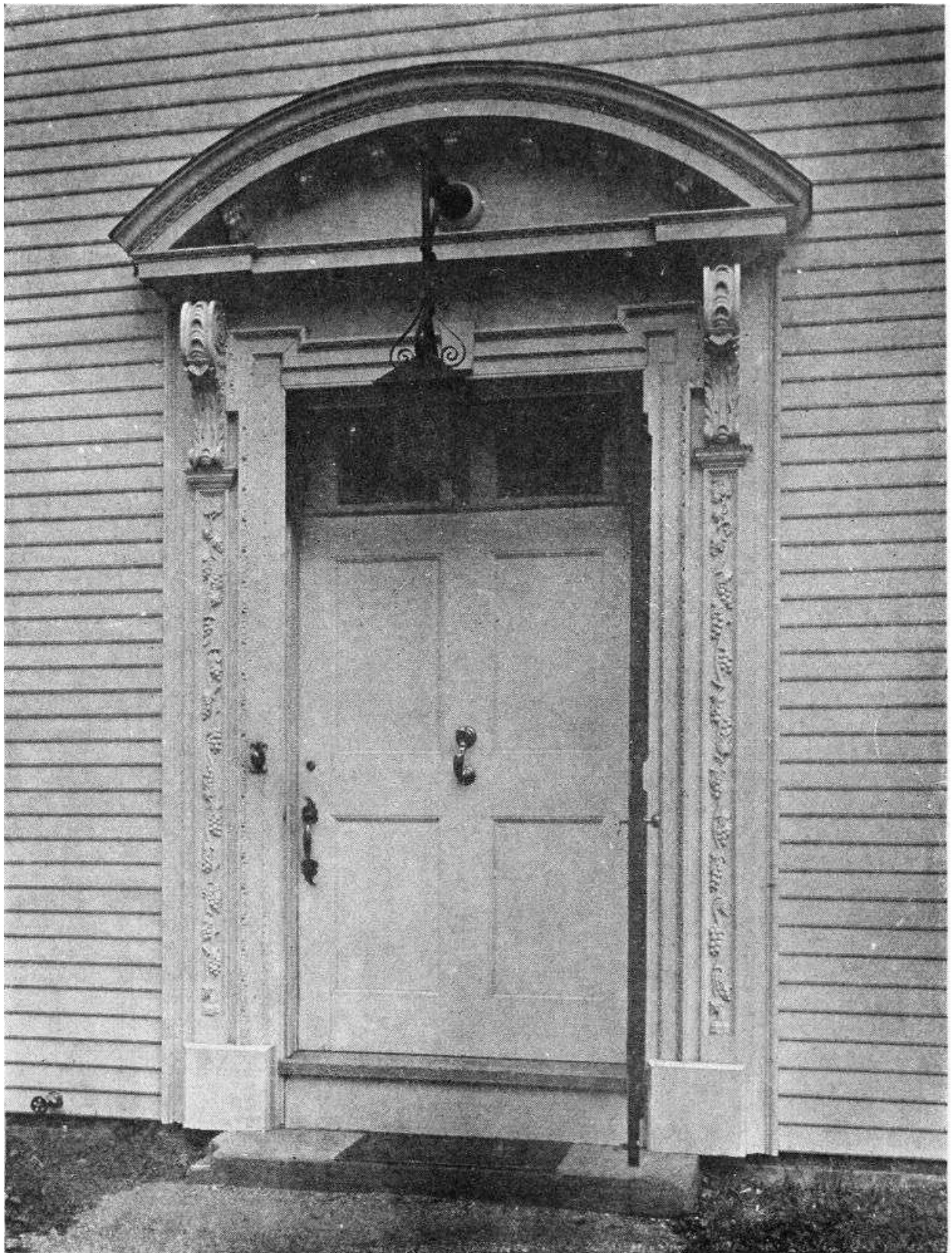
[back](#)

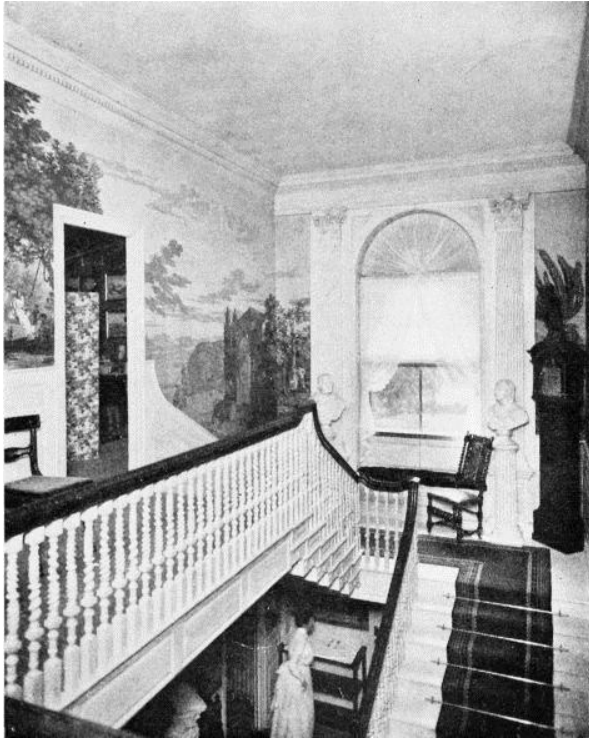
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

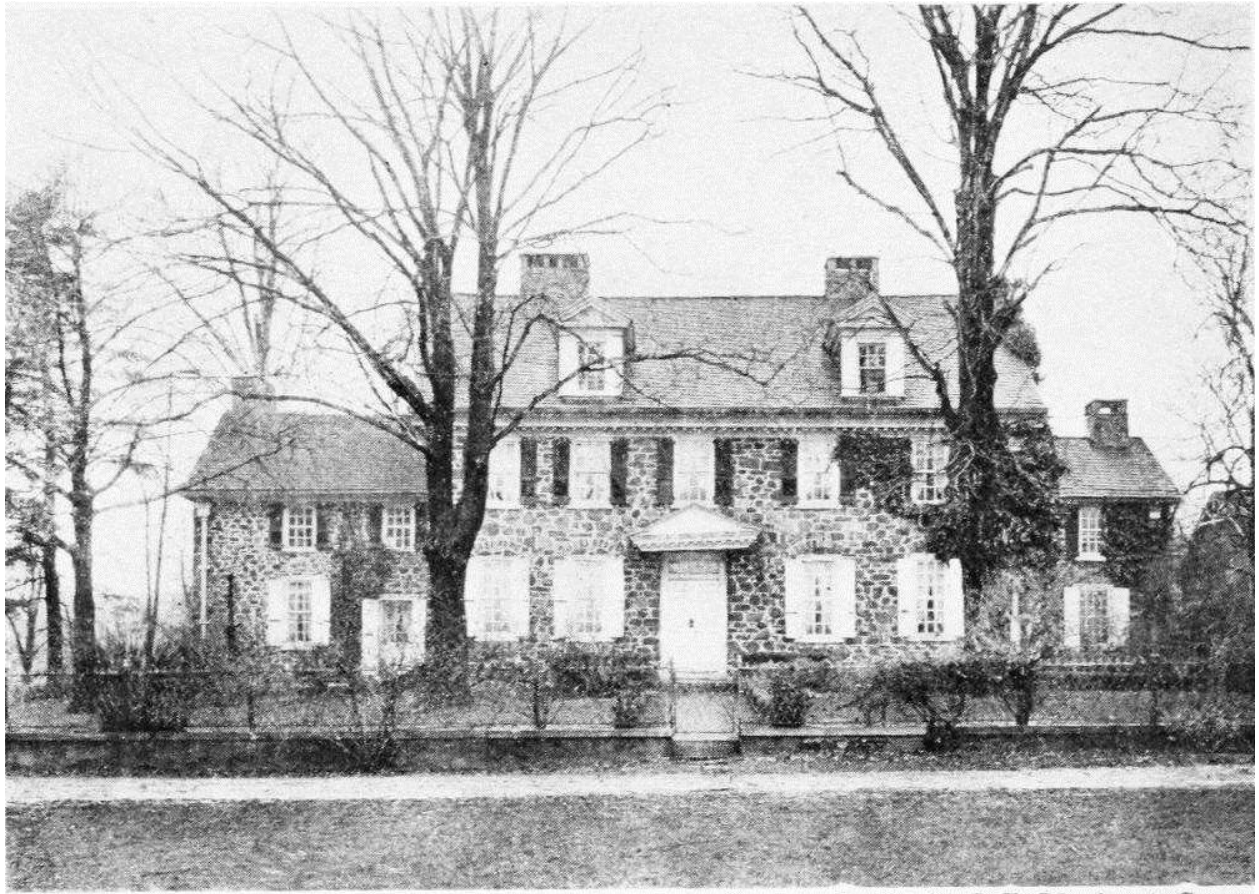
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

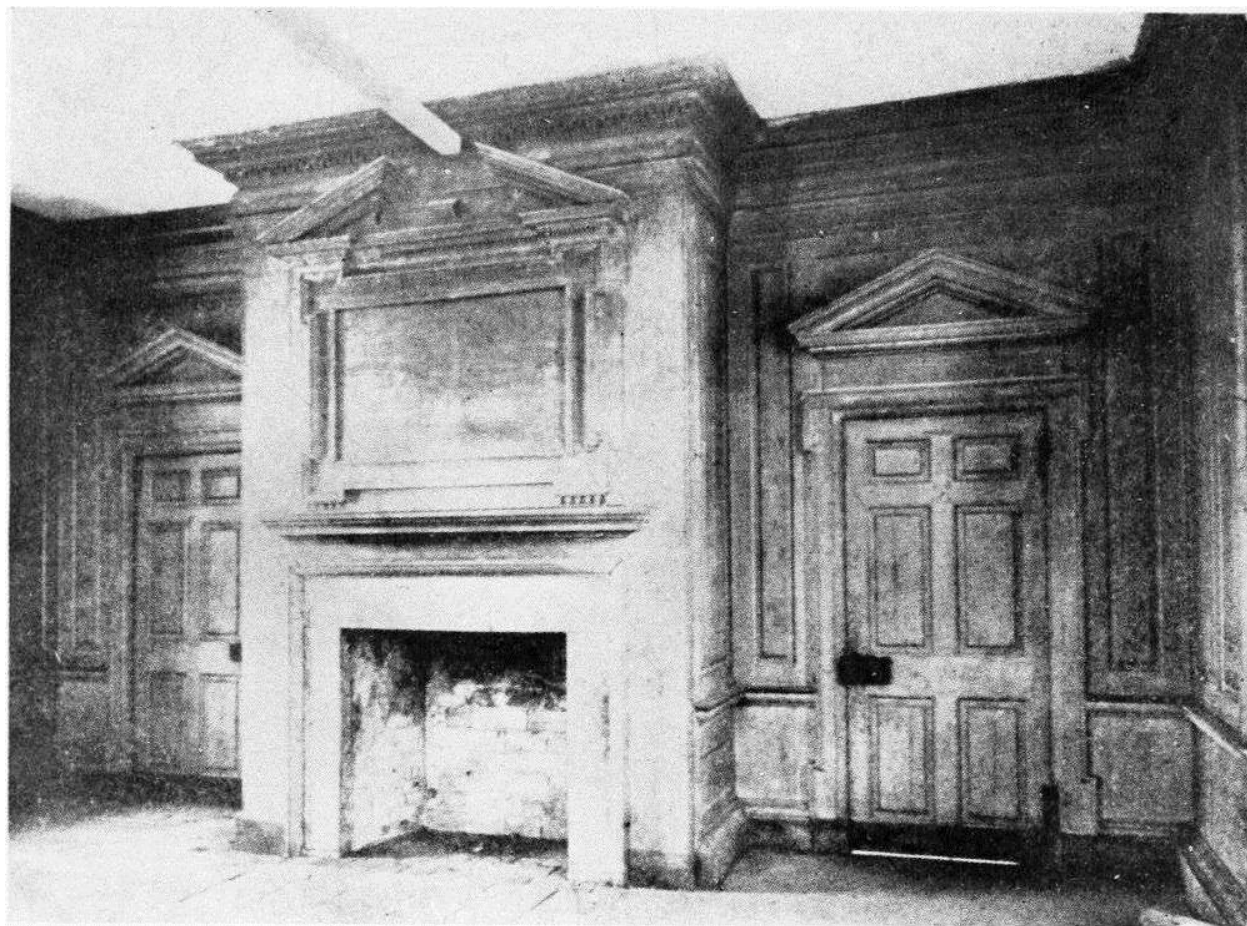
[back](#)

[back](#)

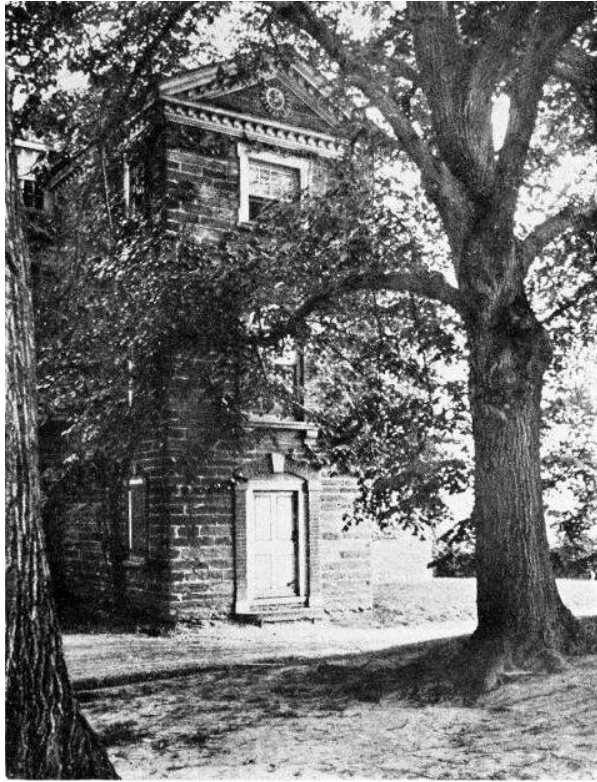
[back](#)

[back](#)

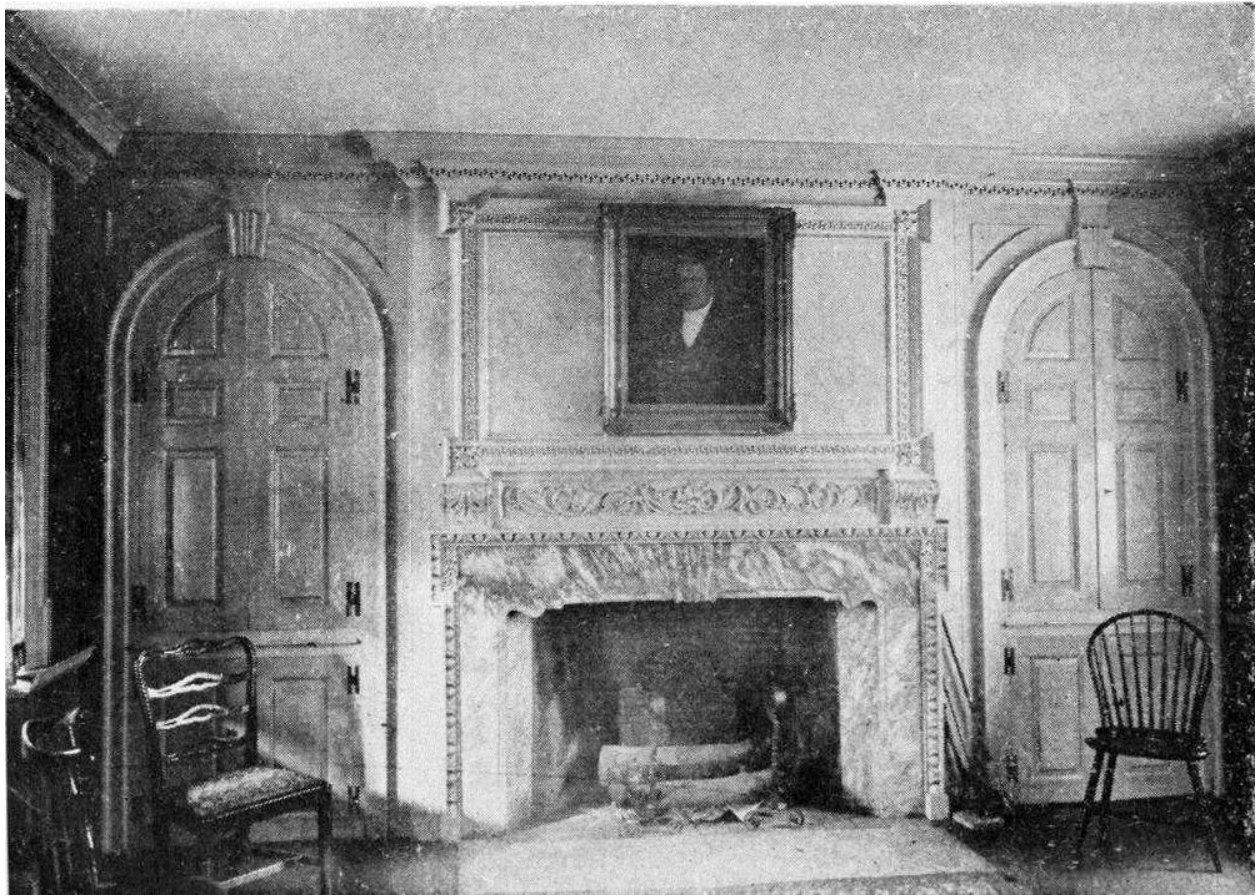
[back](#)

[back](#)

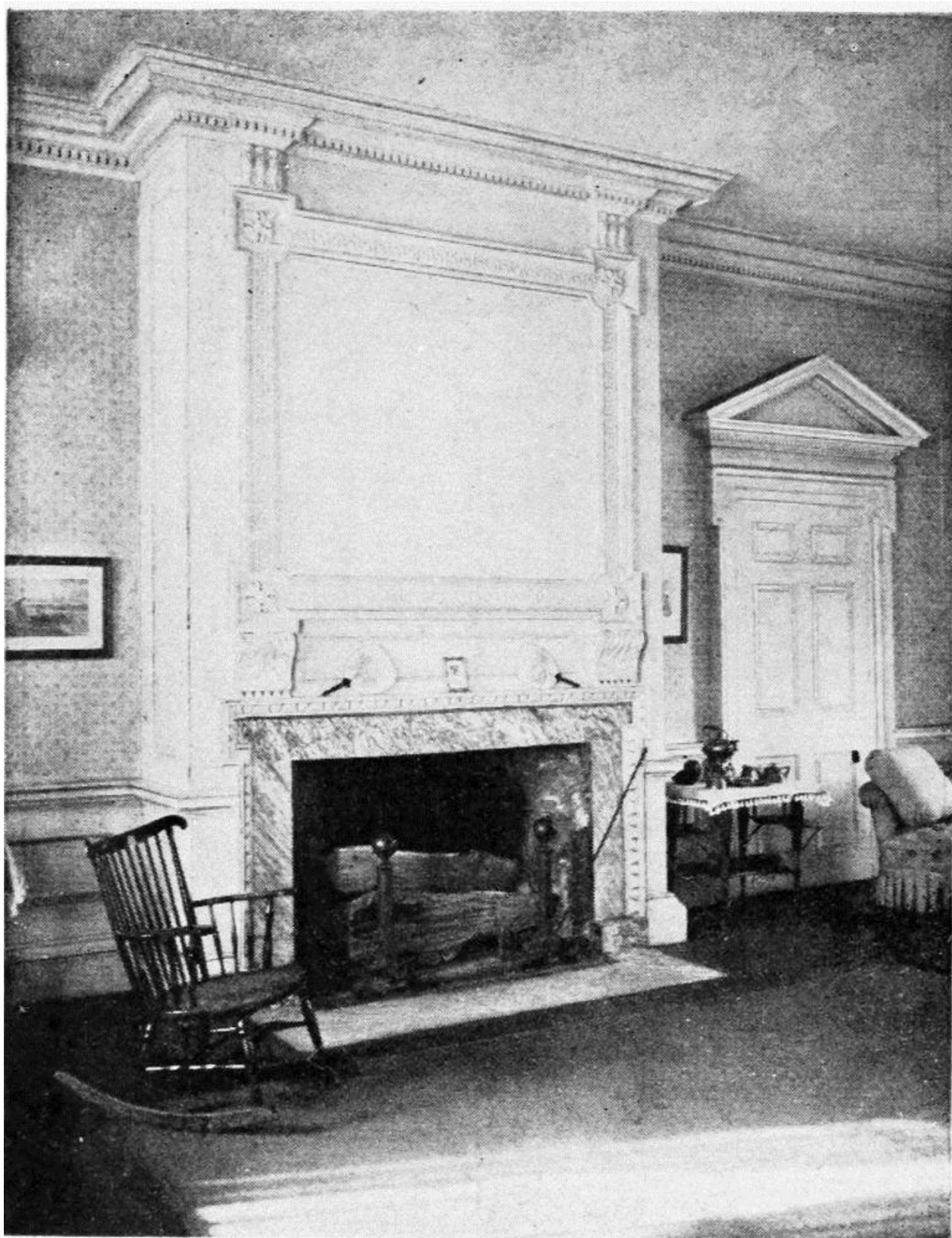
[back](#)

[back](#)

[back](#)

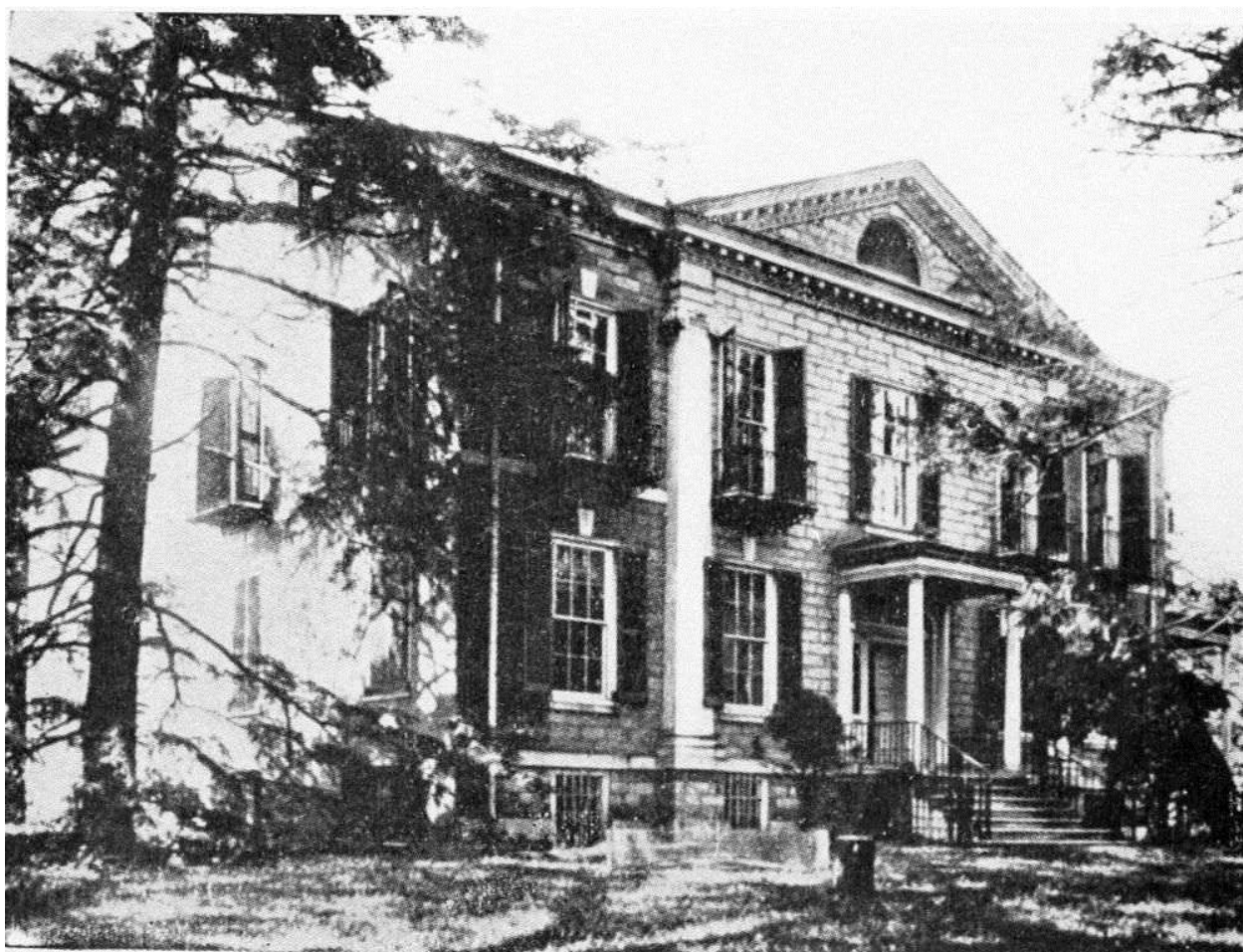
[back](#)

[back](#)

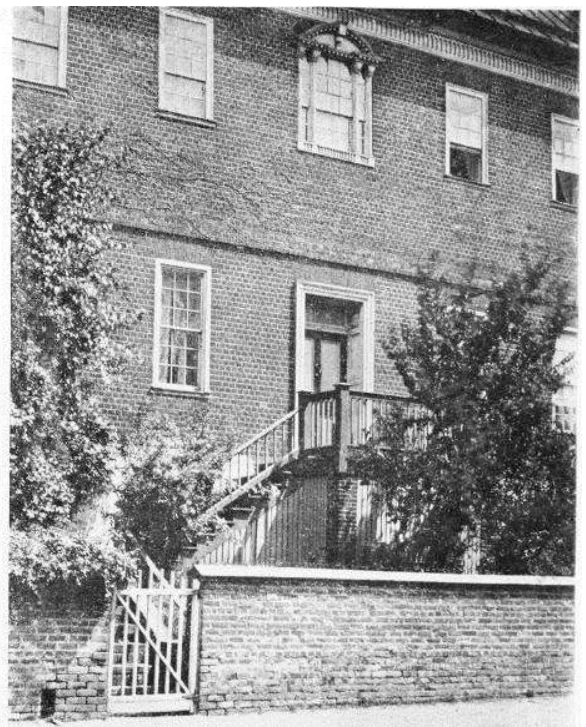
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

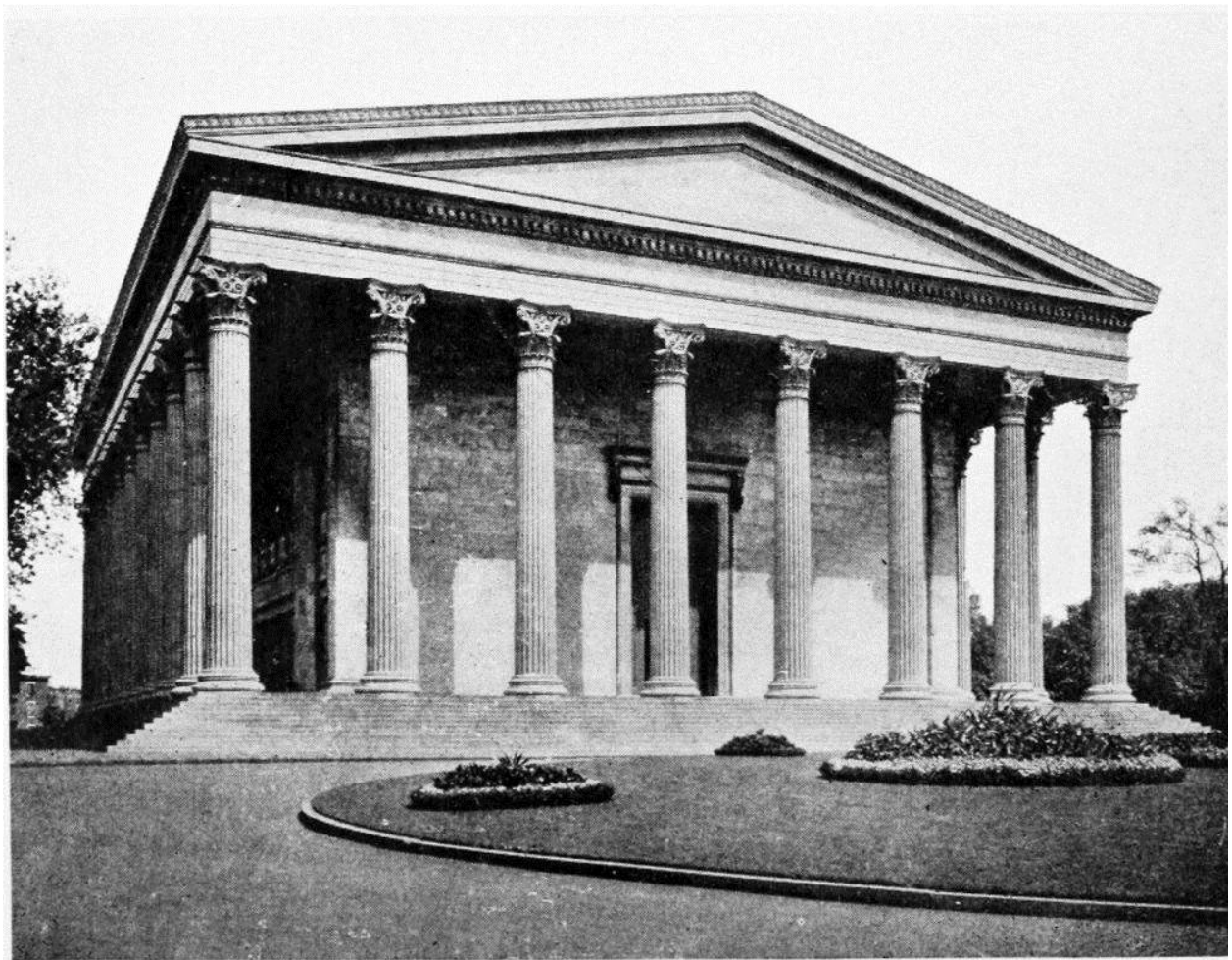
[back](#)

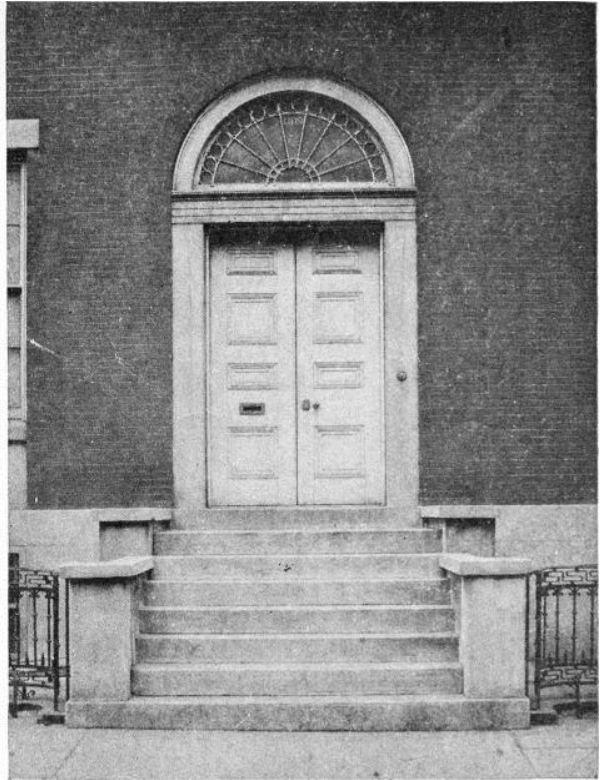
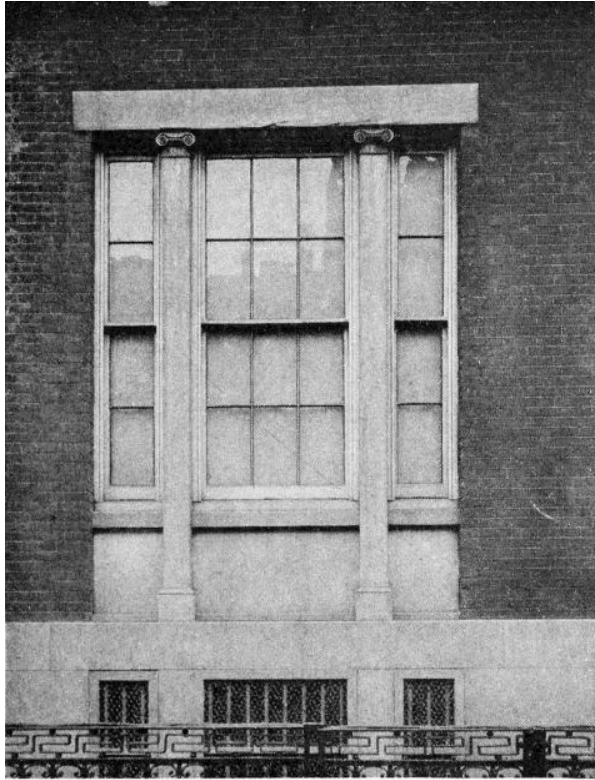
[back](#)

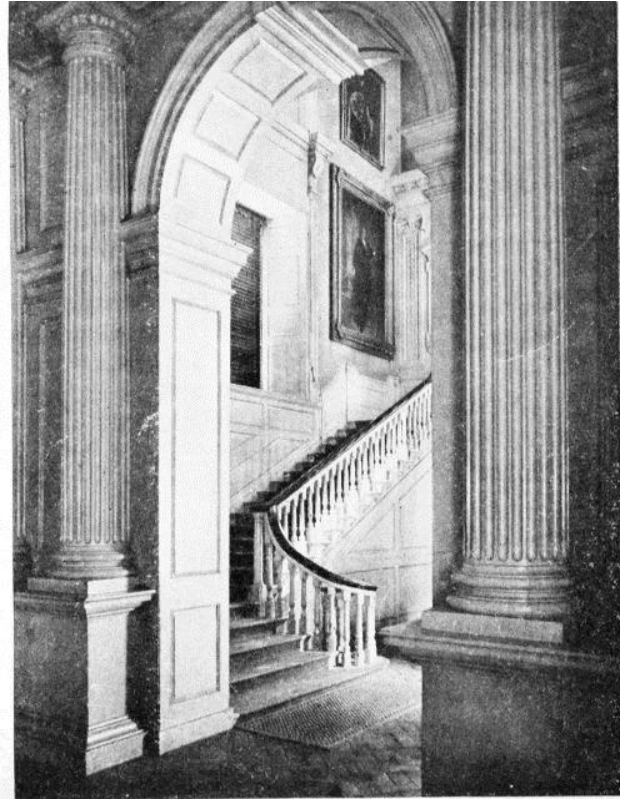
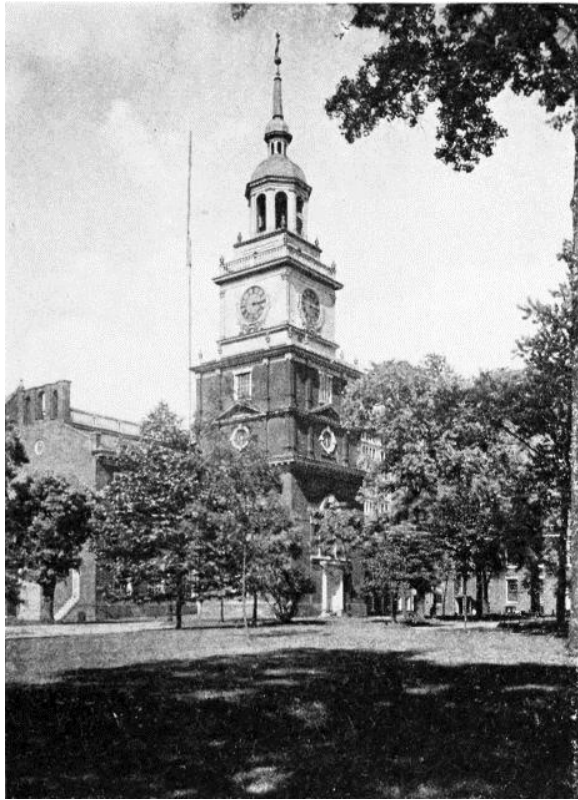
[back](#)

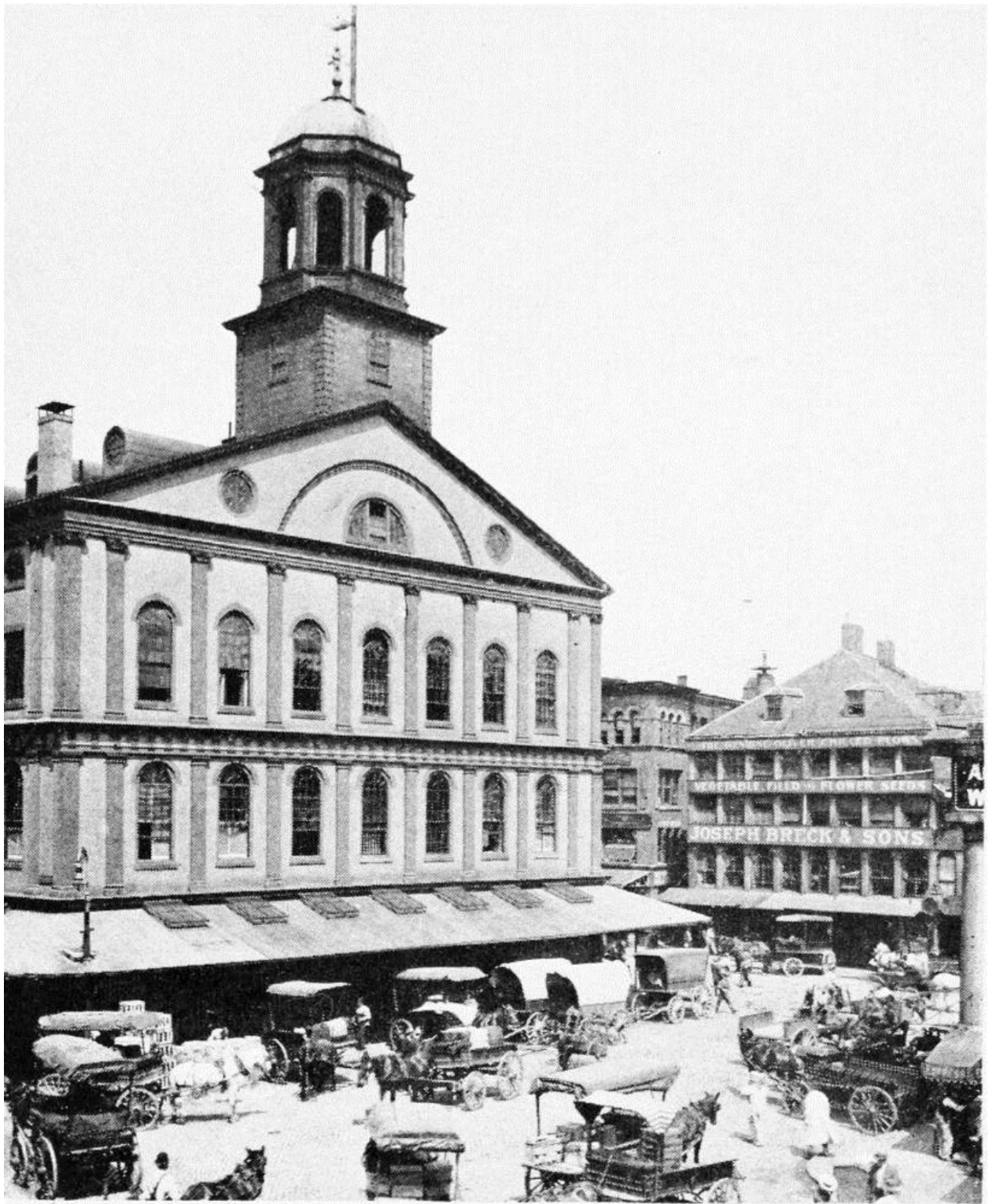
[back](#)

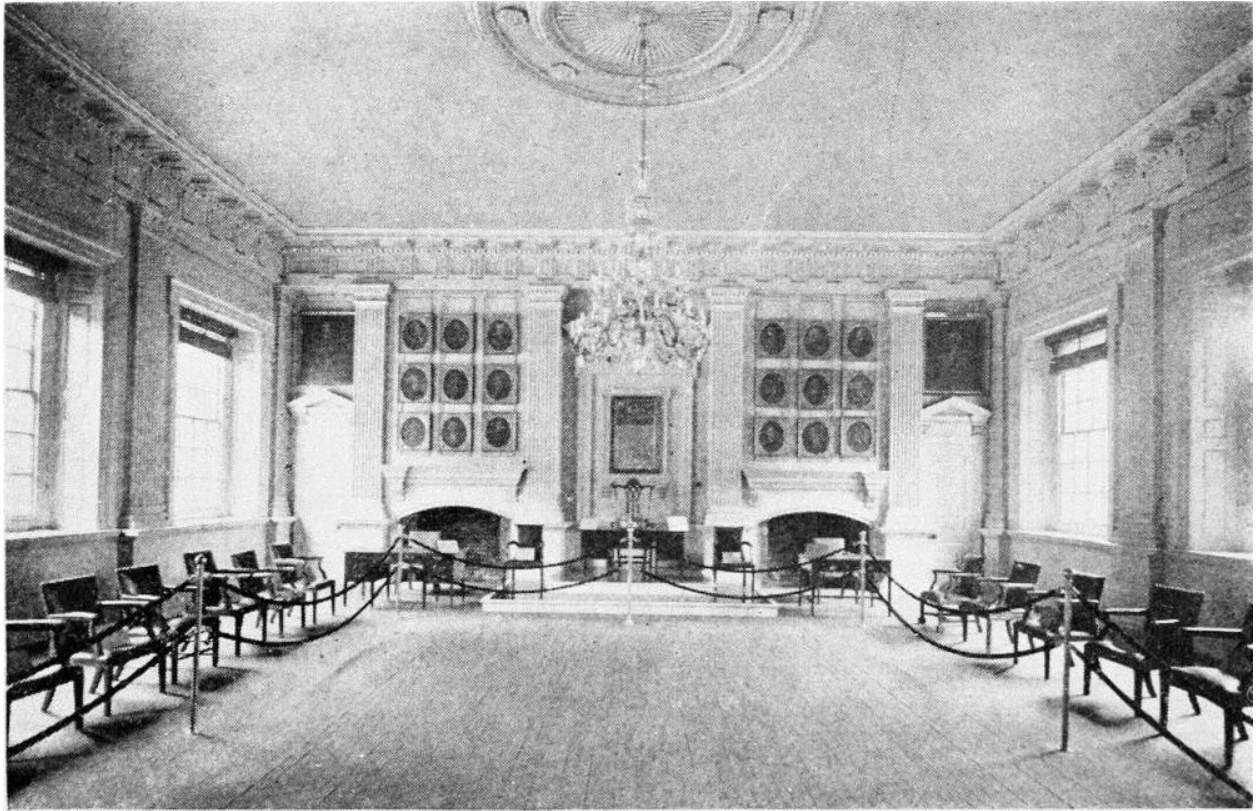
[back](#)

[back](#)

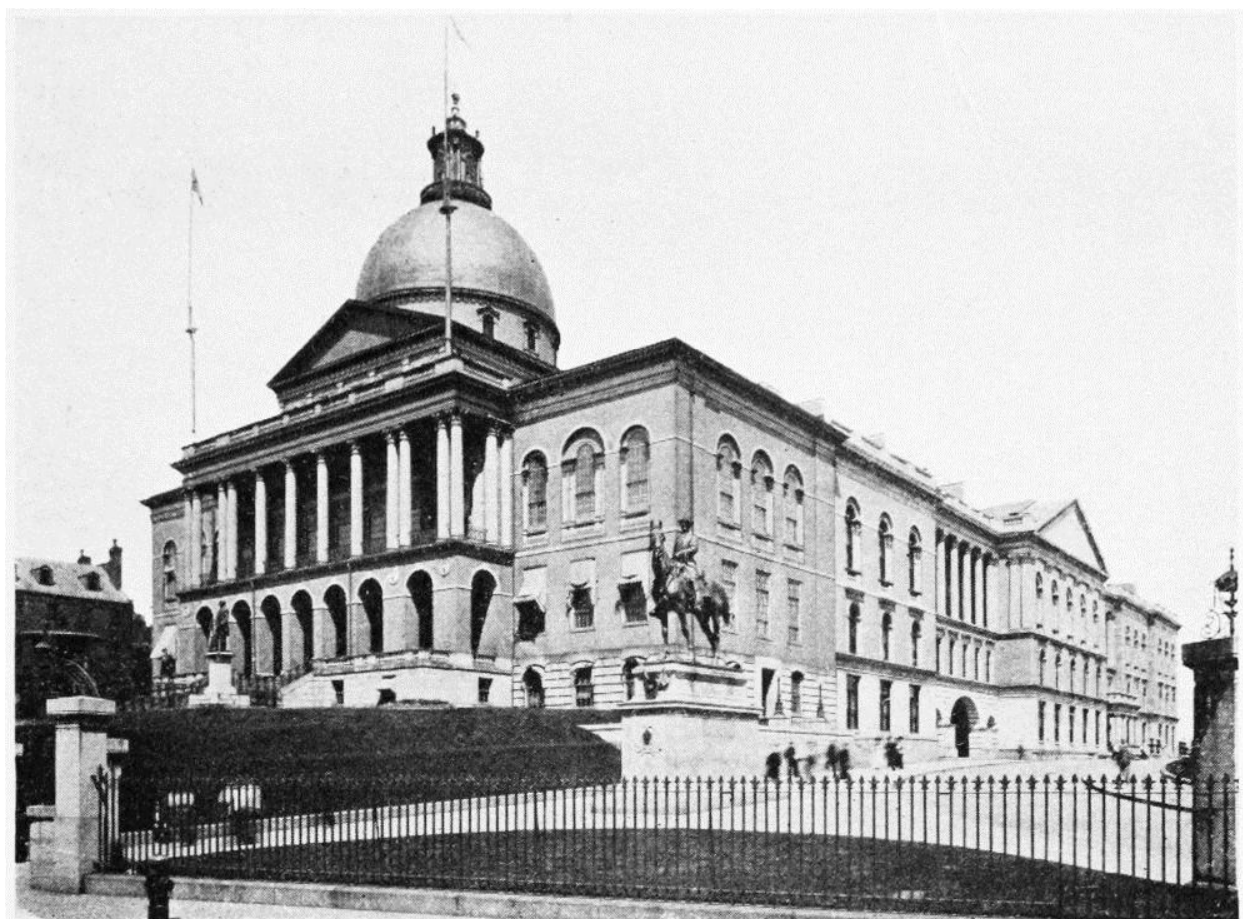
[back](#)

[back](#)

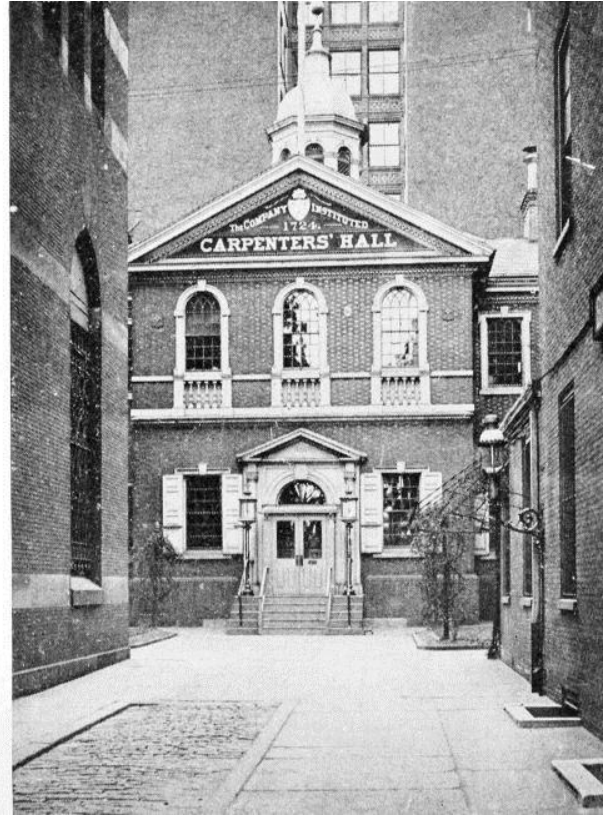
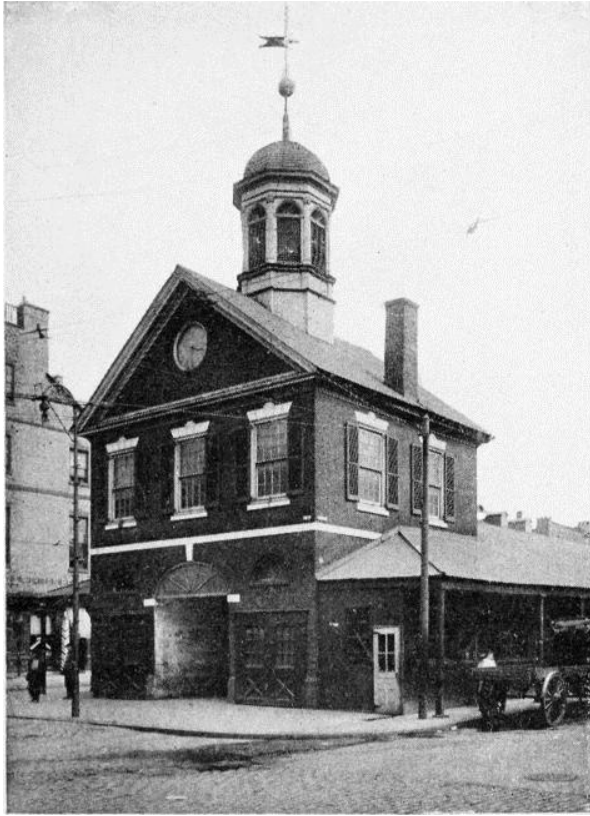
[back](#)

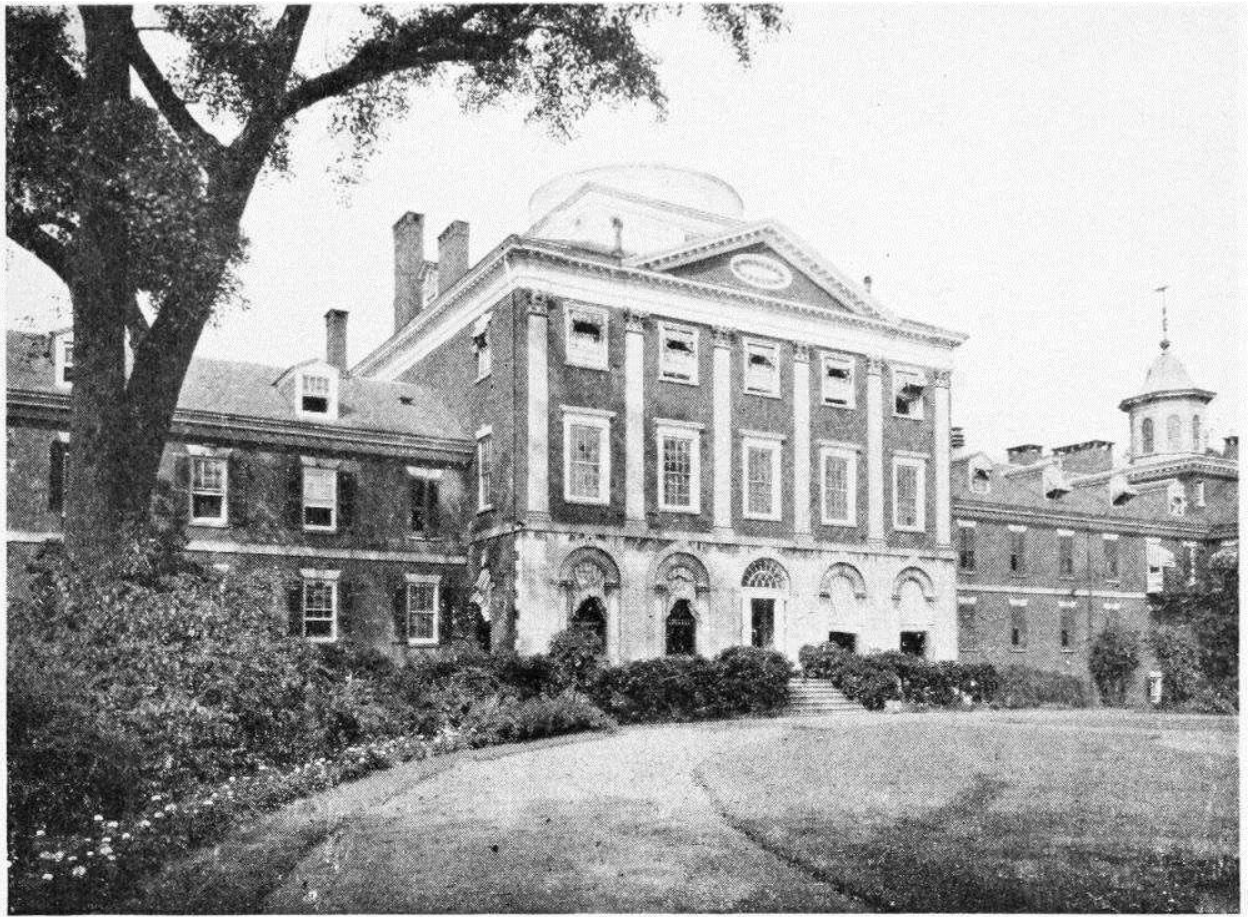
[back](#)

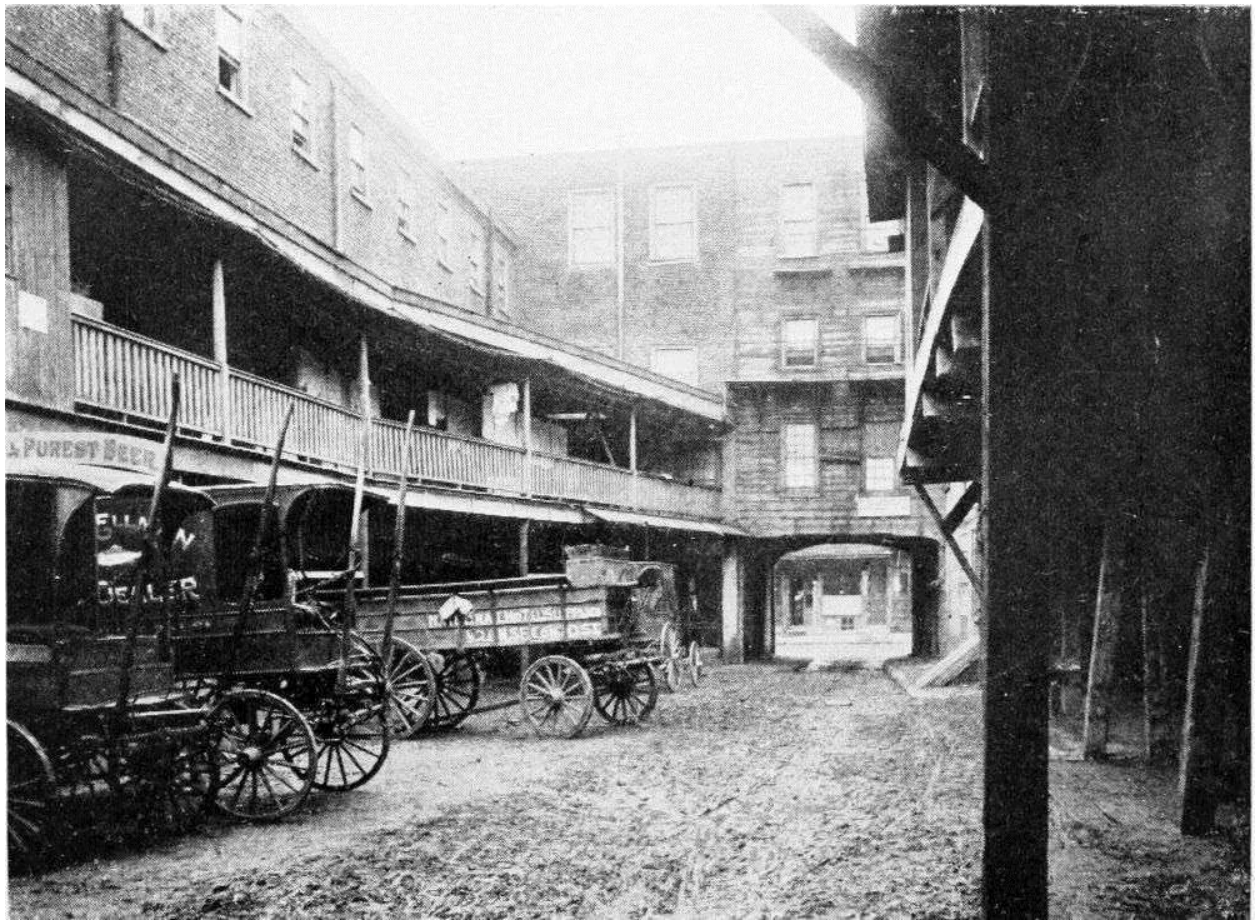
[back](#)

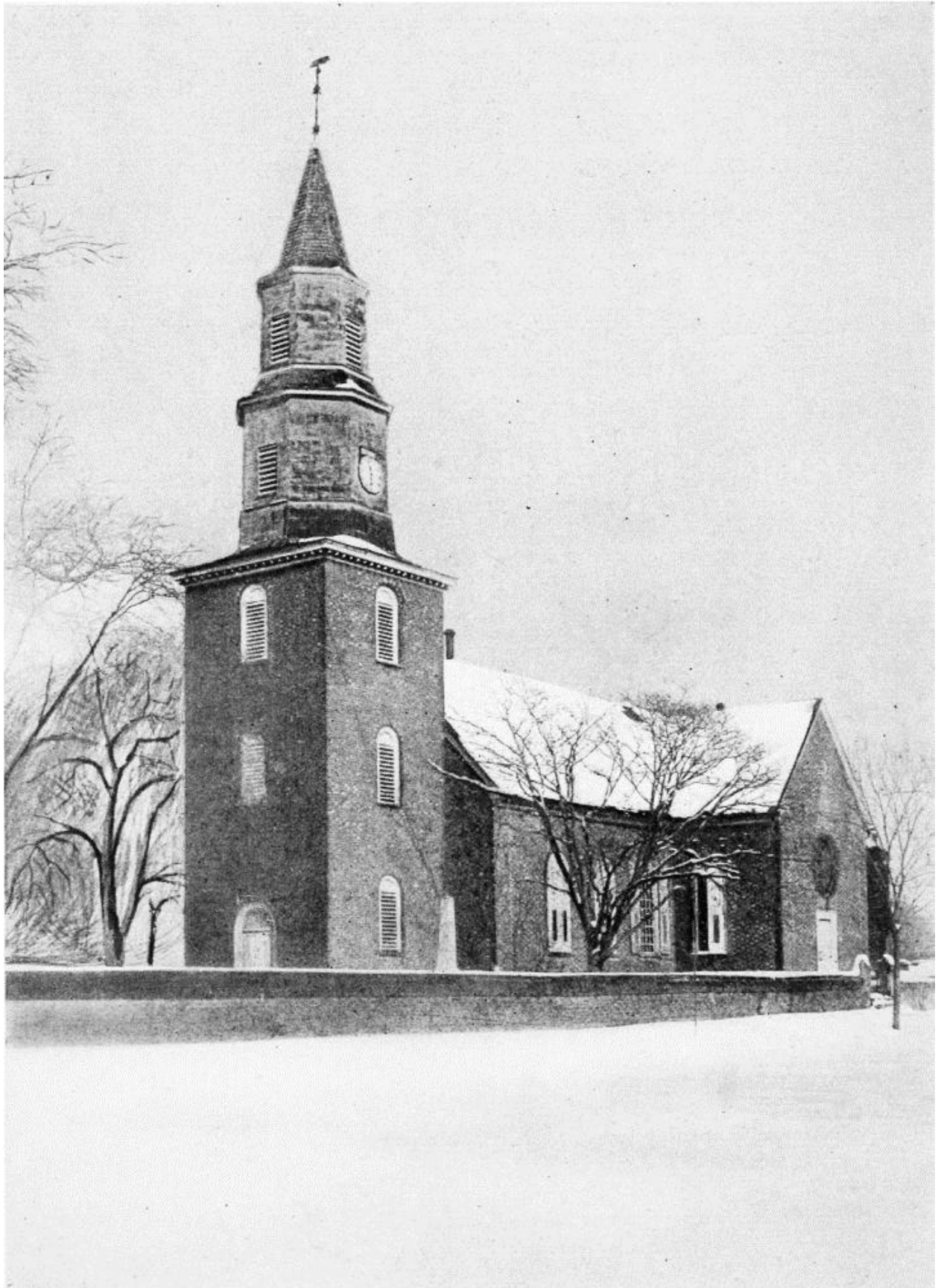
[back](#)

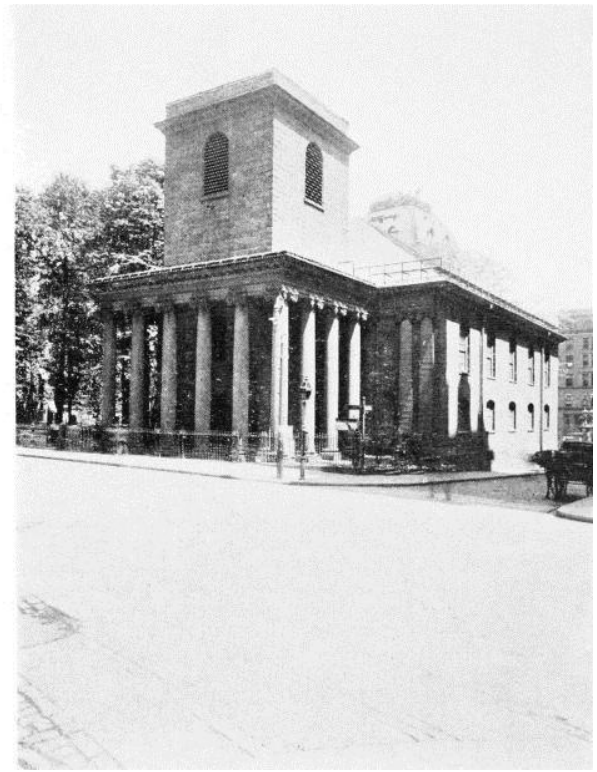
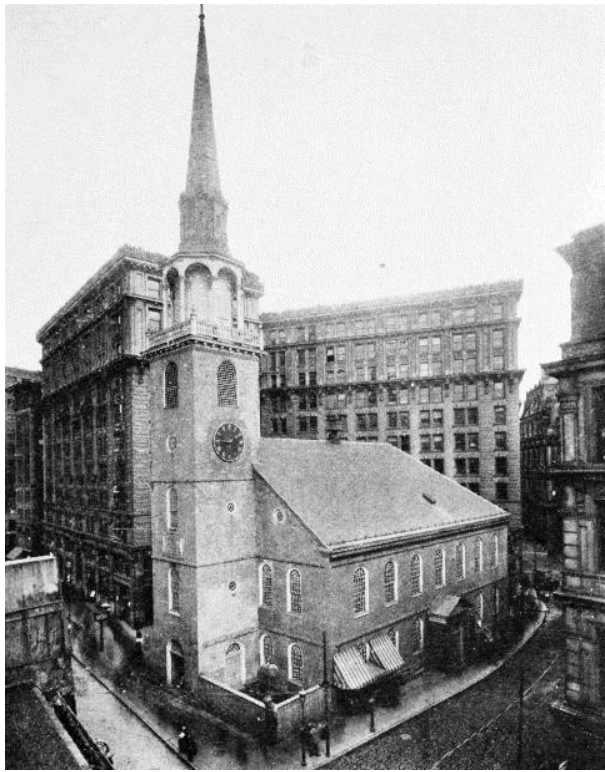
[back](#)

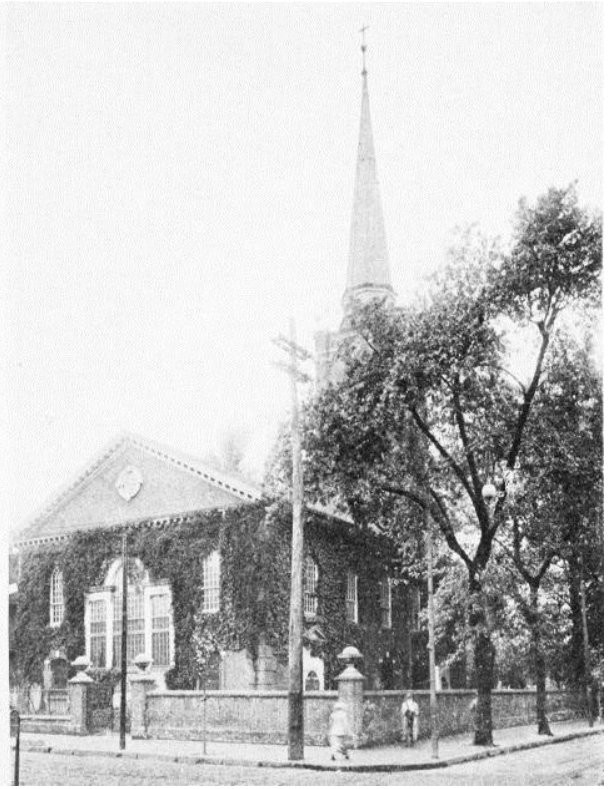
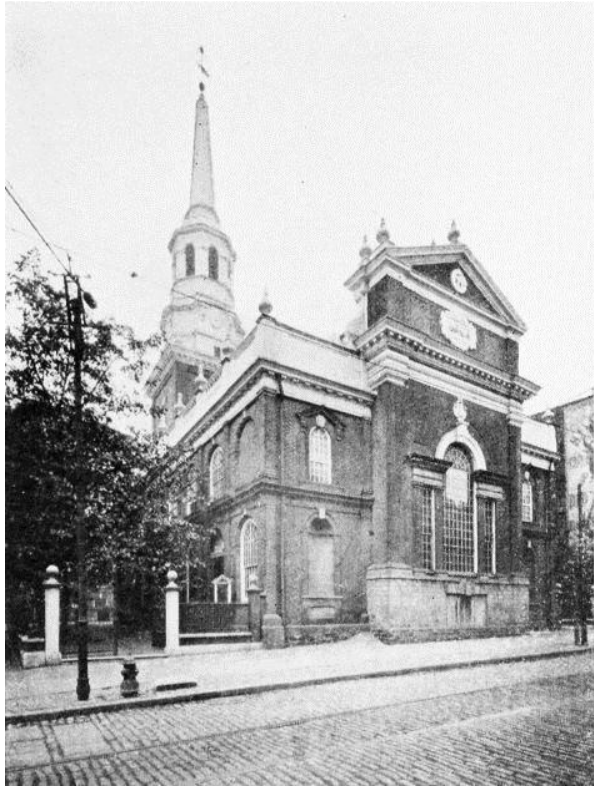
[back](#)

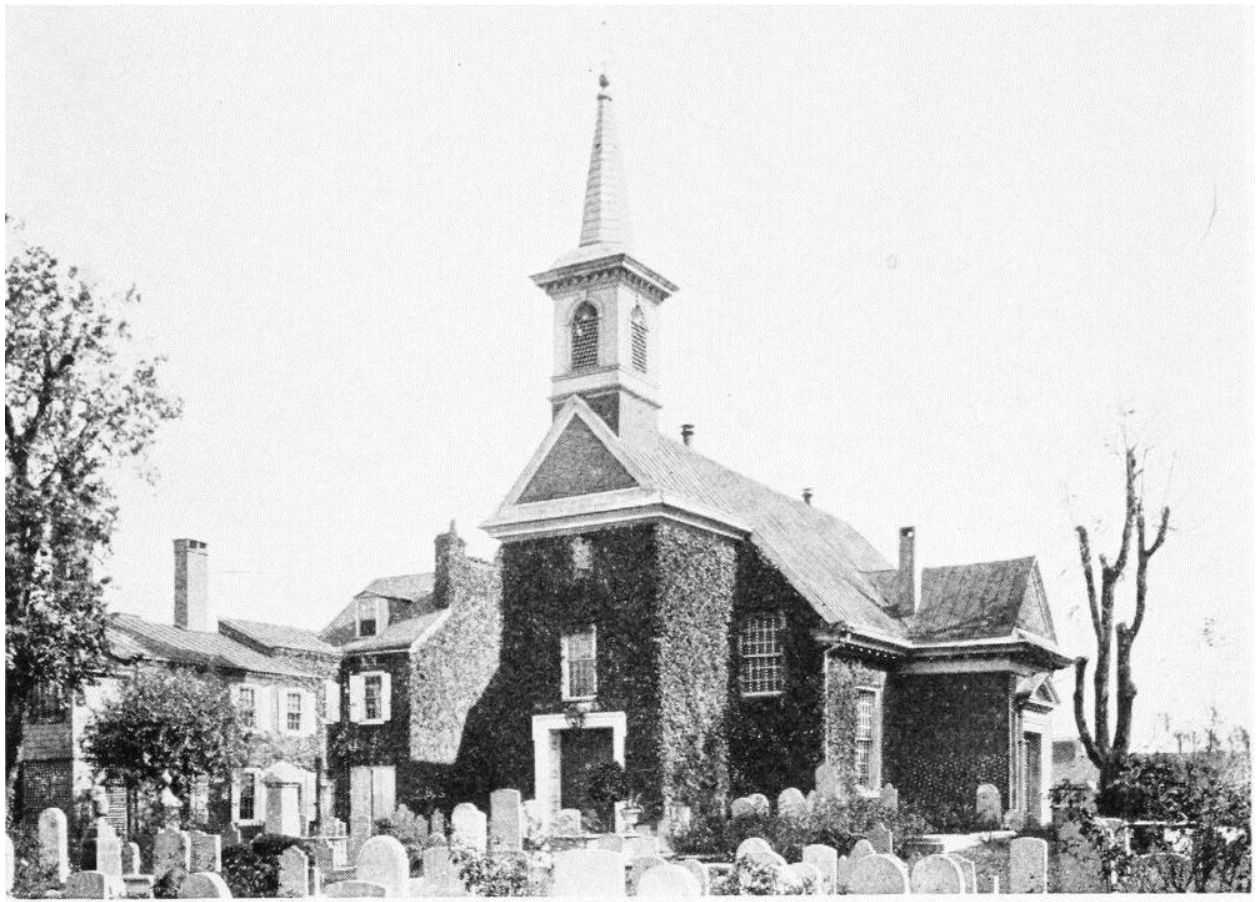
[back](#)

[back](#)

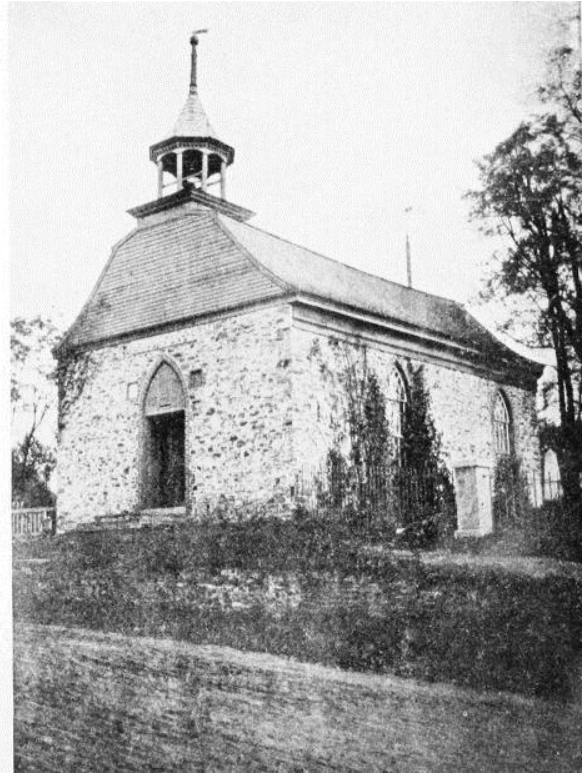
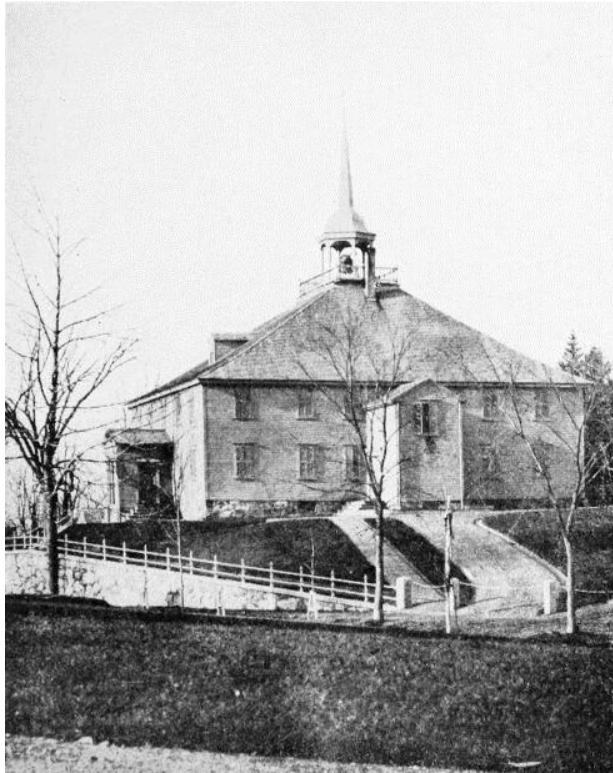
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)